ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

11 64/7

МАТЕРИАЛЫ
ПО
ЭТНОГРАФИИ

ТОМ IV

ВЫПУСК ВТОРОЙ

29-38739

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ
ЛЕНИНГРАД
1929

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея

Директор Музея *П. Воробьев.*

Апрель 1929 г.

Фотографии, за исключением отмеченных особо, выполнены фотографом Государственного Русского Музея *А. А. Гречкиным.*

Ленинградский Областлит № 38296. Тираж 1000—11¾ л.

Гос. тип. имени Ивана Федорова. Ленинград. Звенигор., 11

ПЕРЕВЕС.

Ловища ея (Вольги) суть по всеи земли
и по Днѣпру перевѣсища и по Десне...

947 год. Повесть временных лет.

Одним из широко распространенных в Западной Сибири способов ловли водоплавающей птицы, имеющих существенное промысловое значение, является ловля уток при помощи перевеса.

Несмотря на глубокую древность этого рода промысловой охоты и некогда весьма широкое ее распространение, охота с перевесом не получила должного освещения.

Первое упоминание о перевесе (перевесище) мы находим под 946 годом в Повести временных лет по Радзивиловскому списку, где говорится, что двор княжий был в городе (Киеве), а перевесище вне города. Под 947 годом о перевесищах княгини Ольги по Днепру и по Десне упоминается в Повести временных лет по списку Лаврентьевскому. Срезневский в своих „Материалах для словаря древне-русского языка по письменным памятникам" (СПБ. 1902) дает следующее толкование слову перевесище. Перевесище — место, где устроены перевесы, т. е. сети для ловли птиц. О перевесе же он пишет, что это большая сеть для ловли птиц и зверей, которая перевешивалась с одного шеста на другой или с дерева на дерево в лесу. Перевесник — ловец птиц при помощи перевеса. Объяснение интересующего нас слова Срезневским дано вполне правильное с одной оговоркой. Перевес, сеть для ловли птиц и притом птиц водоплавающих, никогда не употреблялась и, как будет видно из ее описания, не могла употребляться для ловли зверей. Нельзя согласиться со вторым толкованием, данным Срезневским слову перевес — шатер, навес. Последнее толкование слову перевес дано Срезневским по нижеследующему тексту Русской Летописи по Никонову списку: „Обѣдалъ (великий князь) на своемъ лузе противу Симонова подъ перевѣсьемъ". Вне всякого сомнения слово перевесье — место, где ставится перевес — употреблено здесь в своем прямом смысле с целью точнее обозначить место, где обедал великий князь.

Уже двух выше приведенных упоминаний летописи о перевесищах было бы достаточно для суждения о том значении, какое имел в Древней Руси этот своеобразный способ ловли птиц, сохранившийся до наших дней во всей своей чистоте у русского населения таежной Сибири. Между тем, как мы увидим ниже, о перевесищах очень часто упоминается и в более поздних исторических документах на ряду с другими угодьями и урочищами, имеющими важное экономическое значение.

Начиная с XIII века, мы находим ряд указаний на распространение перевесов в Новгородской земле [1]; в XIV — XV в.в. в Рязанской [2]; в Белоруссии с XIV века [3]; с XV века в Московской земле [4]; в XVII в. на Тавренге реке.

Таким образом, начиная с X по XVII век включительно, мы имеем сведения о перевесах, широко, повидимому, распространенных в лесной полосе Европейской России.

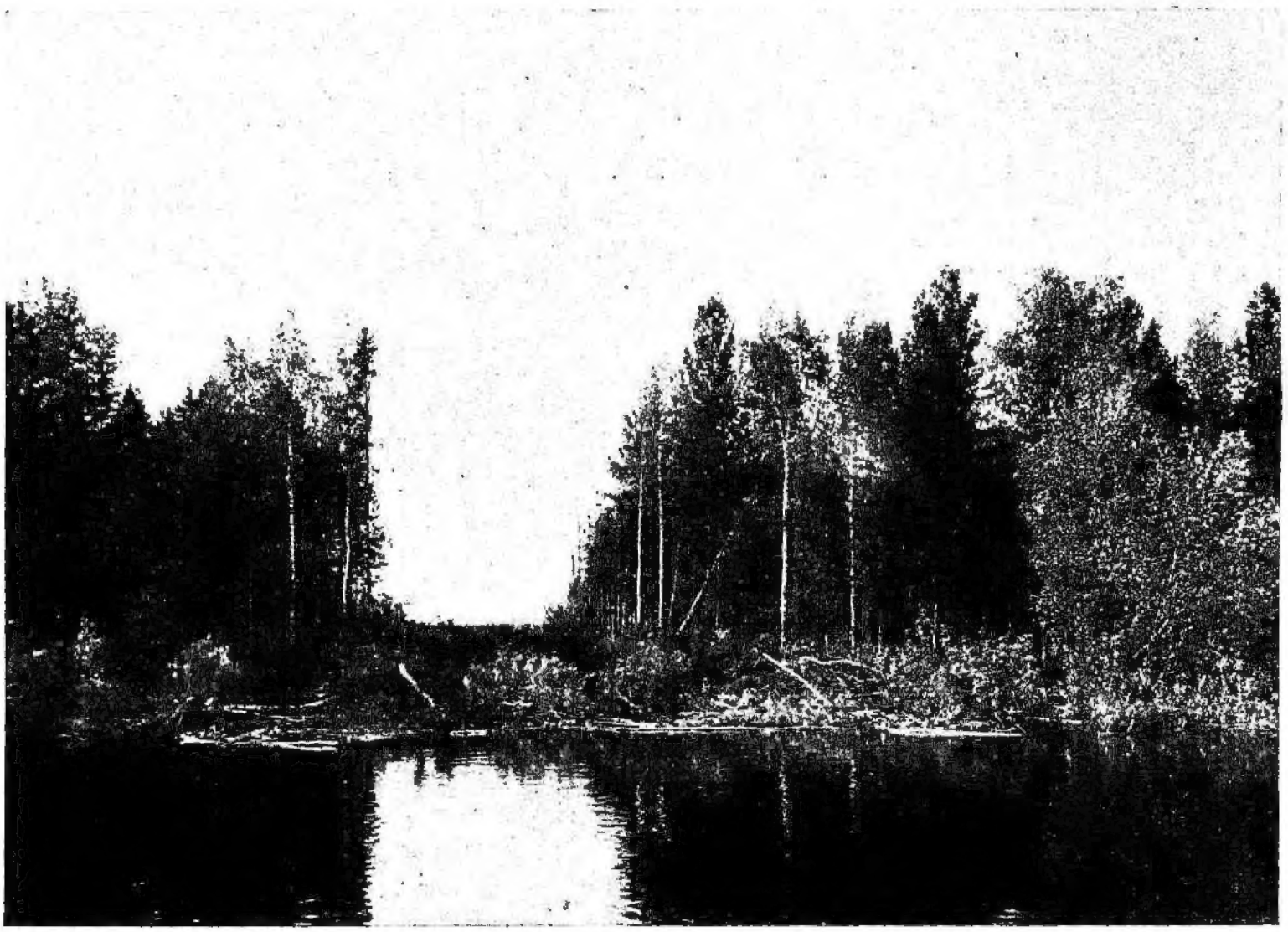


Рис. 1. Плоха́ — просека для перевеса; долина р. Вах Сургутского у.

Фот. Б. Н. Городкова.

Первое описание ловли птиц перевесом относится к первой половине XVIII века. Крашенинников[5] в своем описании земли Камчатки сообщает следующее: „Утокъ наибольше ловятъ перевѣсами, то есть сѣтьми, съ бо̀льшимъ искуствомъ и трудомъ, нежели другихъ

---

[1] Отводная на земли Ковалева монастыря. Акты юридические, № 138. Новгородские купчие XIV и XV вв. Акты юридические, № 71.

[2] Жалованная грамота Рязанского кн. Олега Ивановича Рязанскому Ольгову монастырю. Акты исторические, т. I. Жалованная грамота Рязанской вел. княг. Анны Васильевны Солотчинскому монастырю. Акты историч., т. I, № 80. Царский наказ Белозерским губным старостам и целовальникам 1571 г. Акты Археогр. эксп., т. I, № 281.

[3] Записи Лаврашскому монастырю на имения XIV в. Акты южн. и зап. России, т. II, № 64.

[4] Грамота правая по спорному делу о пахотных землях и пустошах Симонова монастыря 1462 — 1505. Акты юрид. быт., т. I, № 52, II. Русская летопись по Никонову списку, т. V, 108. Явка крестьян Трофима Назарова и Андрея Савина 1604 г. Акты юрид., № 48.

[5] Крашенинников, С. Описание земли Камчатки. СПБ. 1818, ч. I, стр. 480 — 481.

птицъ. Гдѣ между озерами есть лѣса, а растояніе не весьма велико, тамъ жители съ озера на озеро, или съ озера на рѣку прорубаютъ лѣсъ въ прямую линѣю, которымъ мѣстомъ птицы во все лѣто обыкновенно перелетаютъ. Осенью, когда окончится рыбной промыселъ, связываютъ Камчадалы по нѣскольку сѣтей вмѣстѣ, привязываютъ концами къ высокимъ шестамъ и вечером подъимаютъ ихъ къ верху столь высоко, какъ утки

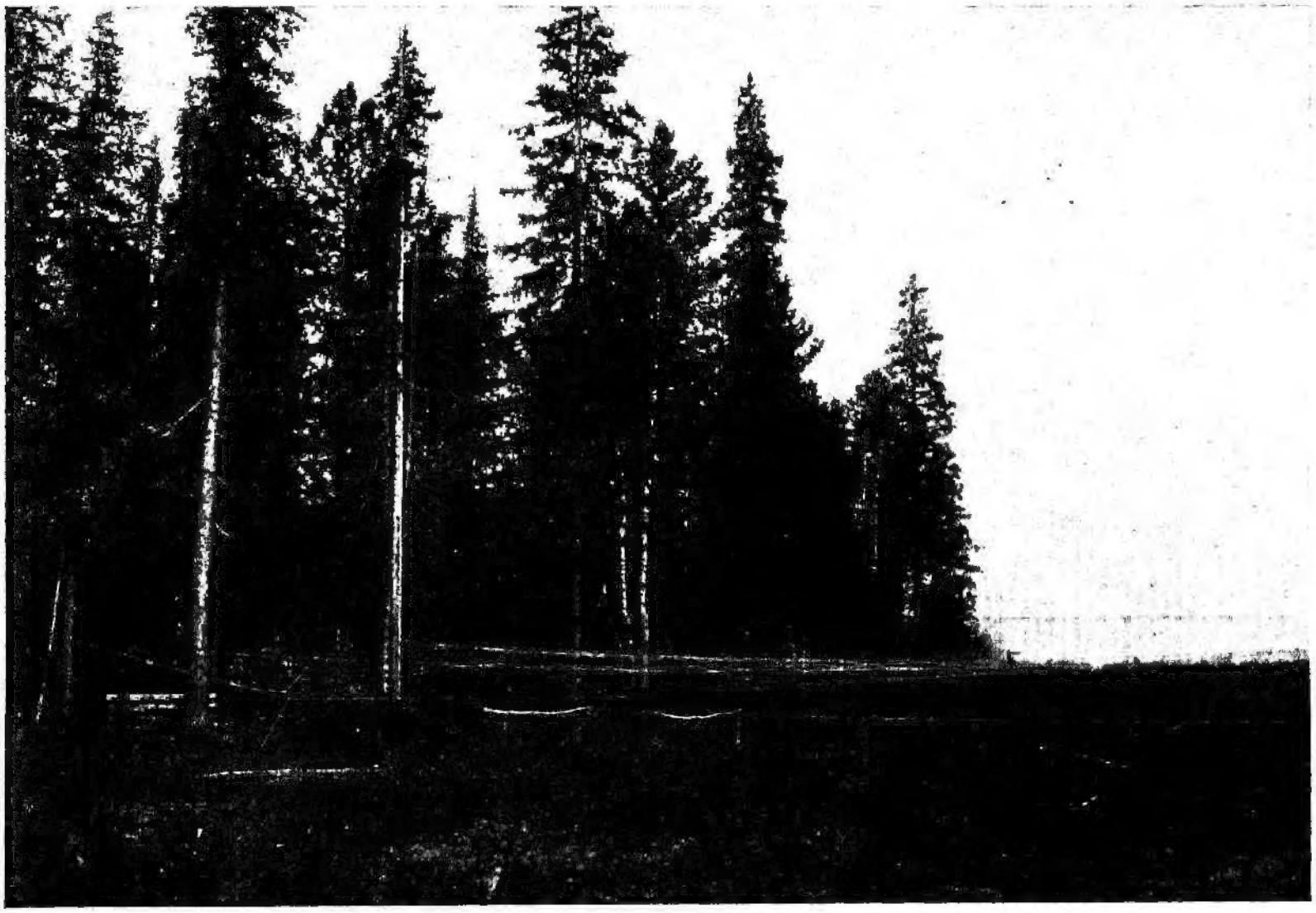


Рис. 2. Поднятый перевес; видна крупноячеистая сеть подтона и станок. Окрестности гор. Березова.
Фот. С. Руденко.

обыкновенно перелетаютъ близкое разстояніе. Въ сѣти вдернуты тетивы, которыми ихъ можно и стягивать и растягивать. За тетивы держатъ нѣсколько Камчадаловъ, которые стягиваютъ вмѣстѣ, когда на сѣти налетятъ утки. Иногда случается, что налетаютъ онѣ въ такомъ множествѣ, и съ такимъ стремленіемъ, что сѣти насквозь пробиваютъ. Такимъ же образомъ перетягиваютъ сѣти чѣрезъ узкія рѣки, и ловятъ каменныхъ и другихъ утокъ, а особливо по рѣкѣ Быстрой. Однако сей способъ ловить птицъ нетокмо на Камчаткѣ, но и по всей почти Сибири употребителенъ".

Вне сомнения, ловля перевесами, которыми, как сообщает Крашенинников, в его время ловили на Камчатке и гусей [1], была завезена на Камчатку русскими, как и многие другие охотничьи снаряды, о которых упоминает Крашенинников. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что у камчадалов (ительменов) не было специальной сети-перевеса, а для ловли уток описанным способом они связывали вместе по несколько рыболовных сетей, которыми и пользовались, как русские перевесом.

[1] Там же, стр. 476.

Во второй половине XVIII века о перевесе в среднем Поволжье писал Лепехин [1].

„Спровѣдали мы о особливомъ способѣ ловить живыхъ дикихъ утокъ, который хотя много схожъ съ Камчатскимъ, описаннымъ покойнымъ г. Профессоромъ Крашенинниковымъ, однако имѣетъ нѣкоторую разность; что удобно изъ краткаго описанія видѣть можно. Ловецъ избираетъ такое мѣсто, гдѣ два озера, между собою смежныя, раздѣлены перелѣскомъ, или къ озеру подходитъ рѣчка. Перелѣсокъ вычищаетъ ловецъ улицею, чрезъ которую вѣшаетъ сѣть длиною сажени въ три. Верхъ сѣти бываетъ широкъ, а къ низу сходится клиномъ. Къ верхнему концу сѣти въ маломъ разстояніи

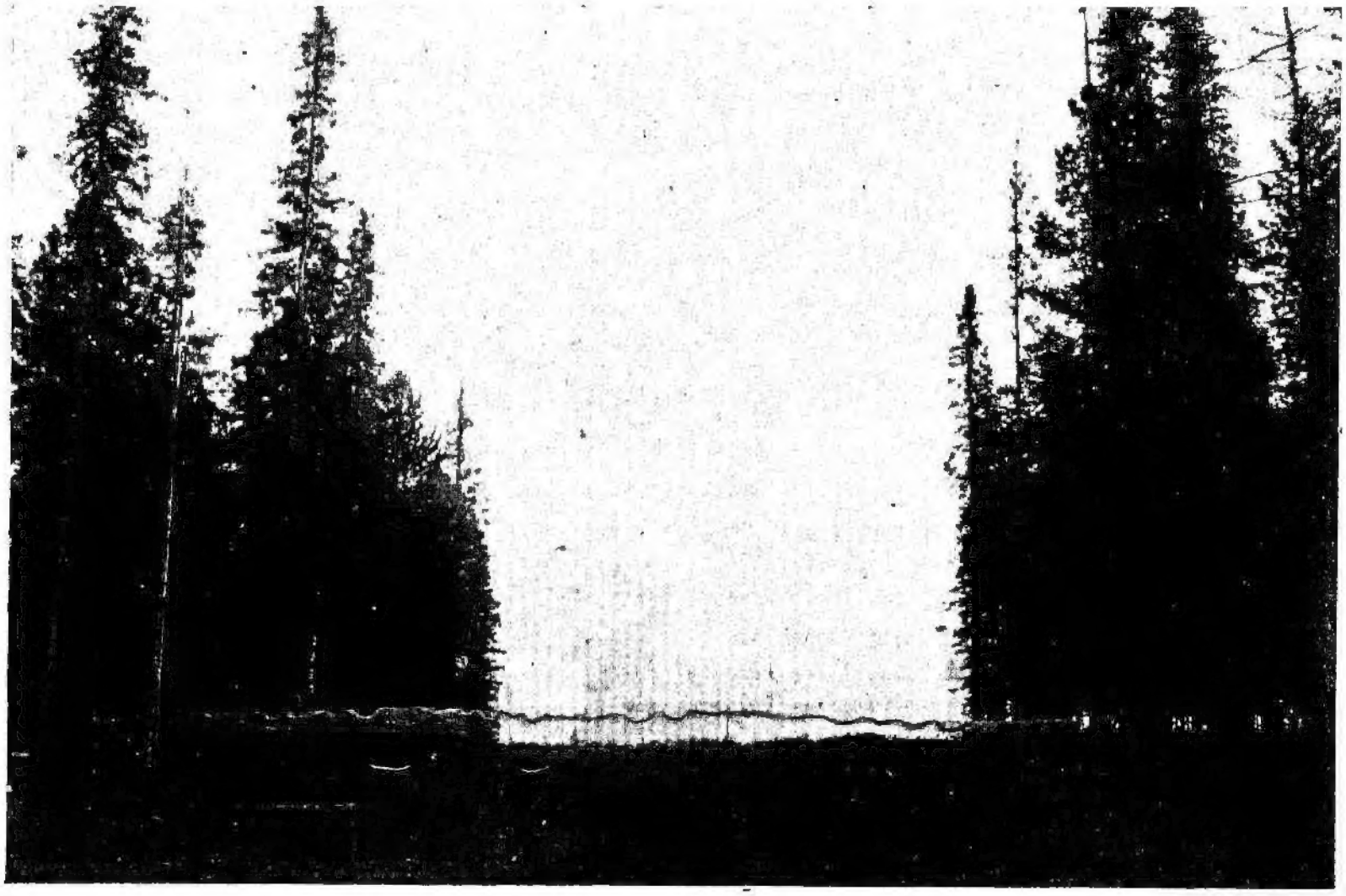


Рис. 3. Опущенный перевес с подтоном; видна передняя труба. Окрестности гор. Березова.

Фот. С. Руденко.

пришиваются кольцы, чрезъ которыя продѣвается веревочка. На веревочкѣ разпущенную сѣть слегка прикрѣпляютъ къ деревьямъ. Когда на одно озеро налетятъ утки, тогда на другомъ озерѣ пускаютъ утку, привязанную на ниткѣ, которая какъ скоро закричитъ, селезни подымаются съ озера, и летя прочищенною въ перелѣскѣ улицею, находятъ въ ней сѣтной простѣнокъ, в которой какъ скоро ударятся, то кольцы на покатой веревочкѣ сбѣгаются вмѣстѣ; чрезъ что селезни запутавшись попадаются въ руки ловцу".

Одновременно с Лепехиным, Паллас [2] описал охоту с перевесом на зауральских озерах, причем им впервые дано обстоятельное описание и самого снаряда.

---

[1] Лепехин. Записки путешествия академика Лепехина. СПБ. 1821, ч. I, стр. 255.

[2] Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского Государства. СПБ. 1786, ч. II, кн. 1, стр. 422—424.

„Онѣ (казаки и мужики челябинские) ловятъ гусей или сѣтьми, или на воздухѣ слѣдующимъ образомъ. Надобно избрать къ сему въ близи озеро по крайней мѣрѣ съ одной стороны довольными рощами закрытое, ибо и птицы любя таковое отъ бушующихъ вѣтровъ находятъ защиту больше корма и покоя. Дикіе гуси имѣютъ привычку каждое утро при восхожденіи солнца отлѣтать на нивы питаться, а въ вечеру возвращаются опять на воду мыться и ночевать; и такъ примѣтивъ ту половину, которою гуси перелетаютъ, прорубливаютъ въ рощѣ аршинъ на двадцать на пять ширины перспективу, по которой стадо гусиное приобыкаетъ взадъ и впередъ летать, не желая подни-

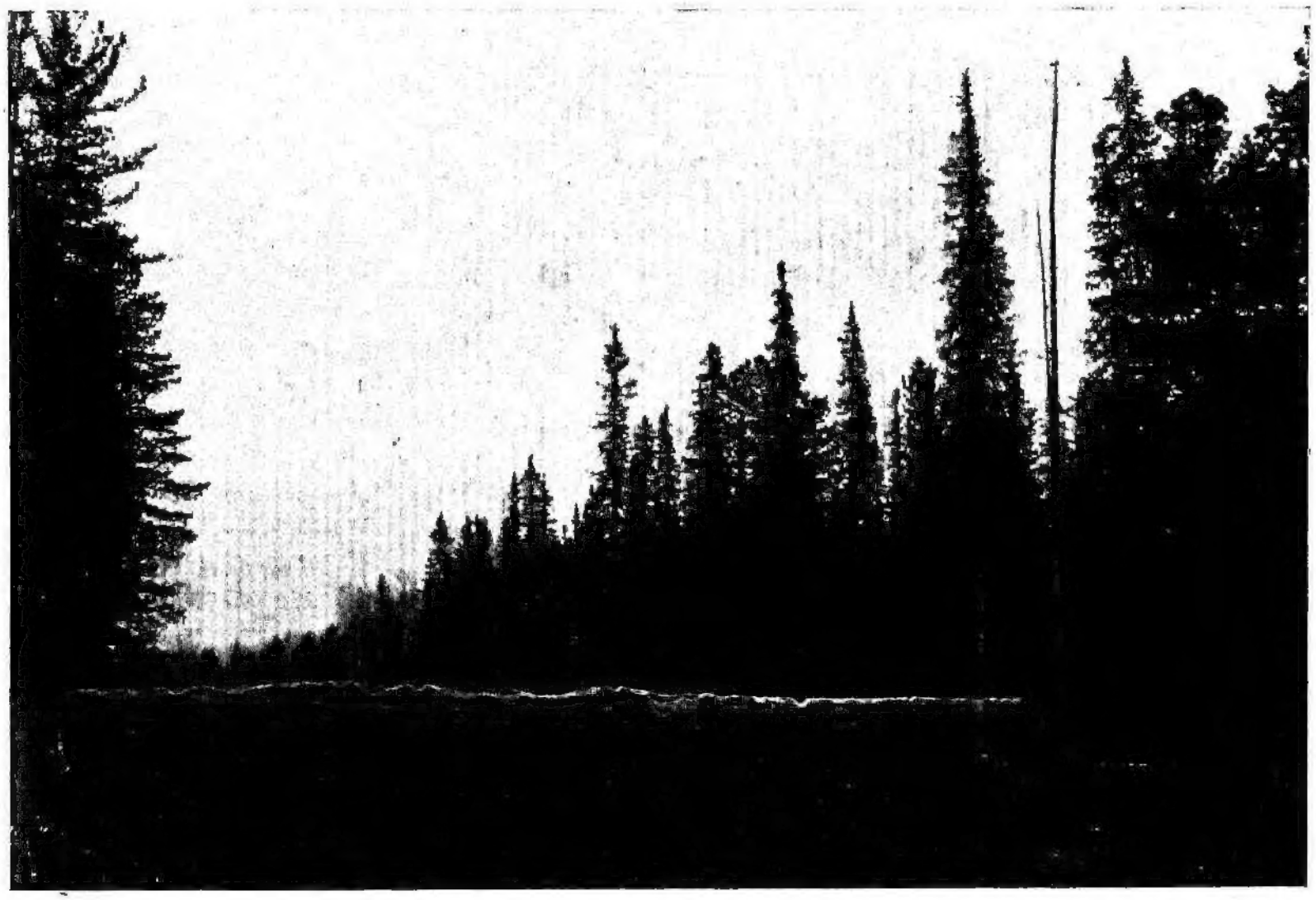


Рис. 4. Опущенный перевес с подтоном; видна задняя труба. Окрестности гор. Березова.

Фот. С. Руденко.

маться выше рощи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много озеръ въ близкомъ одно отъ другова разстояніи, вырубливаютъ такову же улицу отъ одного озера къ другому, посредствомъ которыя утки въ сумеркахъ перелетываютъ и такимъ же образомъ ловятся. — Саженъ на двадцать на пять или тридцать отъ онаго озера до другаго на сей прорубѣ оставляются двѣ отмѣтно высокія березы, столь точно отдаленныя, какъ пріуготовляемая сѣть длинна. Сѣть сію или перевѣсъ плетутъ изъ крѣпкихъ въ двое сученыхъ конопляныхъ ниток оставляя диры вершка полпята пространныя. Перевѣсы бываютъ обыкновенно отъ 18 до 25 или 30 аршинъ длиною, отъ 7 до 10 шириною; верхней и поперечные концы обшиваютъ веревкою, а по двумъ угламъ привязываются саженъ 30 длиные тетивы. — На вышеупомянутыхъ обѣихъ деревьяхъ очищенныхъ отъ сучьевъ и вѣтвей приколачиваютъ въ верху прямо долгой въ концѣ на подобіе вилъ раздѣленный шестъ. Намѣревая приступить къ ловлѣ охотникъ влѣзаетъ въ сумеркахъ на сіи деревья

и привязанные къ перевѣсу тетивы перетягиваетъ чрезъ вилы, и тѣмъ разпростирая сѣть тянетъ оную въ верхъ такимъ образомъ, что она поднявшись нѣсколько аршинъ выше земли концами одной стороны касается на обѣихъ деревьяхъ приколоченнымъ вилообразнымъ шестам; дабы же оная отъ вѣтру не колебалась укрѣпляютъ ее къ колышкамъ пятью или шестью привязками при семъ случаѣ *поттомы* именуемыми. За симъ держа крѣпко въ рукѣ тетиву удаляется охотникъ отъ перевѣса въ сторону толь далеко, сколько длина тетивы ему позволяетъ, и такъ скрывшись въ траву ожидаетъ до утренней зори своея добычи; гуси обыкновенно за часъ до восхожденія солнца изъ озера вылетающие не могучи во мракѣ узнать хитроуготованной къ ихъ пагубѣ сѣти вытянувъ шеи влетаютъ прямо въ оную, въ то самое время перевѣсъ низпускается, а гуси природною своею тяжестію лишившись дѣйствія крыльевъ низвергаются на землю, и сколько оныхъ долетѣло запутавшись въ сѣть, остаются добычею ловца. Иному удается временемъ изловить въ одинъ разъ ихъ двадцать и болѣе, и почти ни одной ночи напрасно не прокарауливалъ. Кромѣ обыкновенныхъ большихъ гусей и казарокъ, изъ которыхъ найвкуснѣйшее въ свѣтѣ дѣлается жаркое, ловятъ симъ же образомъ различнаго рода утокъ и гагаръ. По утру опустивъ перевѣсъ, привязываютъ къ которому-нибудь изъ деревъ, а после чтобъ не драться каждой день на дерево, подымаетъ по тетивѣ сквозь вилы проведшей и такъ продолжаютъ сію охоту, покудова гуси въ сихъ мѣстахъ имеютъ свое пребываніе".

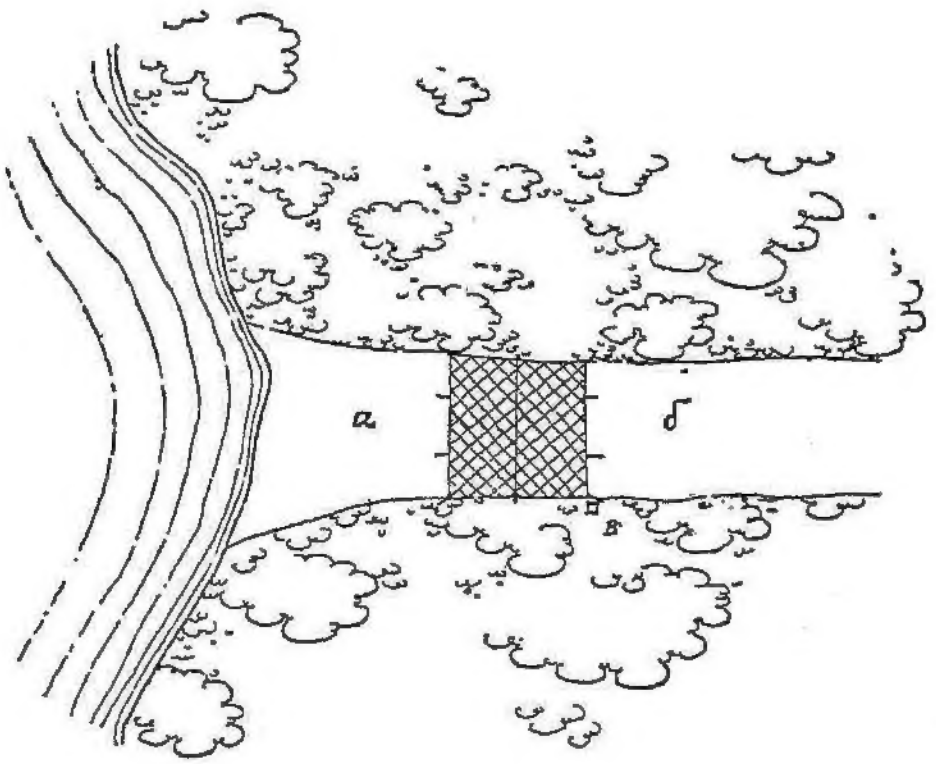


Рис. 5. План перевеса: *а*—передняя труба; *б*—задняя труба; *в*—станок.

В XIX веке мы имеем: упоминание о ловле уток перевесом в Мезенском у. Архангельской губернии [1]; описание способа ловли перевесами „в старые годы существовавшего" в бассейне р. Шексны [2]; многочисленные упоминания о ловле перевесами с краткими описаниями в Западной Сибири [3].

С перевесом и способом ловли при помощи этого снаряда подробно мы имели возможность ознакомиться в 1909 году в Березовском крае Тобольской губернии.

Ловля уток и гусей перевесами — промысел преимущественно весенний и начинается с прилетом уток. Река Обь в среднем своем течении вскрывается в мае и разливается на десятки верст, затопляя поемные луга и образуя так называемые „соры". В это время на севере, там, куда стремится водоплавающая птица на гнездовья, еще лежит снег. Птица массами скопляется в среднем течении Оби в ожидании вскрытия

---

[1] Подвысоцкий. Словарь Областного Архангельского наречия. СПБ. 1885.

[2] Арсеньев, Ф. А. Речная область Шексны. Труды Ярославск. Губ. Ст. Ком. 1866.

[3] Зап. Имп. Русск. Геогр. О-ва. 1852, кн. VI, стр. 316—317; Финш, О. и Брем, А. Путешествие в Западную Сибирь. М. 1882. Природа и Охота. 1889, кн. III и 1892, кн. VI.

реки в ее низовьи. Часть птицы тут же остается на гнездовье, большинство же в июне отлетает к северу и гнездится при озерах и речках обширной зоны тундры, в частности на полуострове Ямале. Пребыванием пролетной водоплавающей птицы и пользуется население бассейна р. Оби — русские, остяки и северные вогулы — промышляя ее перевесами.

Ловля перевесом требует непременного устройства специальной просеки, известной под названием „перевесье" или „плоха́" [1]. Перевесья прорубаются между двумя лесными

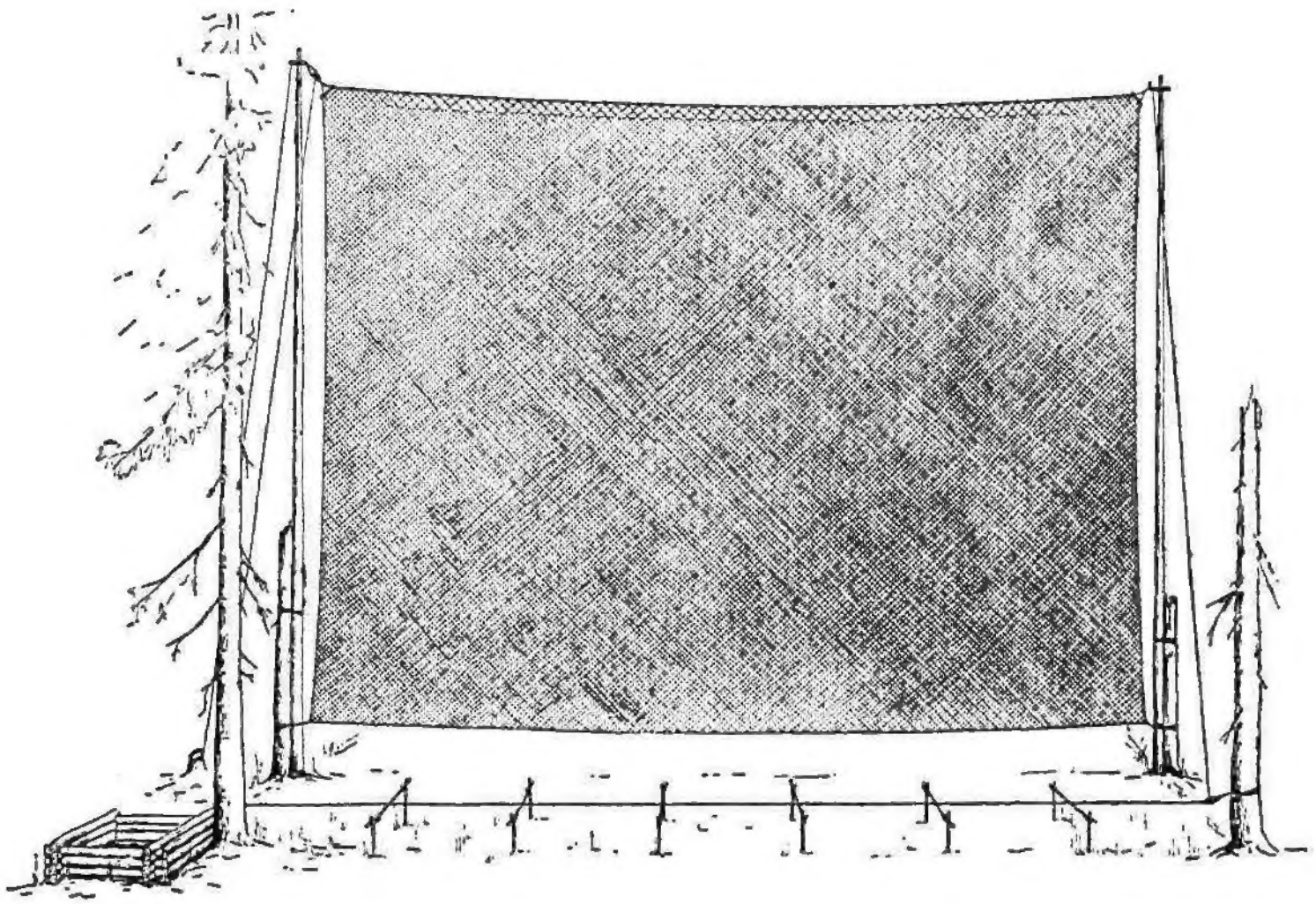


Рис. 6. Схематический рисунок постановки перевеса.

озерками, облюбованными птицею, чаще между рекою, ее протоком и сором или озерком. Прежде чем рубить перевесье, промышленник наблюдает над перелетом птицы с одного водоема на другой, что обычно совпадает с кратчайшим расстоянием между водоемами, перелетным путем птицы. По наблюдению местного населения господствующее направление полета уток „по шелонь", т. е. с юго-востока на северо-запад. В этом направлении чаще всего и просекаются в высоком густом лесу перевесья. В перевесье различается короткая „передняя труба", ближайшая к водоему, и длинная „задняя труба", направляющаяся вглубь леса (см. рис. 5). Ширина перевесья определяется размерами сети-перевеса и колеблется от 16 до 20 м., длина же перевесья зависит от топографических условий и иногда бывает довольно значительной.

---

[1] Термин „плоха́" впервые упоминается Палласом при описании оз. Завьялова у Тобола. „Между заливами озера прорубаютъ чрезъ лѣсъ плохи для ловли перевѣсами весною и осенью пролетающихъ туда и сюда утокъ, какъ прежде было описано" (ч. II, кн. 2, стр. 48).

После того, как перевесье прорублено и очищено от валежника и кустарниковых порослей, птица при своих перелетах не подымается над лесом, а летит низко, просекой. Так как хорошие перевесья служат многие десятки лет и, как все вообще перевесья, передаются по наследству, переходя из поколения в поколение, их владельцам приходится только подчищать, а для пролетных и жирующих птиц они становятся привычными перелетными путями.

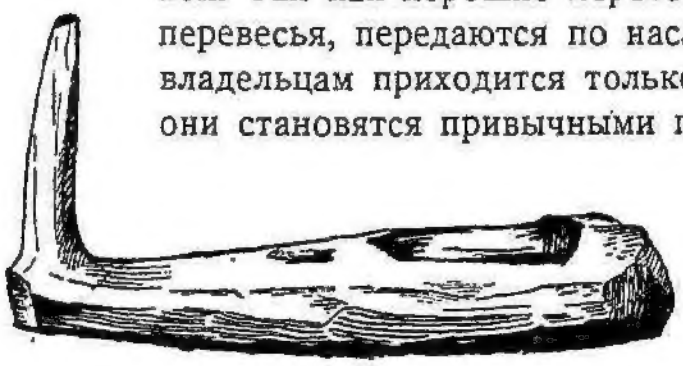


Рис. 7. Крюк, насаживаемый на верхний конец журавца; 1/2 нат. вел.

Птица налетает на перевес чаще всего с передней трубы с ближайшего водоема, чем и определяется местоположение „станка", в котором сидит ловец. Впрочем, птица налетает в перевес и с задней трубы.

При установке перевеса по краям перевесья ставятся „журавцы", длинные деревянные шесты, достигающие своими верхними концами уровня вершин высоких деревьев перевесья. Чаще всего журавцы укрепляются на двух подходящих для этой цели, очищенных от сучьев, деревьях „поджорнах" или, если журавцы достаточной длины, то они просто ставятся на земле и на уровне человеческого роста крепко привязываются „разбуйными" веревками к поджорнам. На верхнем конце каждого журавца насажен особой формы крюк (рис. 7) так, чтобы он сидел крепко и не вращался, или поперечный брусок. В последнем случае на конце бруска, обращенного к перевесью, привязан костяной или деревянный блок „векша" (рис. 8). Иногда от противоположного векше конца бруска, следовательно от вершины журавца вниз, идет туго натянутая для крепости веревка „подвекошна".

На журавцах остяцких и вогульских перевесов мы обычно имеем отмеченные выше крюки, иногда, впрочем, встречаются и блоки, чаще на журавце становом, т. е. с той стороны, где сидит промышленник. На журавцах перевесов русского населения почти всегда укреплены векши.

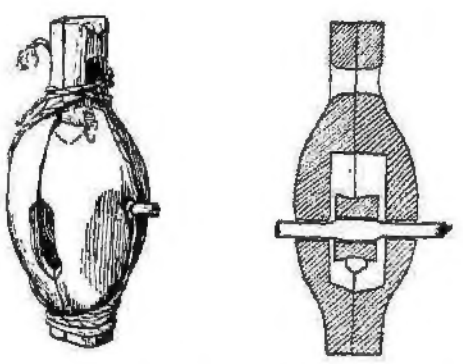


Рис. 8. Блок-векша; 1/2 нат. вел.

Перевес представляет собой мелкоячеистую (4—5 см. в поперечнике) сеть из тонких льняных у русского населения и более грубых крапивных ниток у остяков и вогулов. Средний размер сети 14 × 19 м. Сеть окаймляет крепкая, льняная, крученая бечевка, именующаяся, в зависимости от того, по какой стороне она идет, верхняя, нижняя и боковые „тетивы" или „солымя" (соломя) перевеса. Сеть перевеса однородна, за исключением верхнего края, где имеется ряд усовершенствований. Прежде всего принимаются меры к укреплению верхних угловых ячей сети, испытывающих наибольшее натяжение при поднятии сети. С этой целью на расстояние метра от края к трем—пяти диагональным нитям ячей на известном расстоянии одна от другой вплетаются добавочные нити. Добавочные нити обычно встречаются в вогульских и остяцких перевесах. Закрепление углов в перевесах русских достигается при помощи особых палочек, „разлук", и добавочных нитей в верхних ячеях сети, как это показано на рис. 9. Другая, весьма характерная, особенность строения верхнего края сети перевеса заключается в том, что только на расстоянии 1,6 м. от обоих углов краевые ячеи сети, насаженные на тетиву, имеют обычные размеры, на всем же остальном пространстве верхние краевые ячеи вдвое крупнее остальных ячей сети (рис. 10). Кроме того, все эти крупные краевые

ячеи не непосредственно насажены на тетиву, а на всех русских перевесах при помощи маленьких роговых — из копыта оленя или лошади (реже деревянных) — колечек. Последнее приспособление дает необычайную подвижность верхней части сети, что, как увидим ниже, представляется крайне важным.

Перед началом лова промышленник, на высоте человеческого роста, между журавцами натягивает толстую веревку, к которой привязывается нижним краем перевес. К верхним углам или угловым палочкам-разлукам (как это показано на рис. 6) привязываются тонкие крученые веревки, так называемые вожжи: „становая", ближайшая к „станку", где сидит промышленник, и дальняя „отводная". Вожжи зацепляются за крюки на вершинах журавцев или продеваются в блоки там же укрепленные. При помощи этих вожжей перевес на векшах (блоках) подымается кверху и натягивается между журавцами поперек перевесья. Вожжа становая от векши протягивается непосредственно к станку, отводная же от векши направляется вниз, продевается через „лонгаль", привязанный на высоте 30—40 см. от земли к дереву или нарочито вбитому в землю колу, и от него поперек перевесья идет к станку. Чтобы отводная вожжа, пересекая перевесище, не зацепилась на своем пути за кустик или еще какое-либо препятствие, устраиваются „козелки" продольные жердочки, покоющиеся на сошках сантиметров 40 высотой, на которых и лежит отводная вожжа (рис. 6 и 11).

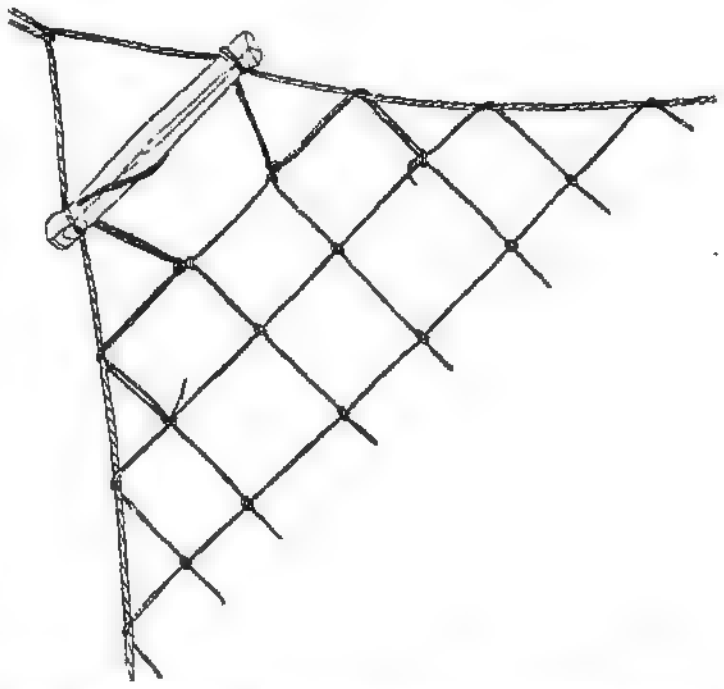


Рис. 9. Верхний угол сети перевеса с разлукой; 1/4 нат. вел.

Промышленник „сидящий перевесом" помещается в „станке", небольшом срубе в четыре, пять бревен, скрытом под деревьями. Он берет в руки обе вожжи, становую и отводную, и на векшах подымает кверху перевес. Когда перевес поднят, обе вожжи находятся в одной руке промышленника, чаще же зажаты в „шимиле", вбитом в землю в углу станка коле, расщепленном наверху. Иногда вожжи обматываются вокруг соседнего дерева, захлестываются петлей и в последнюю втыкают палочку; петля эта делается так, чтобы вожжи, как только палочка будет выдернута, немедленно освободились, и перевес пал. Последнее очень важно, так как от момента спуска перевеса зависит удача лова.

Сидящий перевесом забирается в станок часов с девяти вечера. В это время года, в конце мая, начале июня, ночи светлые, и сумерки бывают не более часа-полутора. Птица налетает в перевес часов с десяти до одиннадцати, но ловятся и перед утренней зарей. Промышленник из станка зорко следит за пролетающей птицей, так как важно во время опустить перевес. По словам промышленников, при своем стремительном полете утки пролетают сквозь туго натянутый перевес, прорвав нити сети. Если перевес новый и крепкий, утки ударяются об него и улетают. Перевес следует опускать в тот момент, когда утки подлетят к самой сети. Если уток летит немного, перевес опускается непосредственно перед тем моментом, когда они должны прикоснуться к сети; если же их летит большая стая, то перевес опускается немного раньше, передние утки ударяются в сеть, задние налетают уже в силу инерции, и сеть опускается на землю.

Далеко не все утки попавшие в сеть делаются добычей промышленника. Многие успевают выбраться из сети прежде, чем попадут в руки охотника. Попавшая в сеть и испуганная птица сильно бьется и путает ее, охотнику же необходимо как можно скорее покончить с птицей и снова натянуть сеть. Между тем сеть зацепляется за кусты, траву, сучья и прочий мусор перевесья, а также пачкается о землю. Последнее особенно не желательно, так как снова поднятая запачканная сеть становится заметной и отпугивает пролетающих уток, которые взлетают поверх сети. Сеть поэтому всегда тщательно очищается от травы, веток и сучков. Русское население кроме того слегка подсинивает белую нитку перевеса, утверждая, что голубая сеть самая прозрачная.

Во избежание всех этих неудобств, параллельно перевесу и по обе стороны его, поперек перевесья, натягиваются „подтонные" веревки. Вбиваются в землю двенадцать кольев, высотой 60 — 80 см., и между ними натягивается шесть мочальных веревок: три по одну сторону перевеса и три по другую, так что расстояние между крайними

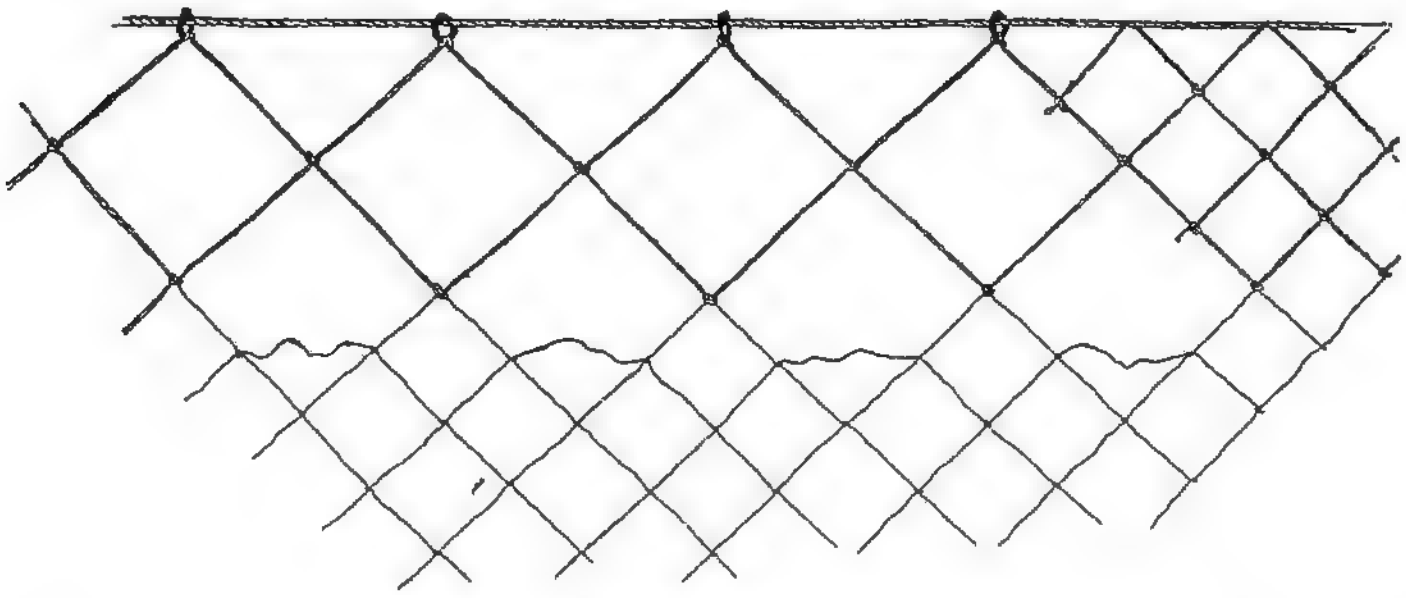


Рис. 10. Верхний край сети-перевеса на верхней тетиве (1/4 нат. вел.).

веревками достигает 12 м. При наличии подтонных веревок перевес с утками не падает на землю, а ложится на эти веревки. Если утки налетают со стороны передней трубы, то перевес падает на подтонные веревки задней трубы, если же они налетают со стороны задней трубы, то перевес падает на веревки передней трубы. Этим избегается запутывание и пачкание сети перевеса. Попавшие в корытообразные углубления сети между подтонными веревками утки легче запутываются в сеть, но некоторые из них все же имеют возможность высвободиться из нее.

Все перечисленные выше недостатки устраняются с применением „подтона" (поддона) — особой крупноячеистой сети, широко распространенной среди русского населения Северо-Западной Сибири, промышляющего перевесами.

Подтон — крупноячеистая (около 70 см. в поперечнике), из мочальных веревок (диам. около 4 мм.) сеть, размером 18 × 18 м. Растягивается подтон между журавцами в перевесье на высоте 60 — 80 см. от поверхности земли так, чтобы нижняя тетива перевеса проходила по его середине и непосредственно на нем лежала.

При ловле перевесом с подтоном сеть с птицей падает в большие ячеи подтона и образует несколько мешков или карманов, из которых птице выбраться невозможно, да и сеть не пачкается. Кроме того, оказавшиеся в мешках птицы не так запутывают сеть и легче из нее вынимаются.

Весьма своеобразен способ умерщвления попавшей в перевес птицы. С пойманной птицей надо покончить без кровопролития, чтобы не запачкать кровью сеть. Кровяные черные пятна отчетливо видны на натянутой сети и препятствуют лову. Промышленник „закусывает" зубами пойманную птицу, сжимая ей мозжечек. Так как закусывание и затем освобождение из сети птицы делается второпях, то плохо закушенные птицы могут очнуться и улететь. Во избежание последнего, вынутым из сети птицам заламывают крылья или, свернув шеи, закладывают головы под крылья.

Наиболее благоприятное время для ловли перевесом—тихие весенние ночи. Перевес должен быть натянут хорошо, без морщин, иначе он заметен. В ветреную погоду

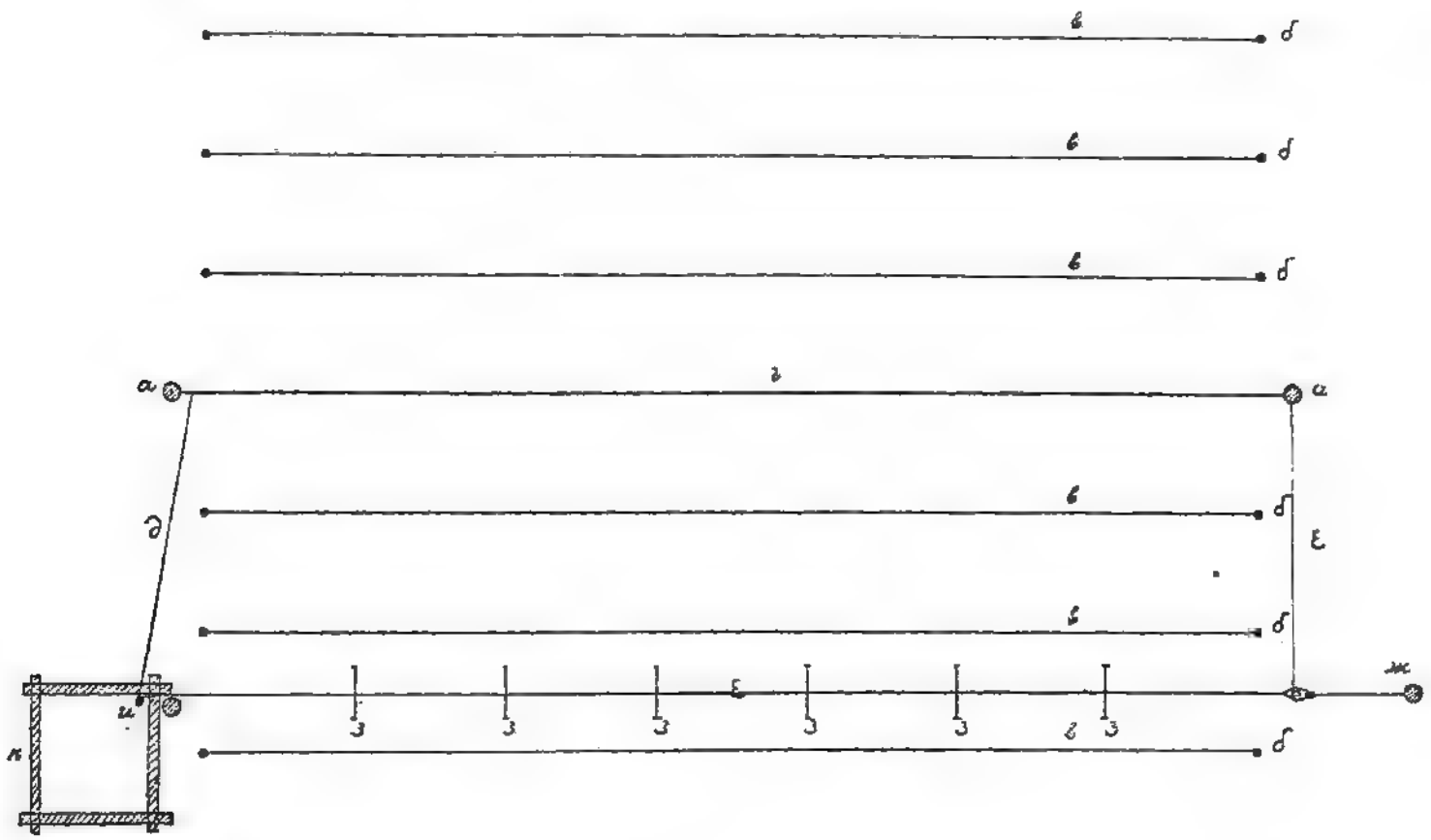


Рис. 11. Схематический план постановки перевеса: *а* — журавцы; *б* — колья для мочальных веревок; *в* — подтон; *г* — перевес; *д* — становая вожжа; *е* — отводная вожжа; *ж* — дерево, к которому привязан лонгаль; *з* — козелки; *и* — шимпло; *к* — станок.

он парусит и неправильно спускается. Сидеть надо тихо. Некоторые промышленники для привлечения птицы крякают по утиному, но приманка при данном способе лова существенного значения не имеет.

Для „счастья" русское население в верхних углах перевеса пришивает завернутые в тряпочку пучки „богородской травы". Перевес можно продать, но без этого талисмана, который пришивается владельцем его к другой сети.

Как было уже неоднократно отмечено, перевесом ловят главным образом уток всех возможных пород, иногда в перевесы попадают гуси и изредка журавли. Промысел этот довольно прибыльный, так как за весну на каждый перевес в среднем приходится от 100 до 200 уток, а так как семья промышленника имеет обычно два-три перевеса, то на каждую семью приходится около 500 уток. Внутренности добытой птицы выбрасываются, в брюшную полость засыпается горсть соли, и птица вешается в прохладном месте, где сохраняется почти год.

Из вышеприведенного описания мы видим, что перевес является сильно дифференцированным и развитым птицеловным снарядом, имеющим по крайней мере тысяче-

летнюю давность. Применяющийся только там, где имеются высокоствольные леса и водные бассейны, он имеет вполне определенный ареал распространения. В древности широко распространенный по всей лесной Европейской России, он вместе с русской колонизацией проник далеко на восток и в первой половине XVIII века мы находим его уже на полуострове Камчатке. Как исконно русская промысловая снасть, перевес в Северо-Западной Сибири, современном ареале его распространения, у русского населения сохранил свое древнее наименование и ряд архаичных терминов в отдельных своих частях. Туземное население Сибири, повидимому, давно переняло от русских этот птицеловный снаряд. По крайней мере у вогулов и остяков мы встречаем их собственную терминологию для перевеса (*пац-кан*) и для отдельных его частей. Между тем, насколько мы могли проследить у туземцев Сибири, перевес нигде не достигает тех совершенных конструктивных форм, которые так характерны для перевеса, бытующего у русского населения Северо-Западной Сибири.

С. Руденко.

ROUDENKO, S. LE „PÉRÉVÈCE".

Le „pérévèce"—filet pour prendre au printemps les canards et les oies sauvages, — est un des plus anciens appareils russes d'oisellerie. Les chroniques russes font mention dès le commencement du X sc. des lieux nommés „pérévècistché" où l'on posait ces filets et les „pérévèces" mêmes. D'après les documents historiques les „pérévèces" étaient, en apparence, largement répandus à partir du X sc. jusqu'au XVII sc inclusivement dans la zone forestière de la Russie d'Europe. Avec la colonisation russe les „pérévèces" ont pénétré dans le nord de l'Asie; nous avons des données sur eux à la Kamtchatka d'avant de la première moitié de XVIII sc.

Le „pérévèce" est un appareil d'oisellerie fortement différentié et développé, destiné à servir dans les forêts à haute futée près des flasques d'eau. On ne trouve à présent cet ancien appareil d'oisellerie que dans le nord-ouest de la Sibérie chez les habitants russes et les populations indigènes, ces dernières l'ayant emprunté aux russes. Dans le nord-ouest de la Sibérie, le chasseur de nos jours prend au printemps jusqu'à cinqcents canards à l'aide de cet appareil, ce qui prouve l'importance économique de cette chasse.

Explication des figures.

1 — 4. Vue générale d'une percée, où l'on pose les „pérévèces". 5. Plan d'une percée, où l'on tend le „pérévèce" pour prendre les canards. 6. Dessin schématique du „pérévèce" tendu. 7. Crochet en bois auquel on accroche le coin supérieur du „pérévèce". 8. Poulie pour amener le „pérévèce". 9, 10. Détails de l'aménagement du bord supérieur du „pérévèce". 11. Plan schématique de la pose du „pérévèce".

Графическое искусство остяков и вогулов.

Своеобразный остяко-вогульский орнамент получил широкую известность благодаря работе Сирелиуса [1], в основу которой легли разнообразные орнаментальные мотивы остяков и вогулов, встречающиеся на берестяной посуде и мехе. Разумеется, материалами, опубликованными Сирелиусом, не исчерпывается многообразная остяко-вогульская орнаментика. В собраниях наших центральных и особенно местных музеев, без сомнения, найдется еще не мало орнаментальных мотивов и их вариантов, не отмеченных Сирелиусом. Особенно много пробелов в изображениях птиц и зверей, которыми так богата остяко-вогульская орнаментика. В упомянутой работе Сирелиус вовсе не касается исключительно интересного шитого орнамента южных остяков и вогулов, в настоящее время уже вымершего, но сохранившегося в музейных собраниях. Кое-какие дополнения к материалам по остяко-вогульской орнаментике, опубликованным Сирелиусом, дает альбом Мартина [2], в котором имеются также две таблицы рисунков, исполненных остяками на бумаге, и статья Семайера [3]. Шитому орнаменту посвящены только небольшие заметки [4].

Не задаваясь целью всестороннего обзора остяко-вогульского графического искусства, мы имеем в виду ознакомить только с частью материалов, собранных нами во время экспедиции к остякам и вогулам 1909—1910 годов [5], касающихся главным образом графики. По орнаментике мы приводим ряд изображений птиц и зверей, дополняющих опубликованные ранее.

Источники для изучения остяцкой и вогульской графики весьма разнообразны. Сюда относятся, прежде всего „знамена", собственноручные подписи остяков и вогулов на исторических документах, рисунки, которые мы находим на различных предметах, и пиктографы. Материал для изучения орнаментики мы черпаем в предметах домашнего обихода, главным образом, берестяной посуде, в татуировке, на одежде и проч.

Остяцкие знамена были в свое время изучены Оглоблиным [6] и с тех пор заняли особое место среди тамг и знамен многочисленных племен России. Просматривая ра-

---

[1] Sirelius, U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingfors. 1904.

[2] Martin, F. R. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm. 1897.

[3] Semayer, V. Vogul-osztják himes kéregedények. Budapest. 1905.

[4] Этнографические коллекции Тобольского Губернского Музея. Ежегодник Тобольского Губернского Музея. Тобольск. 1911.

[5] Руденко, С. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губ. Отчет Этнографического Отдела Русского Музея за 1910 г. СПБ. 1912.

[6] Оглоблин, Н. Остяцкие „знамена" XVII века. Исторический Вестник, кн. 10, 1889. Его же. „Знамена" сибирских инородцев XVII в. Зап. Уральск. Общ. Любит. Естеств., т. 13, вып. 1. Екатеринбург. 1891—92.

боту Ефименко [1], не трудно убедиться, что остяцкие знамена резко отличаются от знамен всех рассмотренных им народностей России своеобразным начертанием, имеющим много общего лишь с родовыми знаками северо-американских индейцев. В то время, как знаки русских крестьян и финских племен, тамги турецких и монгольских племен имеют весьма простое начертание, обычно комбинации прямых линий, реже буквенные обозначения, знамена остяков являются изображениями различных предметов и притом часто зверей, птиц и рыб. Не вдаваясь в вопрос о происхождении знамен вообще, в различные моменты жизни народа они могут иметь различное значение и происхождение, остановимся вкратце на знаменах остяцких.

В настоящее время мы встречаем у остяков и вогулов знамена, имеющие значение знака собственности, тавра. Последние употребляются для меты домашних животных или предметов и имеют начертания, обычные для тавра и для тамг русских, турецких и финских племен. Самое название знамени *сали пос* или *кат пос* свидетельствует о том, что мы имеем дело прежде всего с метой для оленя, хотя эти *сали пос* или *кат пос* ставятся и на лошадях, промысловых орудиях, в частности на грузилах и поплавках в коллективных неводах. Они же служат и подписными знаменами неграмотных на различных документах. Современные знамена остяков и вогулов существенно отличаются от интересующих нас знамен, встречающихся в документах XVII века. Там знаменем данного, руку прилагающего, остяка чаще всего, повидимому, служил его тотемный знак, изображение тотема. Остяки и вогулы принадлежат к числу немногих племен России, до сих пор связывающих происхождение отдельных своих колен с теми или иными родоначальниками-тотемами. На это в свое время было обращено внимание Гондатти [2], значительный материал по данному вопросу был собран и нами во время упомянутой поездки к остякам и вогулам. На северной Сосьве различные колена вогулов почитают, одни чайку (*Larus ichtyaëtos*), другие—гагару (*Colymbus septentrionalis*), третьи—оленя, иные—лося, выдру, налима, ястреба, лягушку, какого-нибудь легендарного человекоподобного гения (старика—*ойка*). Не зная письменности, не имея индивидуальных тамг, остяки и вогулы, в XVII веке и позднее, на документах вместо подписи, удостоверяющей личность приложившего руку, изображали свои родовые тотемы. Знамена тотемного характера, как сказано, в большом количестве, опубликованы Оглоблиным. Эти знамена только до известной степени могут дать представление об остяцкой графике, хотя бы уже потому, что они начертаны были при исключительной обстановке и необычным орудием-пером, впервые взятым в руки. Тем не менее и здесь мы наблюдаем известный стиль, традицию в изображении ряда предметов. Достаточно просмотреть опубликованные Оглоблиным изображения оленей и других зверей и птиц (табл. I).

Сопоставление взятых нами из материалов Оглоблина остяцких знамен с остяцкими рисунками на бумаге в альбоме Мартина и, как увидим далее, собранными нами, свидетельствует о ряде общих черт в этих, хотя и схематических, но достаточно выразительных традиционных изображениях. Примитивность и простота начертания в значительной степени вытекает из их назначения.

Много общего со знаменами имеет татуировка, которая теперь уже редко встречается среди остяков и вогулов.

Первые сведения, относящиеся к началу XVIII века, о татуировке у остяков, мы находим у Г. Новицкого [3], который писал, что остяки „имѣють знаменія нѣкая: или

---

[1] Ефименко, П. Юридические знаки. Журнал Министерства Народного Просвещения. СПБ. 1874, ч. 176.

[2] Гондатти, Н. Л. Следы языческих верований у маньзов. Труды Этнографического Отдела Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Москва. 1887, кн. 8.

[3] Новицкий, Г. Краткое описание о народе остяцком сочиненное в 1715 г. Изд. Майкова. СПБ. 1884, стр. 33.

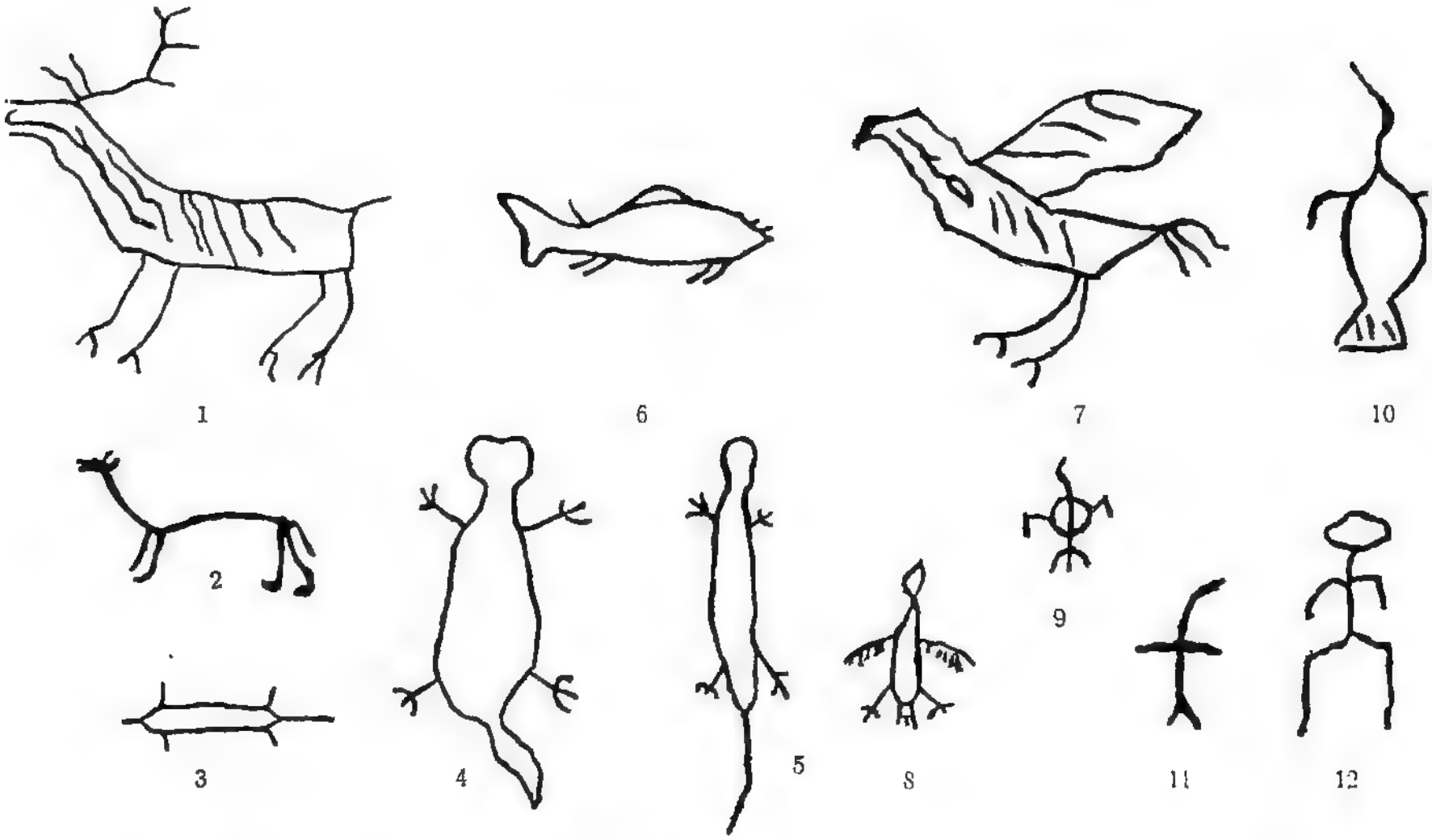


Таблица I (натур. величина).

Рис. 1. Олень—знамя остяков Сургутск. у., 1654 г.
Рис. 2. Олень—знамя остяков, XVII в.
Рис. 3. Соболь—знамя остяков Сургутск. у., 1646 г.
Рис. 4. Бобр—знамя остяков Сургутск. у., 1655 г.
Рис. 5. Выдра—знамя остяков Сургутск. у., 1655 г.
Рис. 6. Рыба—знамя остяков, XVII в.
Рис. 7. Тетеря—знамя остяков Сургутск. у., 1654 г.
Рис. 8. Филин—знамя остяков Сургутск. у., 1647 г.
Рис. 9. Тетерев—знамя остяков Березовск. у., 1648 г.
Рис. 10. Птица—знамя остяков, XVII в.
Рис. 11. Птица—знамя остяков, XVII.
Рис. 12. Человек—знамя остяков Нарымск. у., 1662 г.

взоры на руцѣхъ и персѣхъ, или на нозѣхъ, яже въ различныя виды и черты черностію сице изображають еще здѣтска руцѣ или нозѣ или на персѣхъ иглою до крове избодше сажею съ иными утварими тако крѣпко натирають, яко сотретися до кончины его не можеть. И сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты своя выписуютъ и заемная утверждають писанія. Не толико же се имѣють сего ради употребленія, но почытають се за украшеніе нѣкое, и женскій бо ихъ полъ такожде руцѣ себѣ изпещряють и украшають тоеюжде единою черностію, но изълишше различными виды и взоры птицъ и звѣрей сіе изображеніе изображають".

Позднее о татуировке остяков писал Паллас [1]. „Не меньше украшенія почитаютъ Остяцкія бабы, въ вышиваніи разныхъ синихъ фигуръ на тѣлѣ, какъ то на спинѣ, на локтяхъ, на берцахъ, или гдѣ индѣ; для вышиванія жъ берутъ сперва сажи и нарисовываютъ оною то, что имъ хочется, на конецъ по тѣмъ же слѣдамъ пройдутъ съ иголкою и прокалываютъ до крови, отъ чего впившаяся съ сажею кровь дѣлаетъ голубыя пятна такъ и заживаетъ. Мущины дѣлаютъ тоже, но только на однѣхъ кистяхъ; и оные знаки записываются въ ясашную книгу, что у нихъ, такъ какъ и у другихъ безграмотныхъ народовъ, столько же важитъ сколько рукой подписаться. На конецъ выписываютъ онѣ еще какіе нибудь фигуры на плечахъ или гдѣ индѣ, но то или по причинѣ болѣзни или по причинѣ какого другаго особливаго приключенія".

[1] Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПБ. 1788, ч. III, стр. 53—54.

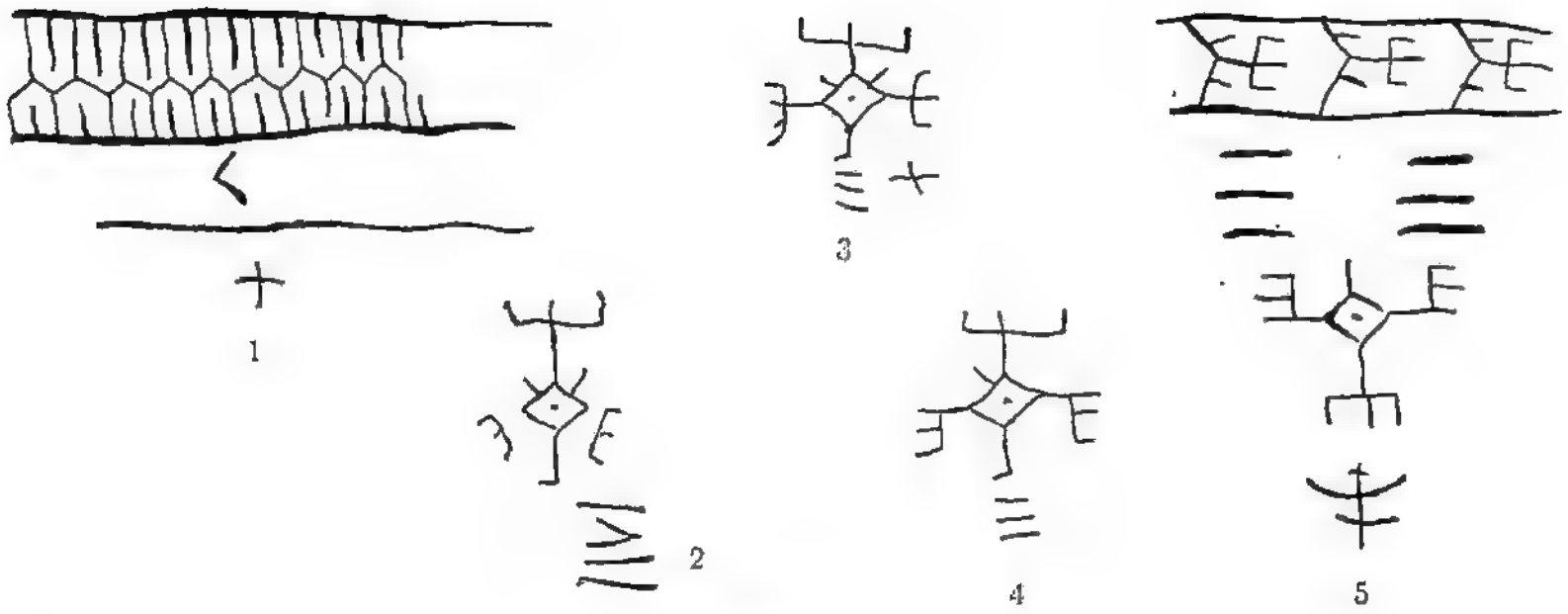


Таблица II.

Рис. 1. Тамга (татуировка) на левой руке девушки-вогулянки.
Рис. 2. Тамга (татуировка) на правой руке вогула Петра Бахтиарова.
Рис. 3. Тамга (татуировка) на правой руке остяка Нёрина.
Рис. 4. Тамга (татуировка) на правой руке вогула Федора Укладова.
Рис. 5. Тамга (татуировка) на правой руке девушки-вогулянки (той же, что и рис. 1).

Сорокинъ [1] въ своемъ „Путешествіи къ вогуламъ" сообщаетъ, что „у большинства Вогуловъ (какъ мужчинъ, такъ и женщинъ) на рукахъ (повыше кисти) и ногахъ можно замѣтить различные узоры, состоящіе изъ темно-синихъ черточекъ, квадратиковъ и точекъ... Эта татуировка тѣла, сколько мнѣ удалось узнать, имѣетъ различныя основанія: въ большинствѣ случаевъ молодыя женщины и дѣвушки разукрашиваютъ себя ею ради кокетства... Мущины же имѣютъ нѣсколько иную цѣль. Во время охоты, бродя по лѣсамъ Урала, Вогулъ время отъ времени вырѣзаетъ на стволахъ деревьевъ тѣ узоры, которые онъ имѣетъ на рукахъ или ногахъ, и такъ какъ каждое семейство имѣетъ свою тамгу, то всякій охотникъ, идущій по лѣсу и замѣчающій вырѣзки на деревьяхъ, можетъ быть смѣло увѣренъ, что Вогулъ изъ такого то семейства прошелъ въ этихъ мѣстахъ... Наконецъ, тамга служитъ еще и какъ медицинское пособіе. Если кто нибудь сломаетъ руку или ногу, или просто они долго болѣютъ—то надъ больнымъ или переломаннымъ мѣстомъ накалываютъ тамгу... Знаки на тѣлѣ дѣлаются очень просто: какимъ-нибудь острымъ оружіемъ производятся надрѣзы кожи болѣе или менѣе глубокіе и потомъ натираютъ пораненое мѣсто толченымъ порохомъ".

Во время нашей поездки к остякам и вогулам мы употребили все усилия к тому, чтобы зарисовать по возможности все встреченные нами татуировки. Обычай татуировки уже выводится, и нам удалось на всей огромной территории, заселенной северными вогулами и остяками, зарисовать только двадцать татуировок, изображения которых мы воспроизводим.

По собранным нами сведениям, в настоящее время татуировка производится с медицинской целью и как украшение. Чаще всего остяки и вогулы татуируются при ревматизме, ломоте в суставах. Тот воспалительный процесс, который сопровождает татуировку, отвлекает боль и даже, по их мнению, излечивает. Поэтому, татуировку мы чаще всего встречаем в области суставов рук (отсюда и самое название татуировки *ёшяут*, вогульские—*уйрысь*), реже плеч и ног. Татуировка медицинская в виде ряда полос

[1] Сорокин, Н. Путешествие к вогулам. Труды Общ. Естествоиспытателей при И. Казанском Университете. Казань. 1873, т. III, № 4.

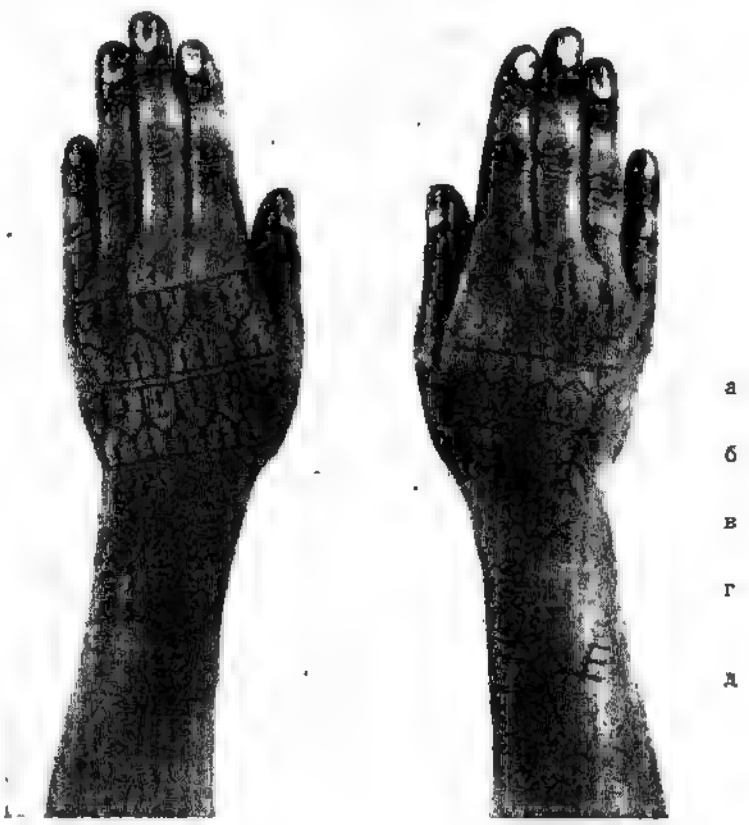
или рубцов встречается гораздо чаще узорной. Узорная татуировка, татуировка как украшение, часто сочетается с медицинскими целями (рис. 1).

Сведения, которые получили мы о технике татуировки, вполне совпадают с сообщениями Новицкого и Палласа. Узор накалывается иголкой, затем берется сажа с наружных стенок котла и втирается в наколотые места кожи. При татуировке необходимо соблюдать ряд установившихся правил, в частности сажу с котла нельзя снимать ножом, а необходимо делать это пальцем руки.

Вполне возможно, что в иных случаях при татуировке изображались тотемы. Вне сомнения, иногда татуировка, как особая примета, служила знаменем для данного лица, примеры чего приводят Новицкий, Оглоблин и Сорокин, но отожествлять татуировку с тамгами, знаменами вряд ли правильно.

Как общее правило, татуировка мужчин не вызывается соображениями эстетики. Она обычно состоит из нескольких параллельных, иногда перекрещивающихся, полос. В приводимых нами примерах (табл. III, рис. 1 и 2) она имеет форму креста. Сорокин дает татуировки вогулов (мужчин), где мы имем изображение птицы *ворчик*, но в данном случае мы имеем дело с особым видом татуировки, связанной с мистикой.

Татуировка женщин на открытых местах, кистях рук, узорчатая (табл. III, рис. 4—12). На предплечьях мы встречаем изображения птицы *ворчик* (табл. IV). На ногах и плечах татуировка встречается в виде отдельных полос. В некоторых случаях татуированы обе руки.



А Б

Рис. 1 — А. Татуировка на левой руке остячки Татьяны Лазям 40 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме. Б. Татуировка на правой руке остячки Татьяны Иорынхан. Ильби горт на р. Казыме: *а) йорын угыл хужансы* — завязки самоедской нарты; *б) хульнуу* — еловый сук; *в) пэрна* — крест; *г) мый харань яхты вой*—мышь; *д) вурчик* — птица.

Рассматривая рисунки татуировки на таблицах III и IV и сопоставляя их с опубликованными Сорокиным (табл. II), мы видим, что все они сводятся к нескольким традиционным мотивам, из которых часть встречается на меховых и суконных предметах, в частности на одежде, часть же типична только для татуировки. К первой категории мотивов относятся *нёл пос*, *ази вой ух* (в частности нижняя часть рис. 10 и 11, табл. III), ко второй — *вурчик* или *ворчик*. Реже встречаются стилизованные изображения ели или мыши.

Исключительный интерес представляет татуировка в виде птицы (табл. IV). Только в одном случае мы имеем изображение тетерева (табл. IV, рис. 3), своеобразное по стилю и отличающееся от прочих изображений. Все остальные изображения птицы отличаются поразительным сходством, несмотря на некоторые различия отдельных вариантов. Сравнивая все наши изображения птицы с подобными изображениями в работе Сорокина, мы убеждаемся, что везде имеем дело со строго установившимся традиционным стилем в изображении птицы татуировкой, стилем, не встречающимся в иных видах остяцкой и вогульской графики.

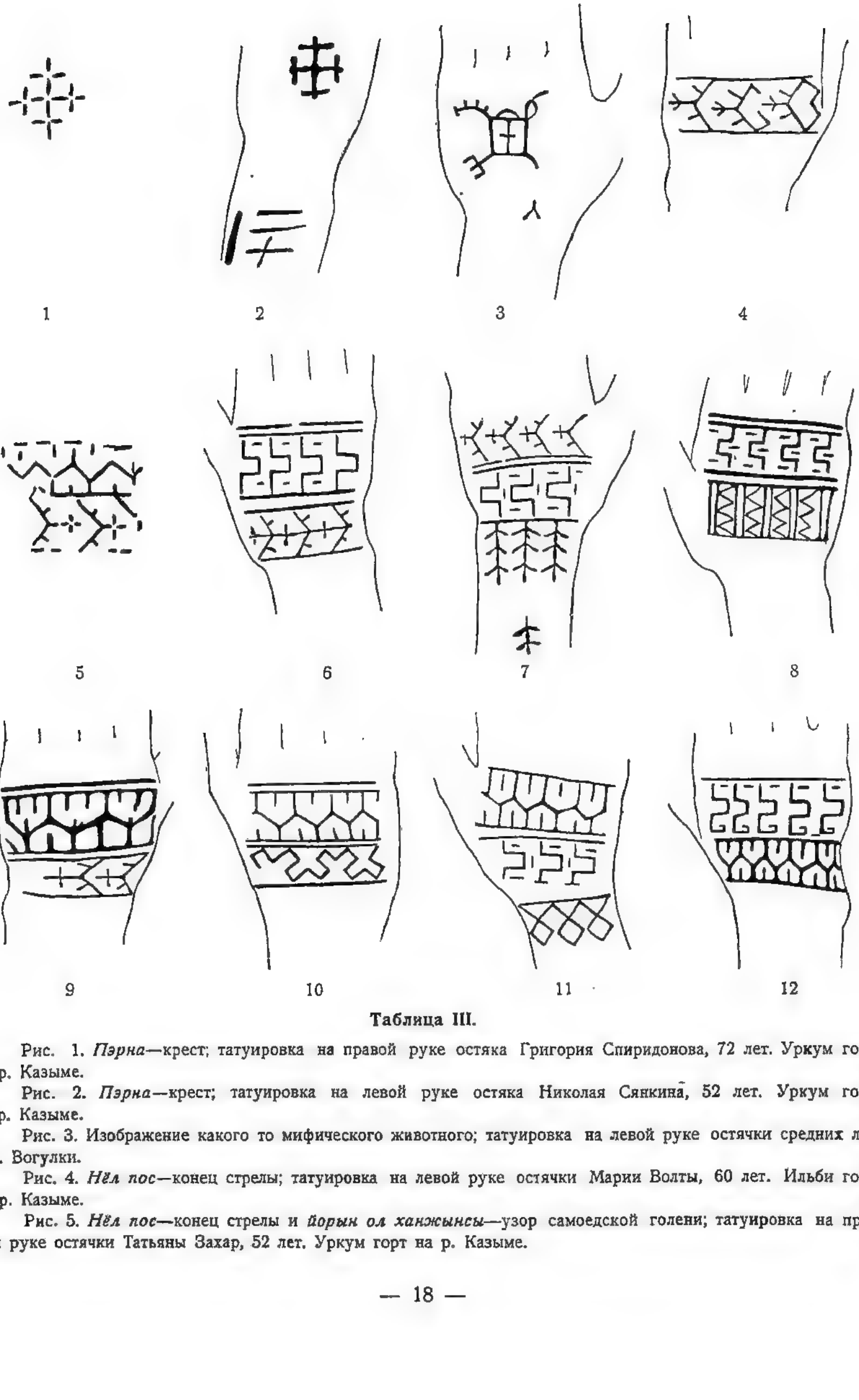


Таблица III.

Рис. 1. *Пэрна*—крест; татуировка на правой руке остяка Григория Спиридонова, 72 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Пэрна*—крест; татуировка на левой руке остяка Николая Сянкина, 52 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 3. Изображение какого то мифического животного; татуировка на левой руке остячки средних лет с р. Вогулки.

Рис. 4. *Нёл пос*—конец стрелы; татуировка на левой руке остячки Марии Волты, 60 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Нёл пос*—конец стрелы и *йорын ол ханжынсы*—узор самоедской голени; татуировка на правой руке остячки Татьяны Захар, 52 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 6. *Нёл пос*—конец стрелы; татуировка на правой руке остячки Татьяны Лазям, 40 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 7. *Ленгер кур* - мышиная нога, *хулэт* и *нёл пос*—конец стрелы; татуировка на левой руке остячки Акулины Андыма, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

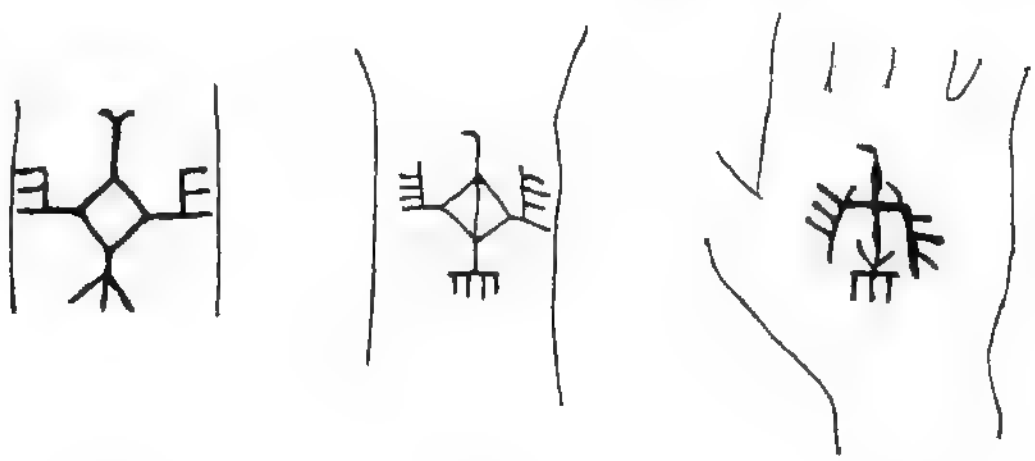
Рис. 8. *Нёл пос*—конец стрелы и *ази вой ух*—голова животного с клыком; татуировка на правой руке остячки Анны Вуды, 67 лет. Казым-ёган вож на р. Казыме.

Рис. 9. *Нёл пос*—конец стрелы и *йорын ол ханжынсы*; татуировка на левой руке старухи вогулянки с р. Северной Сосьвы.

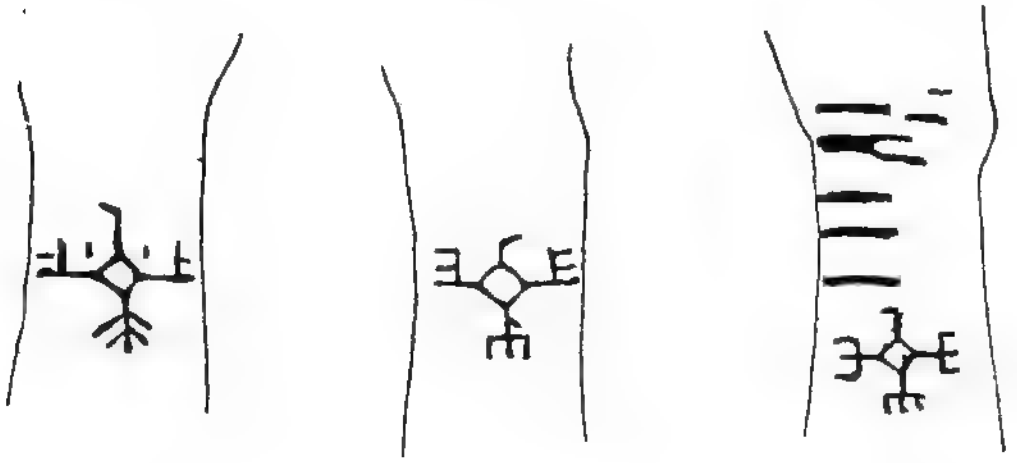
Рис. 10. *Нёл пос*—конец стрелы и *йорын ол ханжынсы*; татуировка на правой руке остячки Марии Волты, 60 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 11. *Йорын угыл ханжынсы* и *ази вой ух*—голова животного с клыком и *вурчик*—птица; татуировка на правой руке остячки Акулины Андыма, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 12. *Нёр нёгот* и *нёл пос*—конец стрелы; татуировка на правой руке остячки Авдотьи Волты, 63 лет. Казым-еган-вож на р. Казыме.



1 2 3



4 5 6

Таблица IV.

Рис. 1. *Вурчик*—птица; татуировка на правом предплечье остячки Марии Емалиб, 39 лет. Казым-тыи-вож на р. Казыме.

Рис. 2. *Ворчик*—птица; татуировка на правой руке вогулянки Домны Сергуски, 34 лет. Ильби пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 3. *Чопыр*—тетерев; татуировка на правой руке вогулянки Ульяны Ингилеб, 27 лет. Няхлы пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 4. *Вурчик*—птица; татуировка на предплечье правой руки остячки Акулины Андыма, 63 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Ворчик*—птица; татуировка на правой руке вогулянки Онисьи Огось. Мункез пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 6. *Ворчик*—птица; татуировка на левой руке вогулянки Марии Таратовой, средних лет. Волим пауль на р. Северной Сосьве.

Некоторый материал для изучения остяцкой и вогульской графики могут дать затесы на деревьях, значки — зачатки письменности, при помощи которых народности сибирской тайги отмечают пройденный путь и сообщаются между собой. По выше приведенной выдержке из „Путешествия" Сорокина можно заключить, что вогулы на затесах вырезают те же узоры (тамги), которые татуированы у них на руках и ногах. Среди затесов, которые мы наблюдали, нам не пришлось встретить узоров или изображений животных. Однако Кузнецов [1], в своем описании природы и жителей восточного склона Северного Урала, приводит изображения зверей, встреченные им на вогульских затесах (рис. 2).

Особый интерес представляют очень древние, повидимому, остяцкие рисунки на асанидских блюдах, одном из Коцкого городка Березовского округа и другом из собрания Салтыкова [2]. Блюда эти были использованы остяками по всей вероятности для ритуальных целей и на них мы встречаем многочисленные и притом весьма своеобразные канонизованные изображения людей.

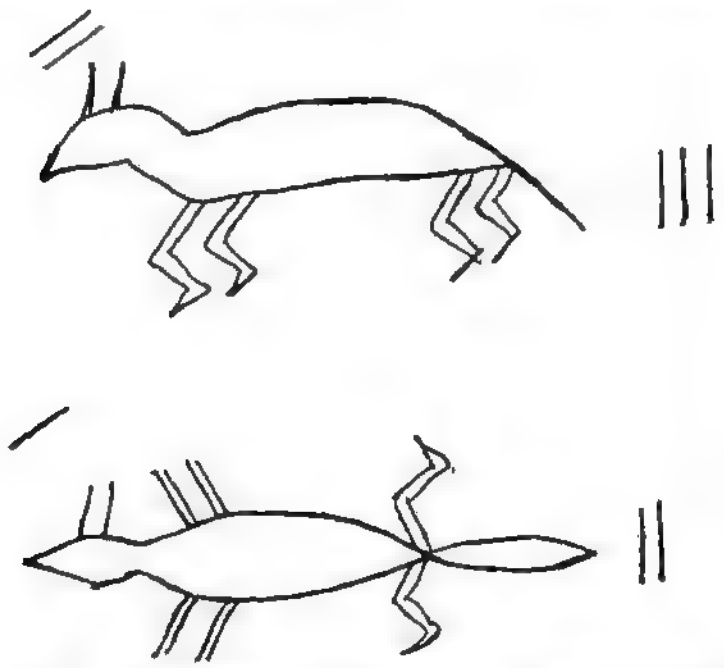


Рис. 2. Пиктографы: *а*) Два вогула с тремя собаками убили на этом месте россомаху; *б*) один вогул с двумя собаками убил на этом месте белку.

Переходя к обзору нашего собрания остяцких и вогульских рисунков на бумаге, отметим вкратце каким путем оно было получено. Первые рисунки были случайно сделаны одним из вогулов на р. Северной Сосве, впоследствии же, коротая бесконечно длинные зимние вечера, мы, по собственному почину, предлагали остякам и вогулам, желающим показать свое искусство, сделать те или иные зарисовки. Исполнителями были главным образом взрослые мужчины и женщины. За исключением двух случаев, которые в своем месте будут оговорены, рисующие ранее не имели в руках карандаша и поэтому работали им при рисовании как ножом; по-русски объяснялись с трудом да и то только двое, о грамоте же не приходится и говорить. В выборе сюжетов они были свободны, рисовали кому что вздумается. Впрочем, не исключается возможность заимствования сюжетов, так как нам нередко приходилось демонстрировать ранее исполненные рисунки, чтобы пояснить, что именно мы желали получить, предлагая карандаш и бумагу. Изображали остяки и вогулы главным образом различных животных: зверей (37%), птиц (25%), рыб (11%), человека (6%), насекомых (6%), земноводных (3%), различные сцены.

Обзор наших рисунков мы начнем по сюжетам, что представляет наибольший интерес, хотя его можно было бы сделать по авторам, ибо и здесь не редко можно по манере воспроизведения отличить рисунки одного автора от другого.

Среди воспроизводимых нами рисунков имеются зарисованные остяками и вогулами в наших альбомах, зарисованные на листах бумаги и просто на отдельных обрывках бумаги, случайно попавших в руки нашим посетителям. Мы имеем много дублетов,

[1] Кузнецов, Н. И. Природа и жители восточного склона Северного Урала. Изв. И. Русского Географического Общ. 1887, т. 23.

[2] Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПБ. 1909, табл. LVIII, рис. 12 и табл. XVII, рис. 40.

так как авторы часто не решались рисовать в альбоме и просили дать им лоскуток бумаги с тем, чтобы испробовать сначала, как выйдет рисунок, а затем уже рисовали в альбом. При этом следует отметить, что далеко не всегда чистовой рисунок в альбоме бывал лучше своего черновика, исполненного на обрывке бумаги.

Отсутствие навыка во владении карандашом, что надо иметь в виду при оценке художественных качеств рисунков, очень наглядно проявляется в воспроизводимых на рис. 3 изображениях северного оленя, сделанных низовым остяком Николаем Куйбиным. На наше предложение сделать какой-нибудь рисунок в альбом, остяк попросил сначала листок бумаги и нарисовал первое изображение своего любимого оленя (*а*). Рисунок этот его не удовлетворил, он взял второй листик и сделал второе изображение того же оленя (*б*). Наконец, им был исполнен третий рисунок в альбом (*в*). Таким образом мы имеем три изображения оленя, сделанные в течение получаса одним и тем же автором, что свидетельствует о несомненном успехе по мере освоения с непривычным орудием.

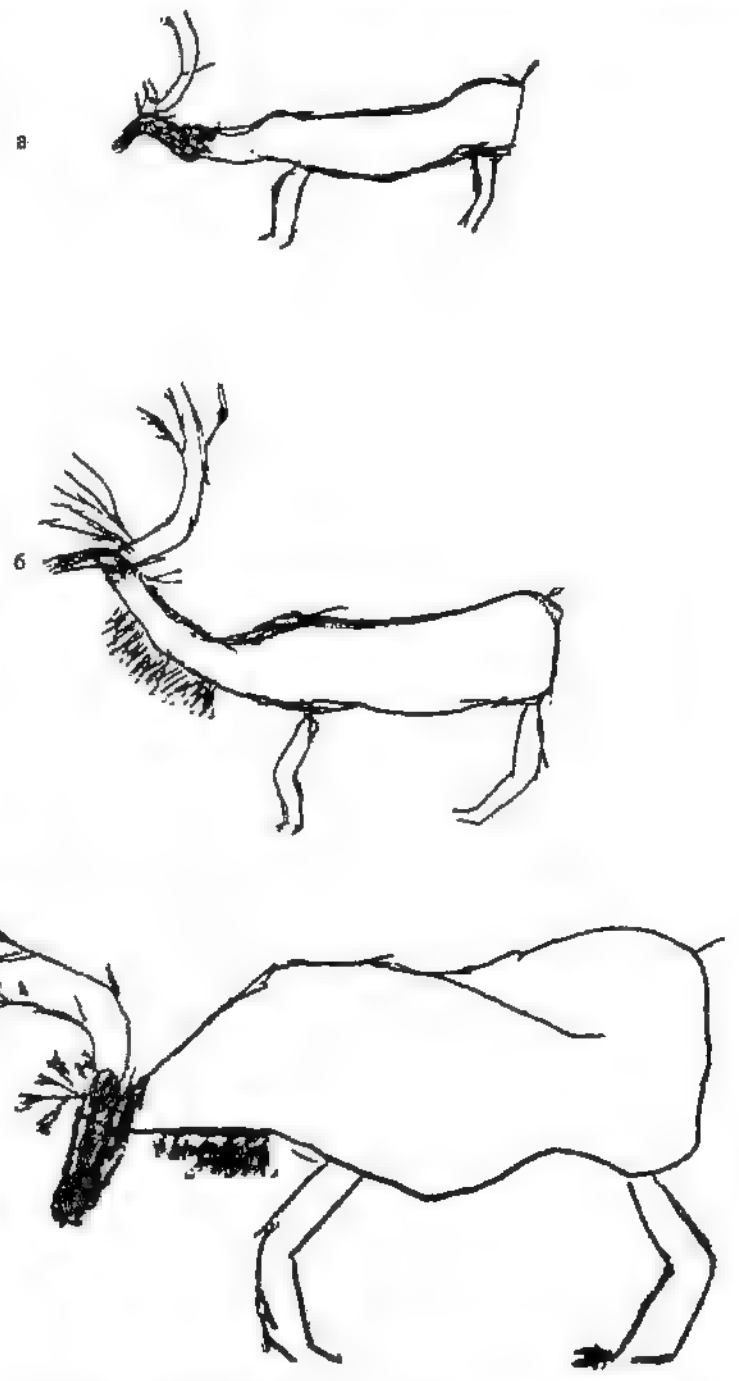


Рис. 3 а—в. Изображения северного оленя, исполненные остяком Обдорской волости Николаем Куйбиным, 46 лет (1/2 нат. вел.).

Одна из излюбленных тем в рисунках остяков и вогулов — изображение северных оленей, играющих столь важную роль в их жизни. Мы воспроизводим серию этих изображений (рис. 4, 8 и 9; табл. V, рис. 8 и 11; табл. VI, рис. 8; табл. XII, рис. 4 и 5). За исключением рис. 9, отличающегося особой манерой исполнения, присущей его автору, все остальные имеют много общего. Лучшее изображение оленя на рис. 3*в*, где хорошо передана форма тела этого животного и превосходно рога в весьма типичной для северного оленя форме. Своеобразно отмеченное выше изображение оленей на рис. 9, далеко уступающее другим изображениям в присущей остяцким и вогульским рисункам реалистичности изображения: только рога свидетельствуют о том, что мы имеем дело с изображениями оленей.

Редки изображения лося, лошади и коровы. Наименее удачно изображение лошади (рис. 4*а*) с достаточно четко выраженными видовыми признаками этого животного, но весьма слабо передающего его формы. Удачнее изображение головы коровы (табл. VI, рис. 7), рисунок же лося (табл. VI, рис. 11) превосходен и дает ясное воспроизведение этого животного.

Многочисленны изображения медведя (табл. V, рис. 9; табл. VI, рис. 4, 9 и 12), причем они весьма различны по исполнению. На ряду с изображениями, передающими

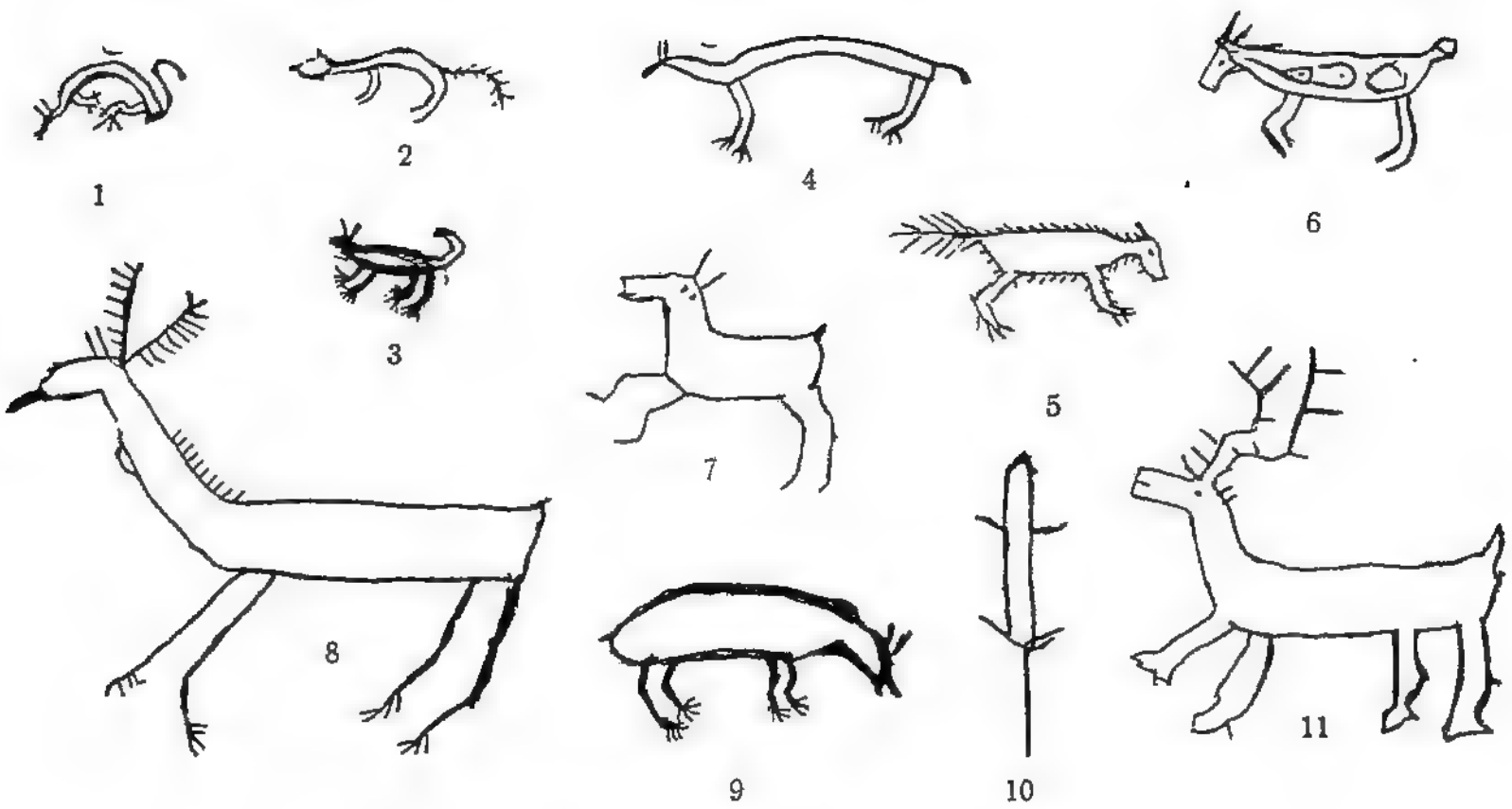


Таблица V (²/₃ натур. величины).

Рис. 1. *Лянгэ*—белка, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 2. *Лянгэ*—белка, рисунок остячки Екатерины Бендиховой, 33 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 3. *Ле'ин*—белка, рисунок вогула Алексея Немчи, 32 лет. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 4. *Тулных*—россомаха, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 5. *Лянгэ*—белка, рисунок остячки Екатерины Харан, 28 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 6. *Соур*—заяц, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 7. *Соур*—заяц, рисунок остячки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 8. *Яны уй*—лось, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Хангласан пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 9. *Мойпыр*—медведь, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 10. *Вундыр*—выдра, рисунок остячки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 11. *Хопт*—бык олень, рисунок остячки Анны Лизямовой, 18 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Описание таблицы VI.

Рис. 1. *Соур*—заяц, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Чёпкыс* и *саз*—горностай в черкане, рис. остяка Молданова, 14 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 3. *Амп*—собака, рисунок остяка Молданова, 13 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 4. *Вортол-ойка*—медведь, рисунок вогула (исполненный левой рукой) Михаила Гоголева, 48 лет. Анья пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 5. *Соур*—заяц, рисунок остяка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 6. *Охсыр*—лисица, рисунок остяка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя Обь.

Рис. 7. *Мис пунк*—коровья голова, рис. остяка Тимофея Яркина, 31 года. Нярэхумит пауль на р. Оби.

Рис. 8. *Вуды*—олень, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган горт на р. Казыме.

Рис. 9. *Мойпыр*—медведь, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган горт на р. Казыме.

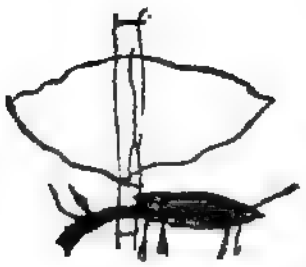
Рис. 10. *Вундыр*—выдра, рисунок остячки Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 11. *Курун вой*—лось, рисунок остяка Николая Санкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 12. *Мойпыр*—медведь, рисунок остяка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

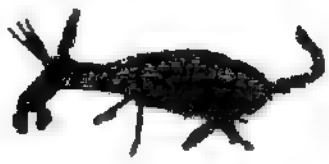
Рис. 13. *Вундыр*—выдра, рисунок остяка Ивана Рандамова. Ильби горт на р. Казыме.

1

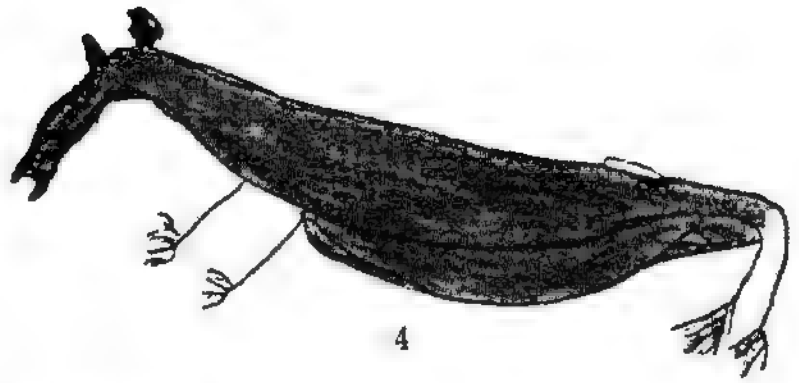


2

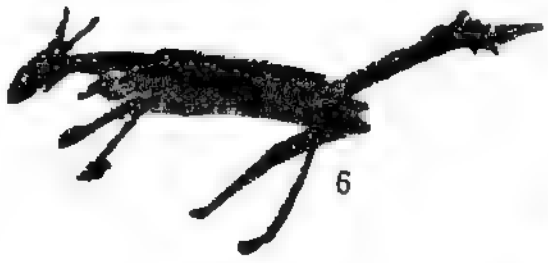
5



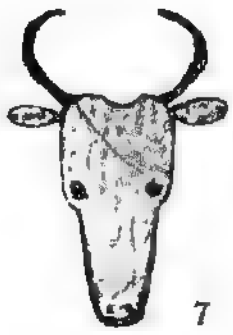
3



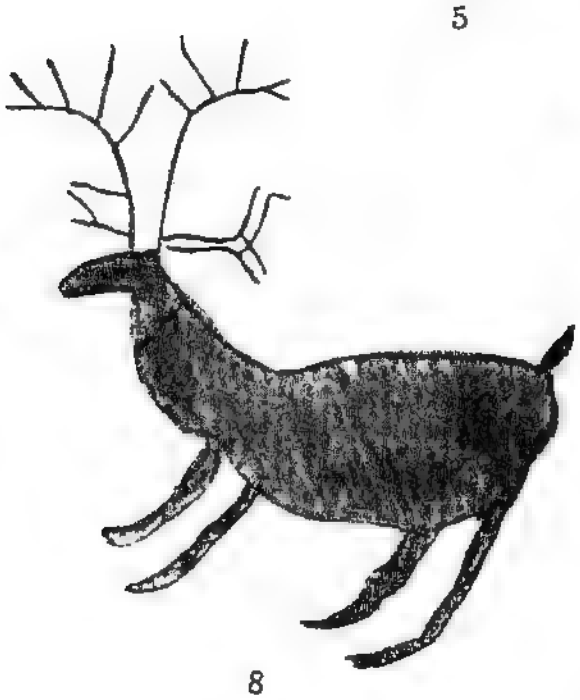
4



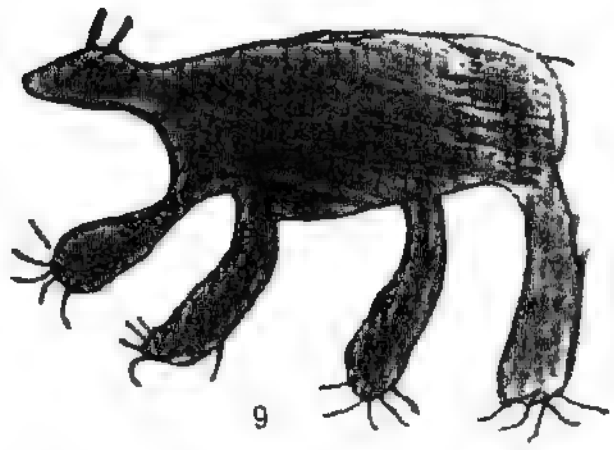
6



7

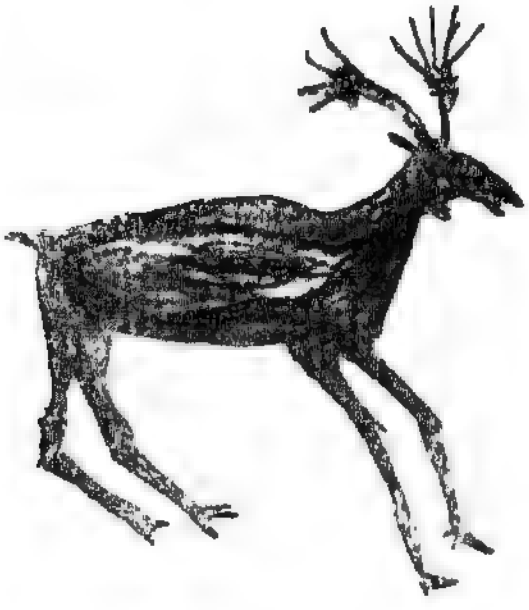


8

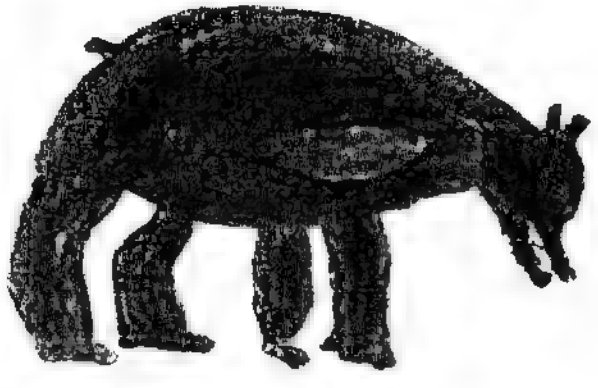


9

10



11



12

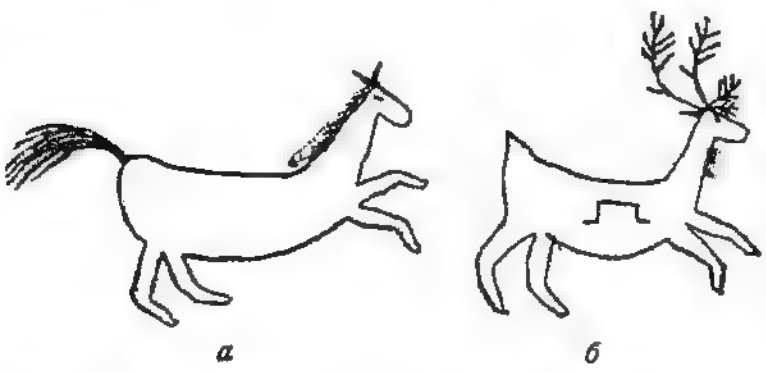
13

Таблица VI (натур. величина).

характерные черты этого властелина сибирской тайги (табл. VI, рис. 12), мы имеем рисунки, мало напоминающие этого зверя, и авторы изображением клыков и когтей пытались выявить отличительные его черты (табл. V, рис. 9; табл. VI, рис. 4).

Очень разнообразны изображения белок (табл. V, рис. 1—5), среди которых одни подчеркивают гибкость и грацию этого зверька (табл. V, рис. 1 и 2), другие отмечают пышность мехового покрова, особенно хвоста (табл. V, рис. 2 и 5). Заяц (табл. V, рис. 6 и 7; табл. VI, рис. 1 и 5) в своих изображениях плохо дается остякам; большие уши и коротенький хвост, пожалуй, единственные черты, по которым можно распознать этого зверя.

Из остальных зверей мы имеем более всего изображений выдры (табл. V, рис. 10; табл. VI, рис. 10 и 13; рис. 10*б* в тексте). Вполне схематичное воспроизведение выдры на рис. 10, табл. V чрезвычайно сходно с изображением соболя в знаменах — рис. 3, табл. I. Распластанное изображение выдры, рис. 13, табл. VI и рис. 10 в тексте, и изображение в профиль, рис. 10, табл. VI, подчеркивают массивное туловище, передние лапы и хвост, длинные осязательные усики этого зверя. Весьма своеобразно изображение выдры (рис. 13*а*), выгравированное на костяной, предохраняющей руку от удара тетивы при стрельбе из лука, дощечке (*ёш кар*).



а *б*

Рис. 4. *а) Лув* — лошадь и *б) Хопт* — бык олень, рисунки вогула Ивана Гоголева, 56 лет. Анья пауль на р. Северной Сосьве (1/3 нат. вел.).

Мало типичны изображения горностая (табл. VI, рис. 2) в ловушке-черкане, собаки (табл. VI, рис. 3) и лисы (табл. VI, рис. 6 и рис. 10*а* в тексте).

При значительном разнообразии в манере воспроизведения тех или иных животных, в общем, остяки и вогулы хорошо владеют формой и в большинстве случаев удачно передают типичные особенности воспроизводимых животных. За редкими исключениями звери изображаются в профиль, обычно с четырьмя ногами, реже двумя. В некоторых случаях намечаются глаза, причем иногда два глаза рядом даже на рисунках в профиль. Половые признаки отмечены только в одном случае (изображение оленя на рис. 8 в тексте). На одном из рисунков оленя (рис. 4*б*) изображена тамга (*сали пос*) его владельца, в пропорции, совершенно не соответствующей размерам рисунка. Внутренности изображены только в одном случае (табл. V, рис. 6), значительно чаще встречаются они на изображениях птиц.

Не менее разнообразны, как по сюжету, так и по манере воспроизведения изображения птиц. Тетерев чаще других птиц изображается остяками и вогулами. Впоследствии мы увидим насколько значительную роль играет эта птица и в орнаментике. Мы воспроизводим три рисунка тетерева (табл. VII, рис. 3; табл. VIII, рис. 3 и 5), существенно отличающиеся один от другого, причем только один (табл. VIII, рис. 3) передает характерные черты этой птицы. Общей чертой, перешедшей в традицию, является манера изображения крыльев. Много общего имеют изображения куропатки (табл. VII, рис. 1) и кулика (табл. VII, рис. 2), исполненные одним и тем же автором. Оба рисунка передают типичные черты изображенных птиц. По манере воспроизведения эти рисунки имеют несомненное сходство с изображением „тетерь", остяцких знамен (ср. табл. I, рис. 7). Вполне своеобразны по манере исполнения изображения лебедя (табл. VIII, рис. 1) и орла (табл. VIII, рис. 2), несмотря на условность рисунка, передающие своеобразную грацию

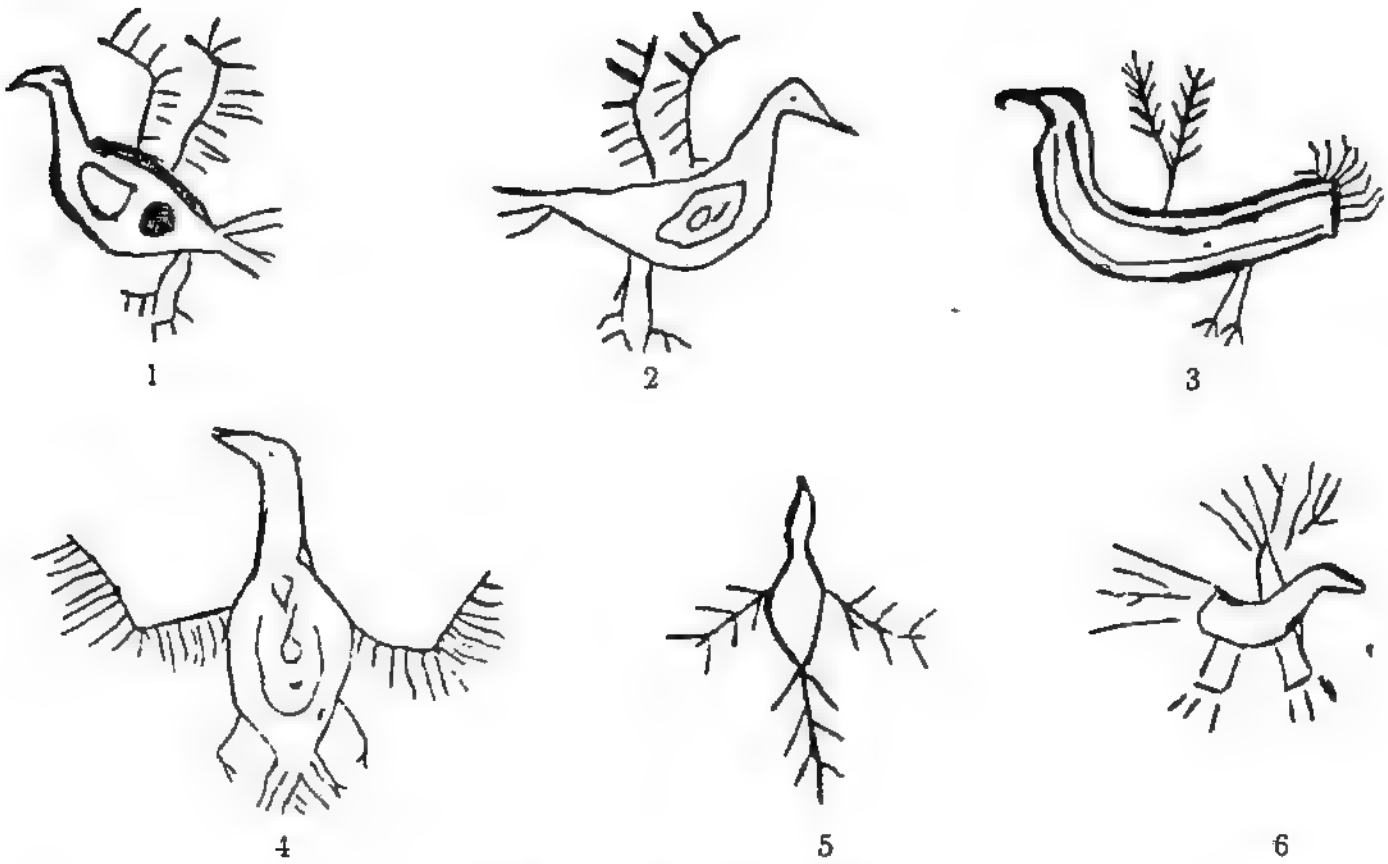


Таблица VII (²/₃ натур. величины).

Рис. 1. *Шага*—куропатка, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Хонпля*—кулик, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

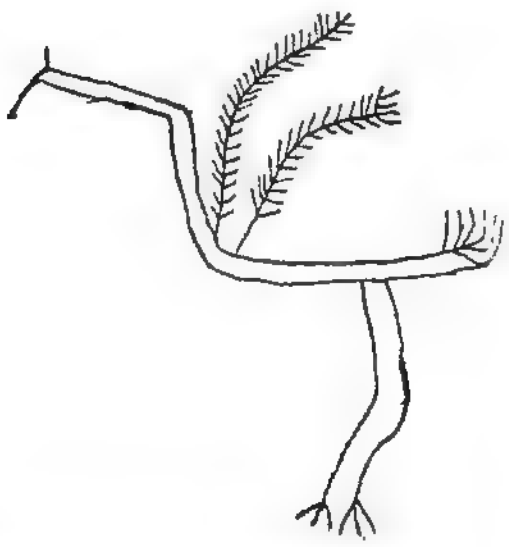
Рис. 3. *Чопыр*—тетерев, рисунок вогула Алексея Немги, 32 лет. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 4. *Вазы*—утка (внутренности сверху вниз: *сам*—сердце, *мугыу*—печень, *сова*—пупок), рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Кукук*—кукушка, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 6. *Ворнга*—ворона, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.

первой птицы и мощность второй. Весьма любопытно изображение утки (табл. VII, рис. 4), где сделана попытка изобразить и внутренности этой птицы (сердце, пупок и печенку), подобно тому, как это сделано на рисунках куропатки и кулика (табл. VII, рис. 1 и 2). Наиболее замечательно изображение филина (табл. VIII, рис. 4), передающее пышный перовой покров этой птицы, пушистую голову и мощные когти. В такой же мере художественно и динамично изображение летящего воробья (табл. VIII, рис. 6) и кулика (см. конец статьи).



ХРс. 5. *Тары* — журавль, рисунок вогула Сергея Оксикова, 27 лет. Ханглсан пауль на р. Северной Сосьве (¹/₂ нат. вел.).

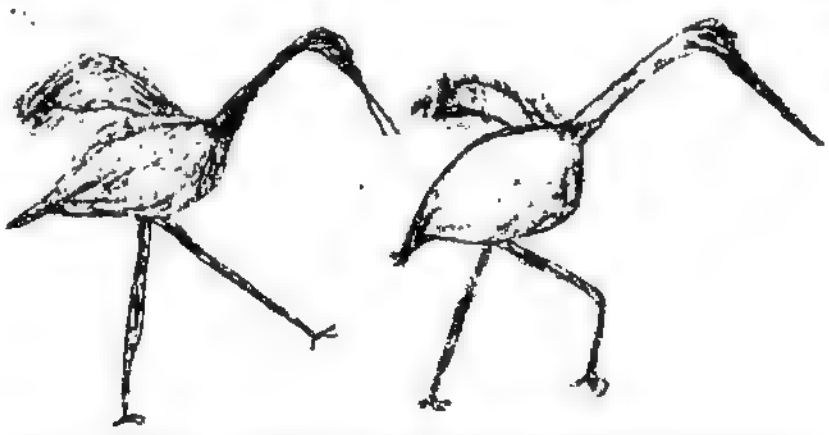


Рис. 6. *Тары*—журавль, рисунок остяка Кириллы Яркина, 26 лет. Нярэхумит пауль на р. Оби (²/₃ нат. вел.).

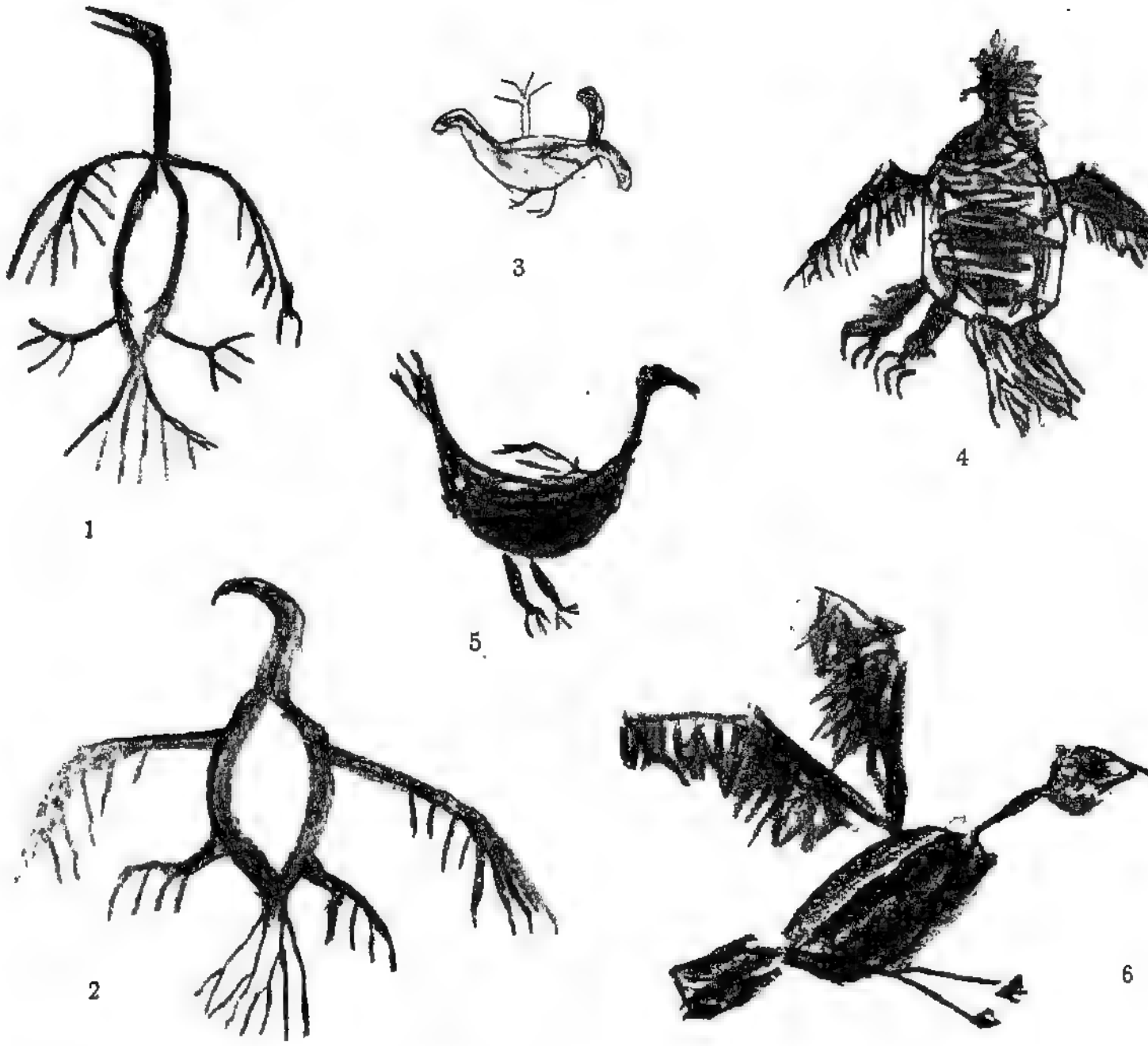


Таблица VIII (в натур. величину).

Рис. 1. *Хотын*—лебедь, рисунок остячки Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 2. *Курык*—орел, рисунок остячки Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 3. *Кутри*—тетерев, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган-горт на р. Казыме.
Рис. 4. *Иби*—филин, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 5. *Чопыр*—тетерев, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 6. *Сиськи*—воробей, рисунок остяка Николая Куйбина, 46 лет. Нижняя Обь.

Весьма схематизированными и вместе с тем стилизованными являются изображения кукушки (табл. VII, рис. 5) и вороны (табл. VII, рис. 6), из которых первое может быть сопоставлено, как и изображение лебедя (табл. VIII, рис. 1), с некоторыми изображениями птиц среди остяцких знамен (ср. табл. I, рис. 8 и 10).

Особый интерес представляют изображения журавлей (рис. 5 и 6). В одном случае (рис. 5) мы имеем весьма условное, но вместе с тем достаточно характерное изображение этой птицы: на длинных ногах длинное легкое туловище, с длинной шеей, кургузым хвостом и сильными крыльями. Во втором случае (рис. 6) изображения вполне реалистичны, передают все наиболее типичные черты этих птиц и притом с своеобразной грацией их движений.

Все изображения рыб (табл. IX, и рис 7*а*, *б*) не только вполне реалистичны, но во многих можно даже узнать тот вид, который автор пытался нарисовать. Карась (табл. IX, рис. 6) со своим широким туловищем легко отличается от длинного, со щупальцами, налима (табл. IX, рис. 5) или осетра (табл. IX, рис. 4). Еще отчетливее подчеркнуты видовые отличия максуна (рис. 7*а*) от осетра (рис. 7*б*). Очень любопытен своеобразный рисунок карася, мечущего икру (табл. IX, рис. 1). Напомним, что и в древних знаменах изображения рыб отличаются реалистичностью и вместе с тем художественностью исполнения (табл. I, рис. 6).

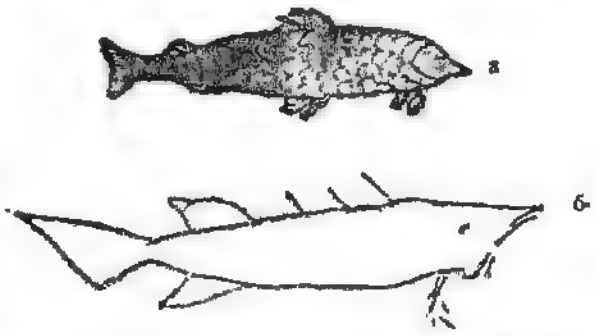


Рис. 7. *а) Мохсун*—максун, рисунок остяка Тимофея Яркина, 31 года. Нярэхумитпауль на р. Оби. *б) Сох*—осетр, рисунок остячки Екатерины Харон, 28 лет. Ильбигорт на р. Казыме (нат. вел.).

Из земноводных мы имеем одно изображение лягушки (табл. X, рис. 1), изображение достаточно схематичное, с условным обозначением внутренностей, и тритона (табл. X, рис. 4). Последний рисунок весьма выразителен и интересен тем, что помимо двух пар конечностей впереди изображен жаберный аппарат.

Из насекомых имеются изображения мошки и комара (табл. X, рис. 2 и 3), изображения в общем сходные с некоторыми из тех знамен, которые Оглоблин рассматривает как изображения птиц (табл. I, рис. 11).

Сравнительно небольшое место среди остяцких и вогульских рисунков, как мы уже отмечали выше, занимают изображения различных предметов и бытовых сцен.

Слопец для ловли тетеревей (табл. X, рис. 5) изображен в плане и вполне точно передает конструкцию этого снаряда. Рисунок верши с рыбой (табл. XI, рис. 1), как и все рисунки остяков и вогулов, страдает

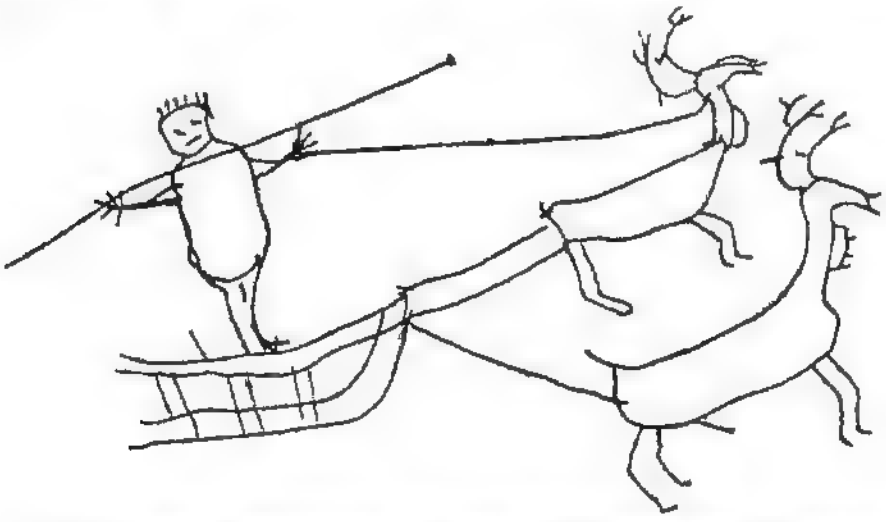


Рис. 8. Нарта, запряженная оленями, рисунок остяка Николая Сянкина, 38 лет. Уркум горт на р. Казыме (2/3 нат. вел.).

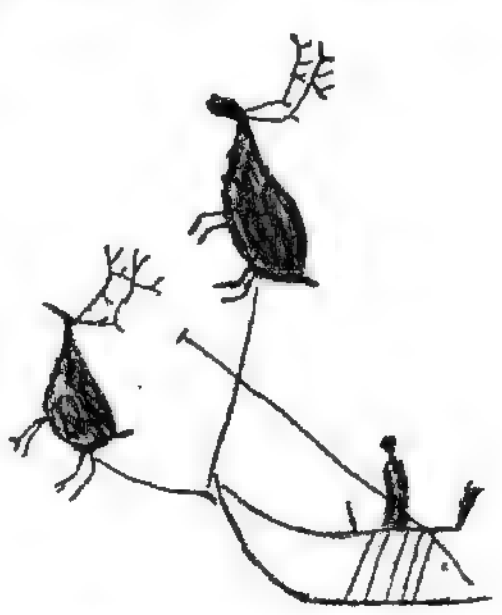


Рис. 9. Нарта, запряженная оленями, рисунок остяка Ивана Молдан, 25 лет. Казым-тыи-вож на р. Казыме (2/3 нат. вел.).

отсутствием перспективы, но в плане дает верное представление об изображаемом рыболовном снаряде. Чумы (табл. XI, рис. 3 и 5) изображены весьма схематично. Очень интересен рисунок остяка-колыданщика на промысле (табл. XI, рис. 2). Обращает на себя внимание несоответствие масштабов в изображениях лодки и весла, условность изображения тонкой и густой колыданской сетки грубой решеткой, но имеется налицо типичный для колыдана грузовой камень. Достаточно живописны сцены езды на оленях (рис. 8 и 9). В одном случае (рис. 8) мы имеем грузовую нарту, запряженную парой

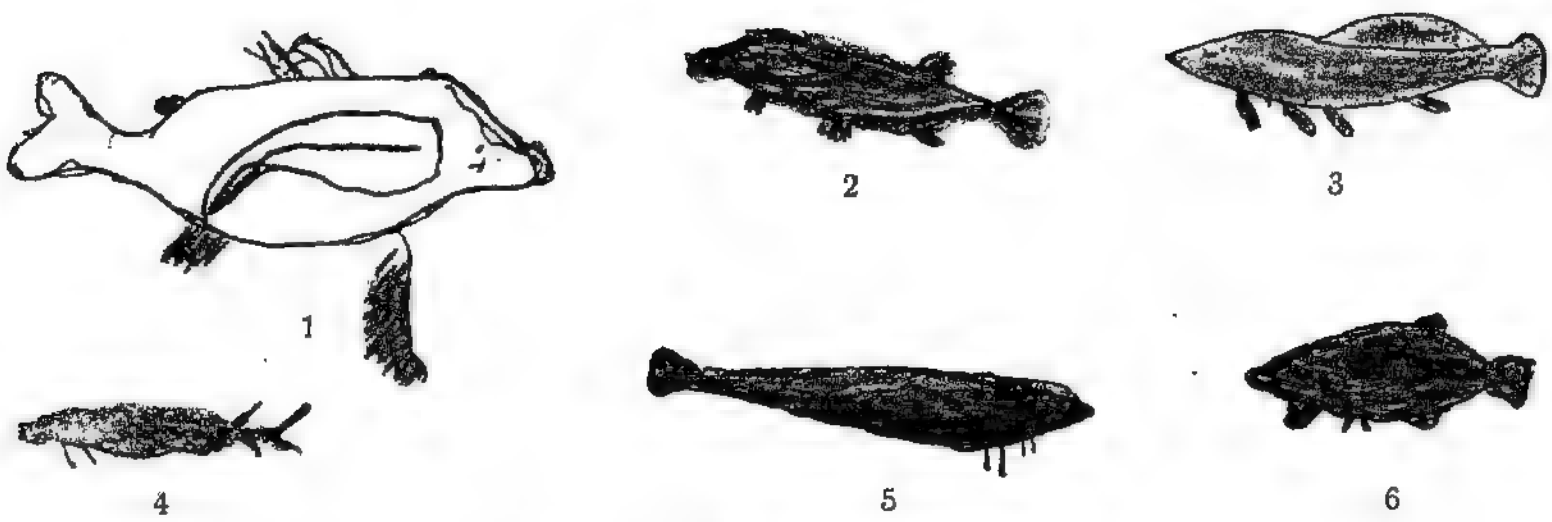


Таблица IX (²/₃ натур. величины).

Рис. 1. *Модынӈуд*—карась, мечущий икру, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Ху*—рыба, рисунок остяка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 3. *Тахтан ху*—крылатая рыба, живущая в вершине р. Казыми, рисунок остяка Ивана Сянкина 32 лет. Кельсь-ёган-горт на р. Казыме.

Рис. 4. *Сох*—осетр, рисунок остяка Еры Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рис. 5. *Паннэ*—налим, рисунок остяка Молданова, 13 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 6. *Модынӈуд*—карась, рисунок остяка Молданова, 13 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

оленей, и ездока с длинным хореем в руке; во втором случае (рис. 9) нарта ездовая, запряженная также парой оленей.

Следует отметить, что изображения людей значительно уступают изображениям животных. Как и в знаменах (табл. I, рис. 12) изображения людей на рисунках нашего собрания (табл. XI, рис. 2, 4 и 6; рис. 8 и 9 в тексте) отличаются схематичностью и малой выразительностью. Некоторой экспрессией отличаются только изображения девушки и идущего человека (табл. XI, рис. 4 и 6).

Из охотничьих сцен мы приводим рисунки настороженных на тропе самострелов на лисицу и выдру (рис. 10). В изображении самострелов мы находим все типичные для этого снаряда детали. Отмечается двулопастная стрела лисьего самострела и коническая на выдру. Рисунок лисицы уступает многим из тех изображений зверей, с которыми мы познакомились ранее, изображение же выдры по обыкновению очень характерно.

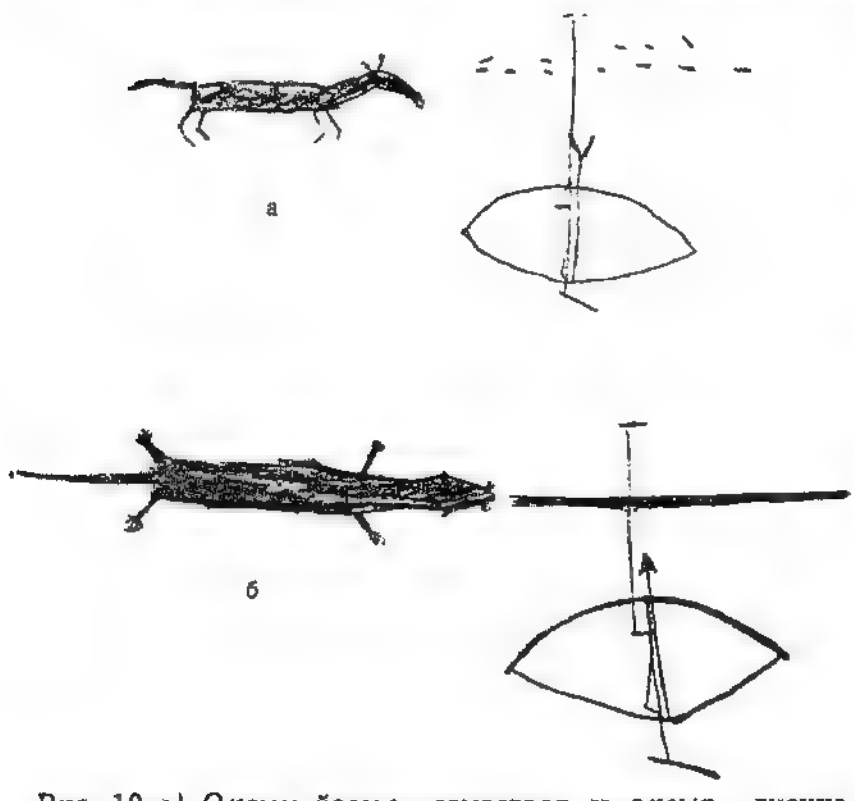


Рис. 10 *а) Охсыр йогыл* – самострел и *охсыр*—лисица, рисунок остяка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь. *б*) *Вундыр йогыл*—самострел и *вундыр*—выдра, рисунок остяка Ивана Рондамова. Ильби горт на р. Казыме (½ нат. вел.).

Совсем особняком стоит рисунок 11, исполненный грамотным остяком: сухое ивовое дерево и на нем желна, в типичной для черного дятла позе, долбящая сухое дерево. Вниз летят кусочки дерева. На рисунке отмечен также дерновой покров с травой и разветвляющиеся вглубь корни дерева.

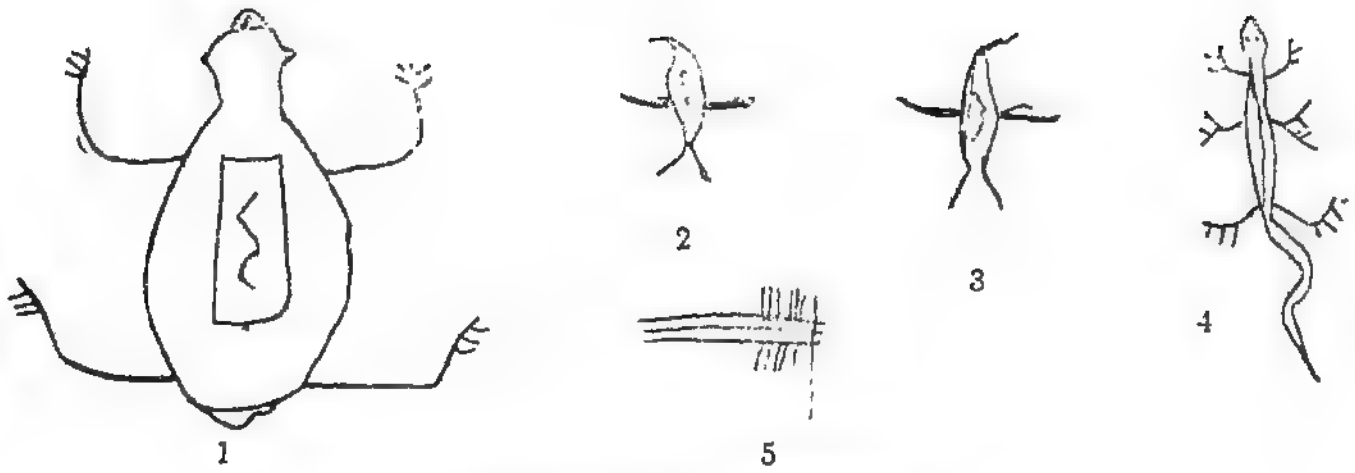


Таблица X (²/₃ натур. величины).

Рис. 1. *Няурнэ*—лягушка, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
Рис. 2. *Нямалт*—мошка, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
Рис. 3. *Педига*—комар, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
Рис. 4. *Вась вой*—тритон, рисунок остячки Юр Молдан, 19 лет. Ильби горт на р. Казыме.
Рис. 5. Слонец, рисунок остяка Ивана Молдан, 25 лет. Казым-тыи-вож на р. Казыме.

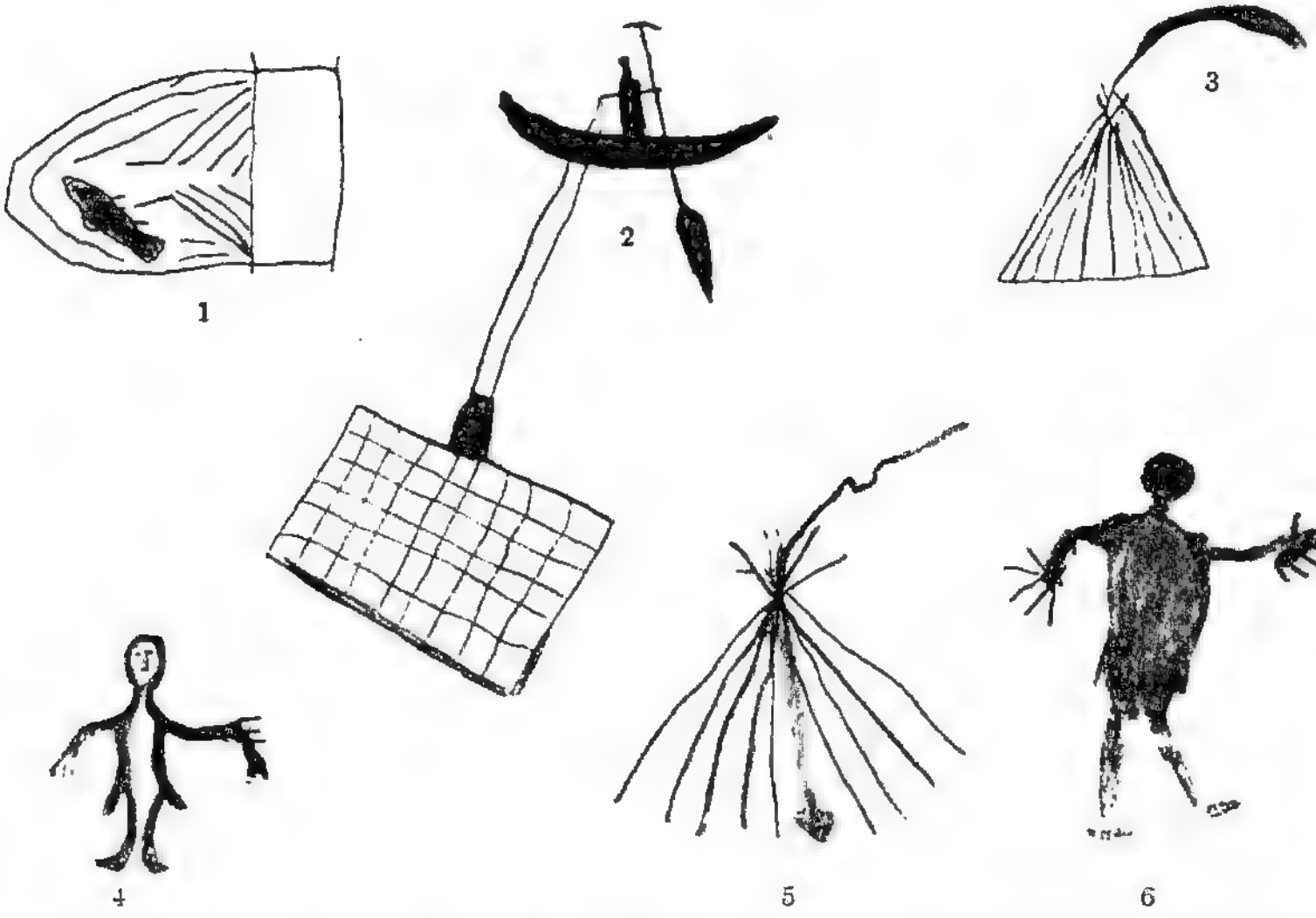


Таблица XI (²/₃ натур. величины).

Рис. 1. *Пун*—верша и в ней *модынhуд*—карась, рисунок остяка Ивана Сянкина, 32 лет. Кельсь-ёган-горт на р. Казыме.

Рис. 2. Колыданщик в лодке *(хульты хап)* ловит колыданом (*хульты пун*) рыбу, рисунок остяка Ивана Молданова, 29 лет. Казым-ёган-вож на р. Казыме.

Рис. 3. *Нюки хот*—чум, рисунок остяка Ивана Молдан, 25 лет. Казым-тыи-вож на р. Казыме.

Рис. 4. *Нэханы*—девушка, рисунок остячки Веры Сянкиной, 18 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 5. *Иорн хот*—чум, рисунок остяка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рис. 6. *Нэнхой*—человек, рисунок остяка Ери Кылим, 63 лет. Нижняя (Обдорская) Обь.

Рассматривая карандашные рисунки остяков и вогулов по изображенным сюжетам, мы не касались авторов. Между тем, художественное творчество исполнителей рисунков настолько индивидуально, что, зная два-три рисунка какого-нибудь автора, не трудно выделить и остальные его произведения из общей массы. Достаточно сослаться хотя бы на вогула Оксикова (его рисунки табл. V, рис. 4 и 8; рис. 5 в тексте), остяка Ив. Молданова (табл. VI, рис. 5; рис. 9 в тексте), остячек Юр. Молдан (табл. VII, рис. 1, 2 и 4) или Марию Бендихову (табл. VIII, рис. 1 и 2), чтобы убедиться, в какой мере индивидуальность или особая манера исполнения автора отражается в характере рисунка.

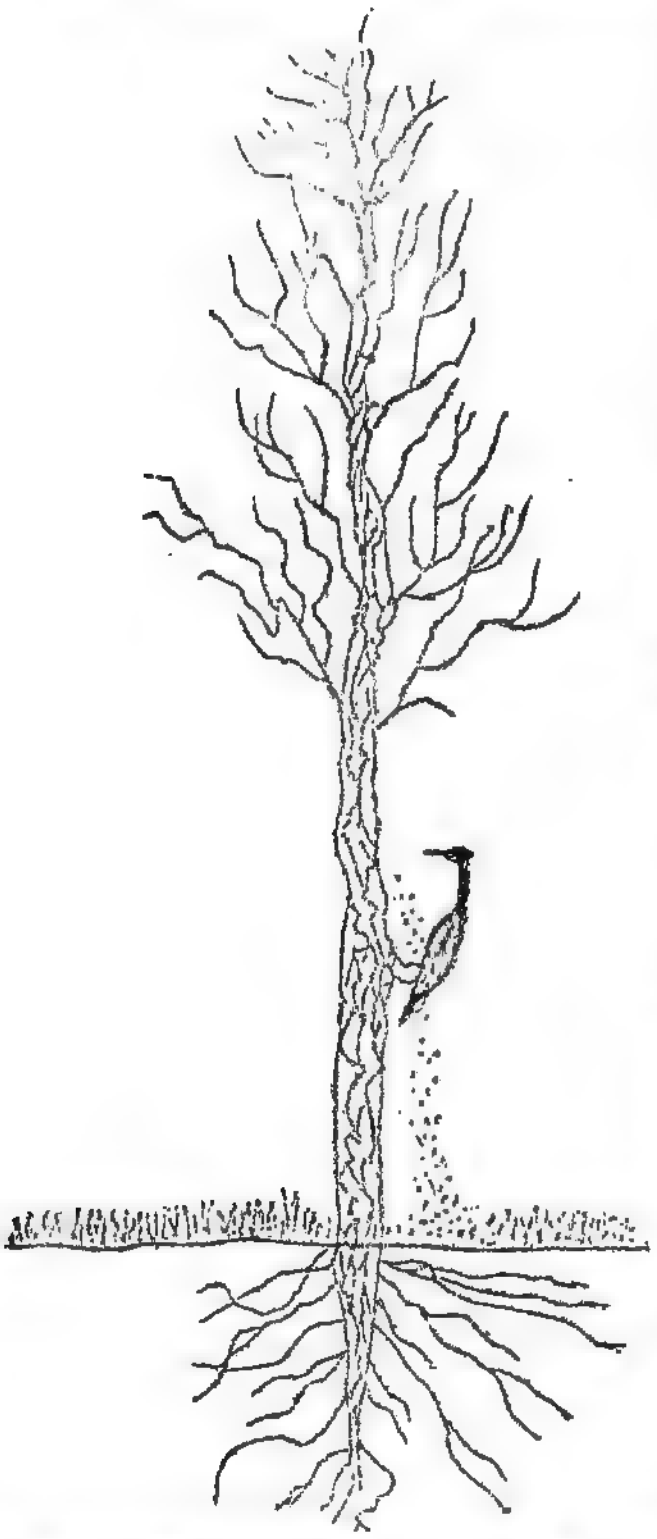


Рис. 11. *Хонхра*—желна на сухом таловом дереве *няршы*; изображен корень *тар* и трава *пум*; рисунок вогула Тимофея Яркина, 31 г. Нярэхумит пауль на р. Оби (нат. вел.).

Сопоставляя рисунки нашего собрания с остяцкими рисунками, опубликованными Мартином, мы видим, что они имеют много общего, как по сюжету, так и по характеру исполнения. Изображения животных и прежде всего северного оленя, людей и охотничьих сцен в рисунках собрания Мартина занимают первое место. Многие из рисунков этого собрания имеют полную аналогию также и с остяцкими знаменами XVII века.

При изучении рисунков различных народностей следует считаться с возрастом рисовавших, имея в виду, что детские рисунки существенно отличаются от рисунков взрослых. Детские рисунки, имеем ли мы дело с представителями культурных народов или примитивных,—схематичны, элементарны по замыслу и наивны по выполнению; ребенок не обладает достаточными познаниями формы, не владеет и техникой. Рисунки взрослых даже в палеолите поражают удивительным знанием сюжета и мастерством исполнения. Последнее характерно для рисунков остяков и вогулов.

В нашем распоряжении находится значительная коллекция рисунков, собранных Митусовой у сургутских остяков, и Ракитовым—у юго-западных остяков и вогулов. Просматривая эти собрания, мы выделили те из рисунков, которые исполнены взрослыми безграмотными рисовальщиками, и те, которые выполнены остяками и вогулами детьми, прошедшими школьное обучение. Первые вполне аналогичны собранным нами, детские же стоят особняком и не представляют ничего самобытного, являясь копированием виденных образцов и подражанием чужеземной технике воспроизведения.

Уже при ознакомлении с карандашными рисунками остяков и вогулов можно было заметить известную стилизацию в изображении различных животных. Стилизация эта еще резче выступает в рисунках на бересте, а затем можно наметить ряд последовательных переходов и превращений изображений животных, птиц

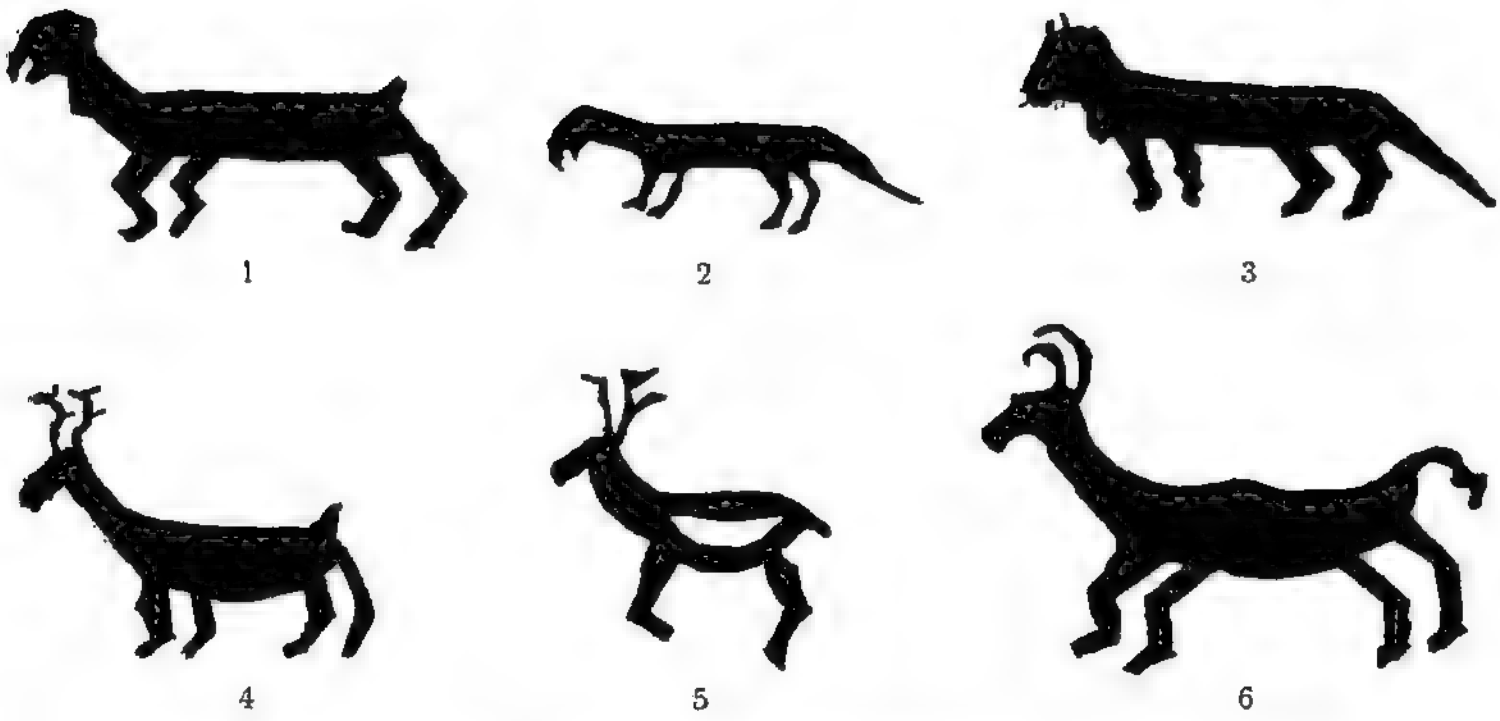


Таблица XII (2/3 натур. величины).

Рис. 1. (1711—631) Рысь—рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 2. (1711—631) *Вундыр*—выдра, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 3. (1711—631) *Вундыр*—выдра, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 4. (1711—610) *Вуды*—олень, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 5. (1711—607) *Вуды*—олень, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 6. (1711—631) *Мис*—корова, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

или зверей, в орнаментальный мотив, утрачивающий первоначальную связь с исходной формой.

Помимо карандашных рисунков, собранные нами коллекции дают не малую серию рисунков, выскобленных на бересте. Техника такого рисунка чрезвычайно проста. На внутренней стороне березовой коры, снятой весной, острием ножа намечается контур желаемого рисунка или орнаментального мотива и проскабливается ножом. В иных случаях рисунок просто выскабливается без предварительной наметки контура.

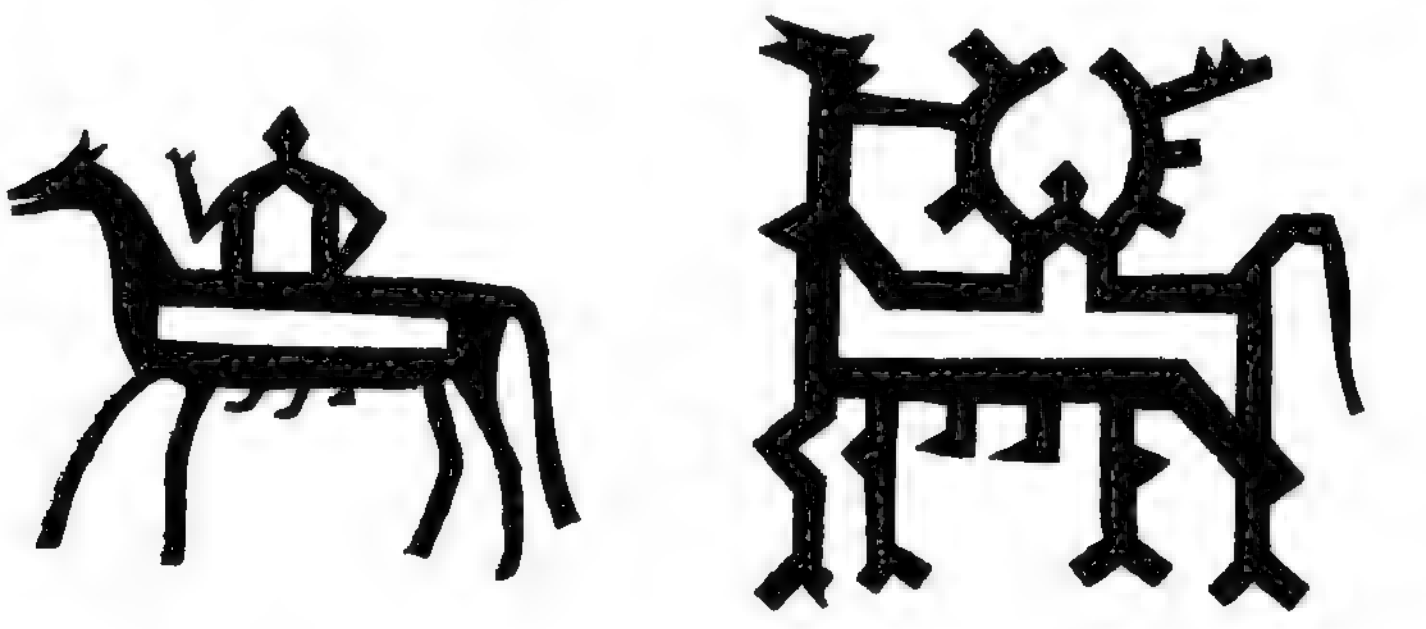
Среди рисунков и этой категории (табл. XII и XIII) мы имеем прежде всего изображения зверей и птиц, человека и, как исключение, червяка и лягушки.

Изображения зверей и птиц крайне выразительны и не уступают в этом отношении карандашным рисункам. По технике исполнения они силуэтны. Некоторые из рисунков этой категории поражают простотой, правдивостью и художественностью исполнения (табл. XII, рис. 3; табл. XIII, рис. 1—3). Воспроизведение в движении — характерная особенность рассматриваемых рисунков. Птицы изображаются на полете или при посадке, причем последние выражаются весьма разнообразными приемами; люди и звери, даже корова, находятся в движении.

Очень интересно изображение всадника верхом на лошади. Сюжет этот имеется в нашем собрании, как на бересте, так и на культовых предметах, в частности на *тор*, покровах на жертвенных животных.

Лошадь в том районе, откуда происходят наши рисунки, занимает третьестепенное место среди домашних животных. Она имеется у остяков только долины Оби близ г. Березова. У северных вогулов, у казымских остяков и тем более у остяков северных лошади нет. Тем не менее, это животное играет важную роль в религиозных представлениях; на нем сын бога неба *(мир суснэ хум* — вогулов или *мастер* или *орт* остяков) совершает свой объезд вселенной. Во время молений и жертвоприношений

сын бога неба невидимо присутствует среди молящихся, и последние ставят четыре серебряные тарелочки под ноги его коня. Покрывало на жертвенное животное, *тор*, общераспространенное среди остяков и вогулов и имеющее первостепенное значение в их культе, состоит из четырех изображений всадника (сына бога неба), причем изображение это трафаретно и канонизовано. Рисунок 12*а*, воспроизводящий сына бога неба верхом на лошади при всей стилизации еще довольно реалистичен, особенно рисунок



а б

Рис. 12. *а)* (1710—427) *Мир сусне хум* — сын бога неба, изображение на *тор* — покрывале на жертвенное животное. Вогулы. Куайхиа пауль на р. Северной Сосьве. *б)* (1710—429) То же. Няхсимволь пауль на р. Северной Сосьве (1/5 нат. вел.).

лошади. Изображение всадника и лошади на рис. 12*б* уже значительно более стилизовано в характерном для вогульской и остяцкой орнаментике духе.

Рисунки, о которых до сих пор шла речь, дают реальные, обычно весьма характерные образы без стилизации.

В изображении *ворчик* или *вурчик* в татуировках мы уже имели случай познакомиться со стилизованным рисунком, особым остяцкого стиля изображением птицы. Подобная стилизация птиц и зверей у остяков очень распространена и занимает выдающееся место среди орнаментальных мотивов на берестяной посуде. Для того, чтобы дать представление об этой части графического искусства остяков и вогулов, мы приводим всего две таблицы рисунков подобного рода, одну—с изображениями птиц, другую—зверей.

Уже в карандашных рисунках (табл. VIII, рис. 1 и 2), особенно в выскобленных на бересте (табл. XIII, рис. 4—5), намечается известная стилизация. Гораздо явственнее она выступает в изображениях (табл. XIV), которые мы обычно, как центральные фигуры, находим на берестяных сосудах и их крышках. Изображение кулика (табл. XIV, рис. 1) стоит особняком и, несмотря на своеобразный стиль, может быть сопоставлено с рисунками 1—3 таблицы XIII. Изображения куропатки (табл. XIV, рис. 2) и тетерева (табл. XIV, рис. 3 и 11), весьма сходные между собой, представляют, хотя и условное, но достаточно реальное воспроизведение этих птиц. Иное дело изображения куропатки (табл. XIV, рис. 4) и тетерева (табл. XIV, рис. 10), которые, как и целый ряд других (табл. XIV, рис. 9, 13, 14 и 15), представляют собой своеобразные по стилю, геометризованные (если можно так выразиться) изображения этих птиц.

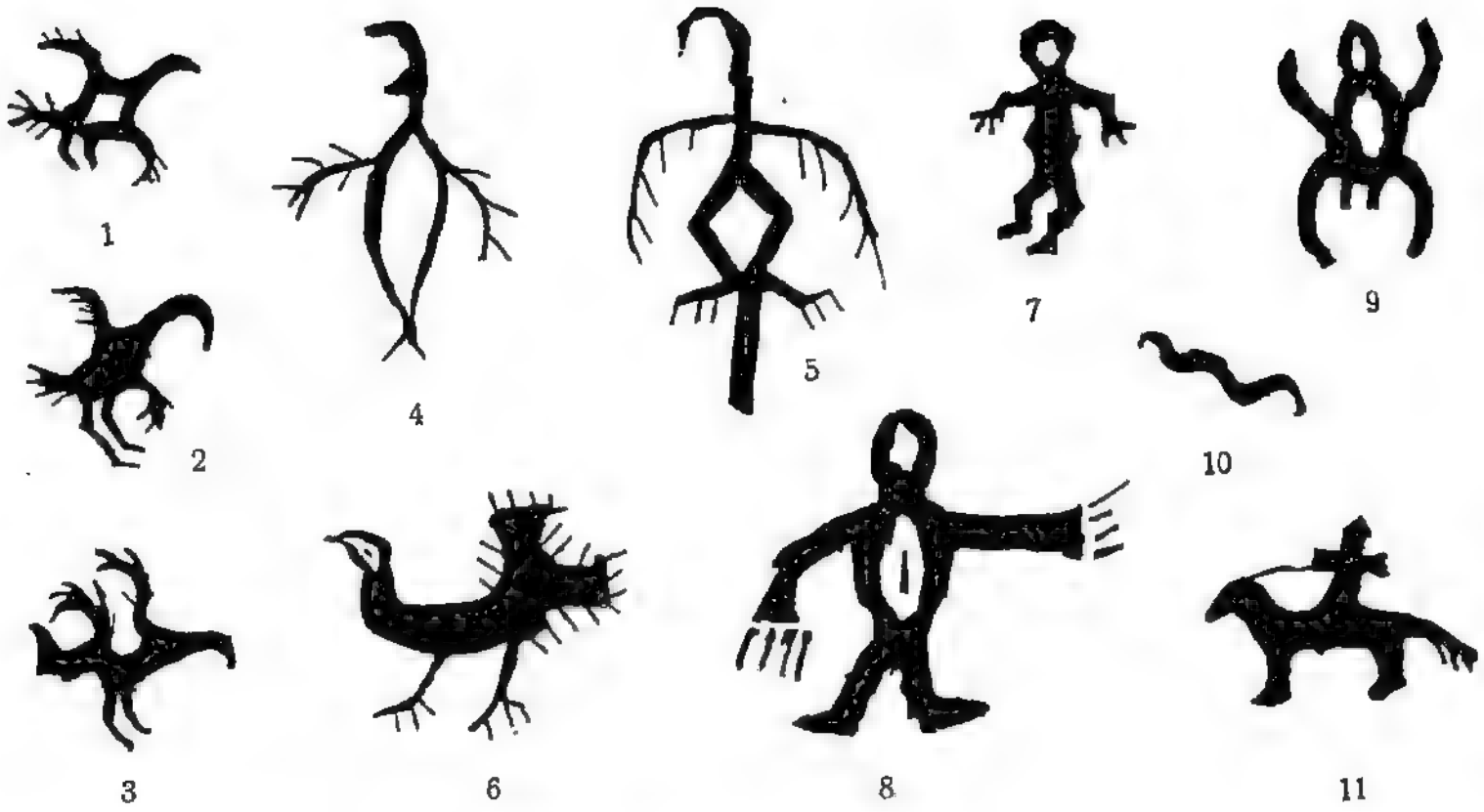


Таблица XIII (1/2 натур. величины).

Рис. 1. (1711—631) *Кукук*—кукушка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 2. (1711—631) *Хонхра*—желна, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 3. (1711—631) *Чопыр*—тетерев рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 4. (1711—607) *Хотын*—лебедь, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 5. (1711—607) *Курык*—орел, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 6. (1711—607) Глухарь, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 7. (1711—610) Человек, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 8. (1711—606) Человек, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 9. (1711—610) *Няурнэ*—лягушка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 10. (1711—606) *Мынг лер*—червяк, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.
Рис. 11. (1711—631) Человек на лошади, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

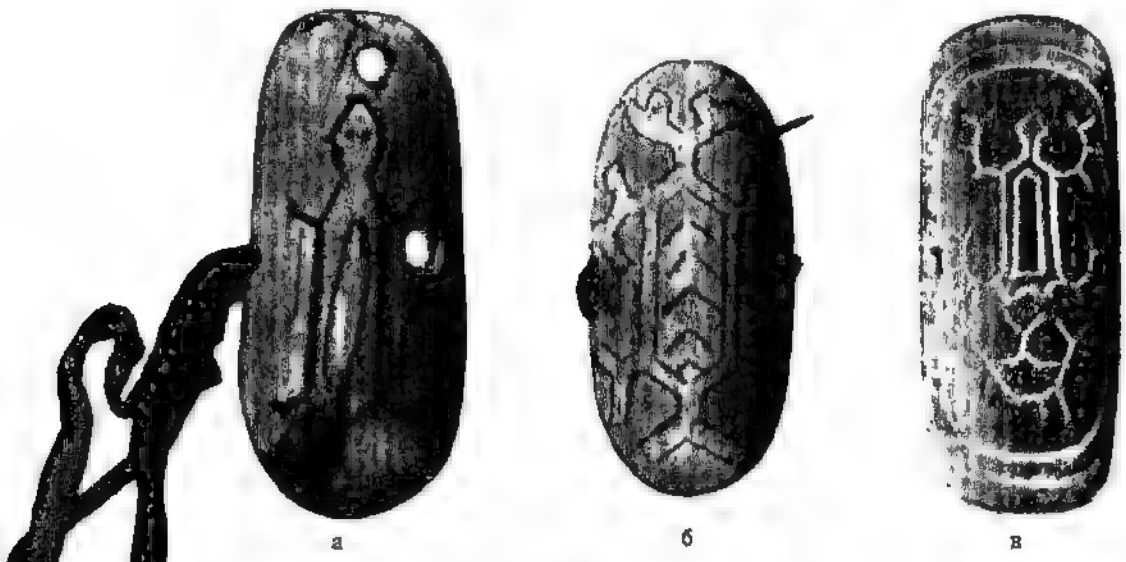
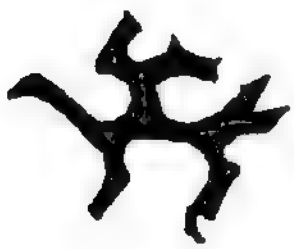
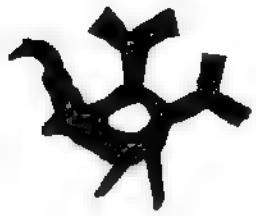


Рис. 13. *а*) (1711 — 59) *Вундыр* — выдра, изображение на *ёш кар*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме; *б)* (1711—58) *Мойпыр*—медведь, изображение на *ёш кар*. Остяки. Казым-тыи-вож на р. Казыме; *в)* (1711—60) *Анш вой*—бобер и *люк*—тетерев, изображение на *ёш кар*. Остяки. Казым-тыи-вож на р. Казыме (2/3 нат. вел.)



1

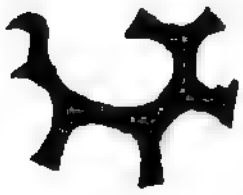


2

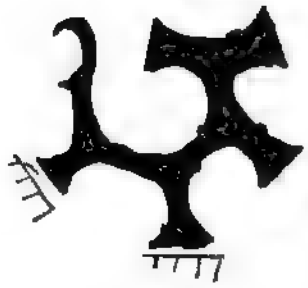
3

4

5

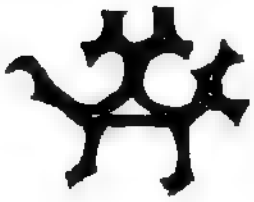


6

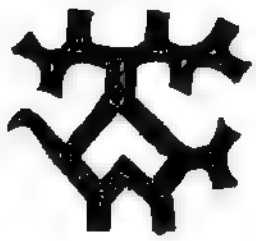


7

8

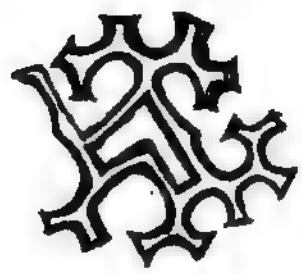


9

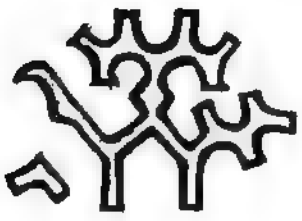


10

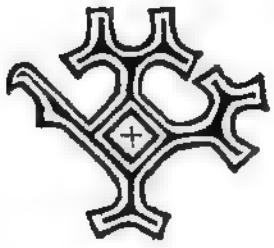
11



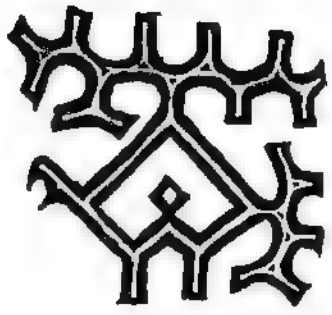
12



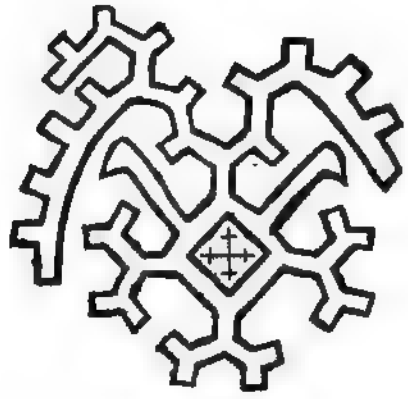
13



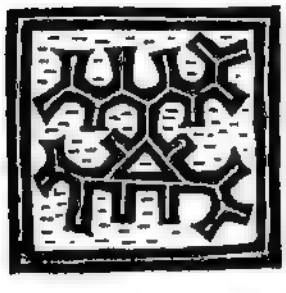
14



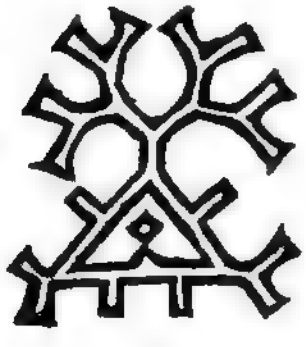
15



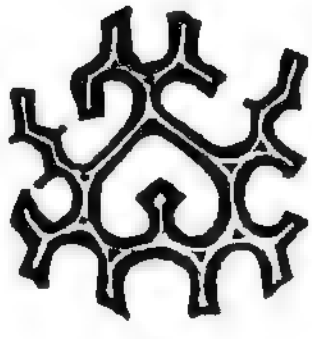
16



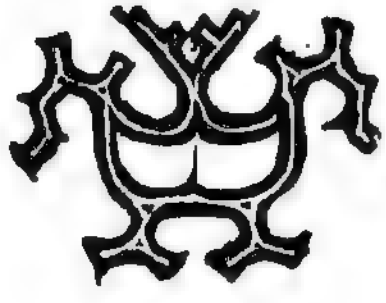
17



18



19



20

Таблица XIV (1/2 нат. вел. рис. 1—8; 1/4 нат. вел. рис. 9—20).

Рис. 1. (1711—596) *Хокпля*—кулик, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. *Шага*—куропатка, рисунок остячки Анны Лизямовой, 17 лет. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. (1711—138) *Люк*—тетерев, рисунок на берестяной крышке сосуда *кугыр*. Остяки. Кельсь-еган горт на р. Казыме.

Рис. 14. (1711—610) *Вуды*—олень, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме (1/2 нат. вел.).

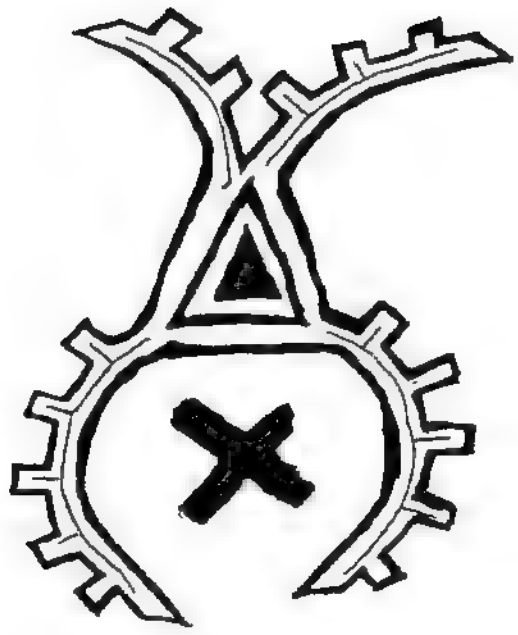


Рис. 15. (1710—149) *Яны уй айн*—лосиные рога, рисунок на берестяном сосуде *сан*. Вогулы. Куайхиа пауль на р. Северной Сосьве (1/2 нат. вел.).

Рис. 4. (1711—602) *Няр вой*—куропатка, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 5. (1711—606) *Тивник*—птичка, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 6. (1711—602) *Халеу*—чайка, рисунок на берестяной крышке сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 7. *Халеу*—чайка, рисунок остячки Марии Бендиховой, 22 лет. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 8. (1711—136) *Халеу*—чайка, рисунок на берестяной крышке сосуда *ай кучырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 9. (1711—603) *Люк*—тетерев, рисунок на бересте для крышки сосуда *сун*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме

Рис. 10. (1711—125) *Черс-ханы-вой*—птица, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 11. (1711—128) *Люк*—тетерев, рисунок на берестяной крышке сосуда *кугырь*. Остяки Казым-тынвож на р. Казыме.

Рис. 12. (1711—160) *Халеу* - чайка, центральный рисунок на берестяном сосуде *вонзип*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 13. (1711—161) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестяном сосуде *вонзип*. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 14. (1711—143) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 15. (1711—144) *Люк*—тетерев, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Позыл пауль на р. Оби.

Рис. 16. (1710—166) Рисунок на берестяном сосуде *саз пайп*. Вогулы. Олтумп пауль на р. Сосьве.

Рис. 17. (1711—145) *Хумылха*—земляной жук, центральный рисунок па берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 18. *Хумылха*—рисунок на бересте. Остяки с р. Казыма.

Рис. 19. (1711—127) *Хумылха*—земляной жук, центральный рисунок на берестяном сосуде *кугырь* Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 20. (1710—140) *Колын пак*—еловая шишка, центральный рисунок на берестяном сосуде *сан*. Вогулы. Сокур-я пауль на р. Ляпине (Сосьве).

От простейшей формы изображения птички табл. XIV, рис. 5 исходит целая серия своеобразных изображений чайки *(халеу)* табл. XIV, рис. 6—8, которые в осложненной форме принимают вид (табл. XIV, рис. 12) совершенно сходный с аналогичными изображениями тетерева (табл. XIV, рис. 10 и 15). В рис. 16 табл. XIV, мы имеем осложненное и удвоенное изображение птицы (куропатки, тетерева или чайки — для нас не имеет значения). В конечном результате осложненные, стилизованные изображения птиц дают формы генетически с ними связанные, но утратившие внешнее сходство с птицей, почему остяки и вогулы дают им своеобразные названия: земляной жук, еловая шишка и проч. (табл. XIV, рис. 17, 18, 19, 20)[1].

Рис. 16. (1710—473). *Вор-тол ойка*—медведь, изображение вышитое оленьим волосом. Вогулы с р. Северной Сосьвы.

Та же картина наблюдается в эволюции изображения зверей. Реальные образы, путем удвоения или схематизации, а затем стилизации переходят в орнаментальные мотивы.

Одним из примеров удвоения может служить изображение оленя, рисунок на бересте (рис. 14) или использование рогов, как орнаментального мотива (рис. 15).

Наиболее простая форма схематичного изображения животного—рисунок бобра на табл. XV, рис. 1. Точно такое же изображение мы находим на предохранительной для руки дощечке, употребляемой остяками при стрельбе из лука *ёш кар*, приведенное в статье Шухова (табл. III, рис. 2)[2]. Шухов называет этот рисунок изображением медведя. Некоторым усложнением являются подобные же изображения с раздвоенной головой, чаще всего встречающиеся на *ёш кар* (см. рис. 6 в нашей работе: Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска[3]; у Сирелиуса рис. 23 и 24 в тексте, иногда на берестяных табакерках).

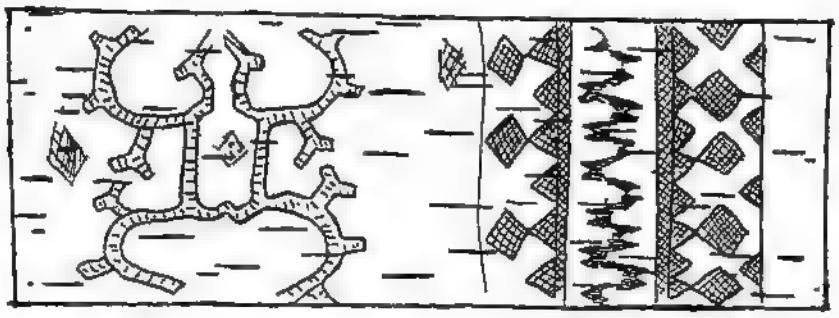


Рис. 17. (1710—216) *Мойпыр*—изображение медведя на берестяной табакерке (в развернутом виде). Вогулы. Посолдыт пауль на р. Северной Сосьве (1/2 нат. вел.).

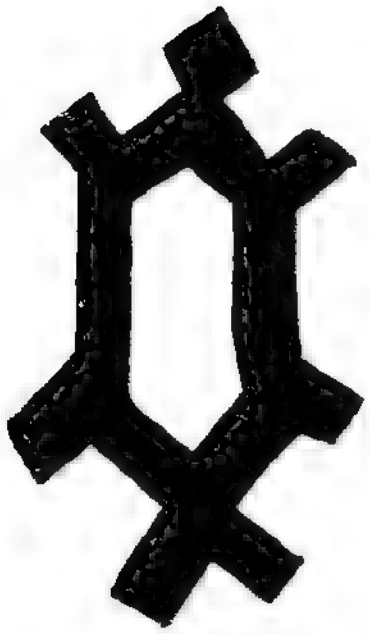
Изображение медведя на берестяной табакерке (рис. 17) уже значительно сложнее. Голова раздвоена, передние и задние лапы представлены симметричными завитками осложненными украшающими их придатками. Последнее изображение совершенно идентично изображению медведя же (табл. XV, рис. 3), вырезанному из сукна, которое мы

---

[1] В коллекциях Русского Музея (1711 — 134) имеется стилизованное изображение тетерева, которое с несомненностью свидетельствует о том, что рис. 20 табл. XIV генетически связан с изображением птицы.

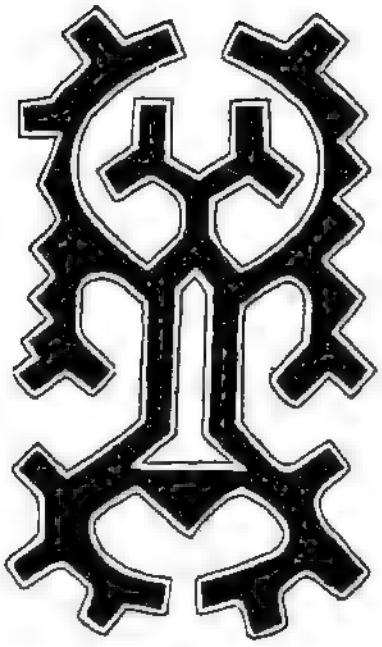
[2] Шухов, И. Н. Из отчета о поездке весной 1914 года к казымским остякам. Сборник Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук, т. III.

[3] Материалы по Этнографии России. СПБ. 1914, т. II. Шухов в выше упомянутой статье полемизирует с нами, утверждая, что изображения, о которых идет речь, не медведи, а лошади. Полагаем, что данный рисунок в такой же мере мало похож на лошадь, как и на медведя. Речь идет ведь только о том, как называют данное изображеняе остяки и вогулы. Работа Сирелиуса, повидимому, не была известна Шухову, а в ней мы находим ряд интересующих нас изображений медведя с раздвоенной головой (табл. V, рис. 1 — 4). Встречаются они и в шитом орнаменте на ритуальных предметах, связанных с культом медведя, в частности на рукавицах (рис. 16).

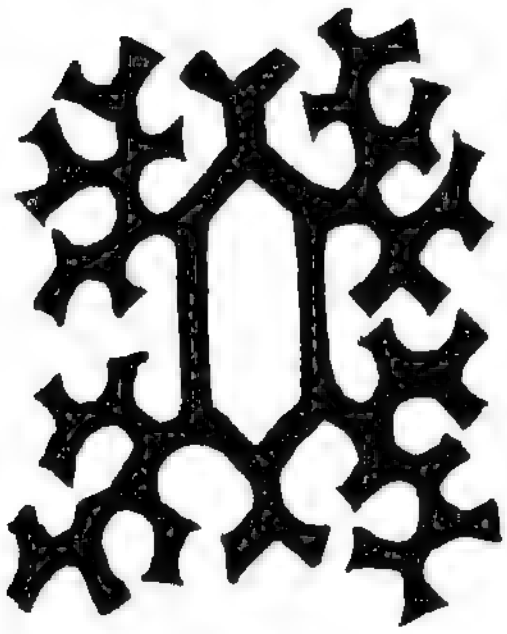


1

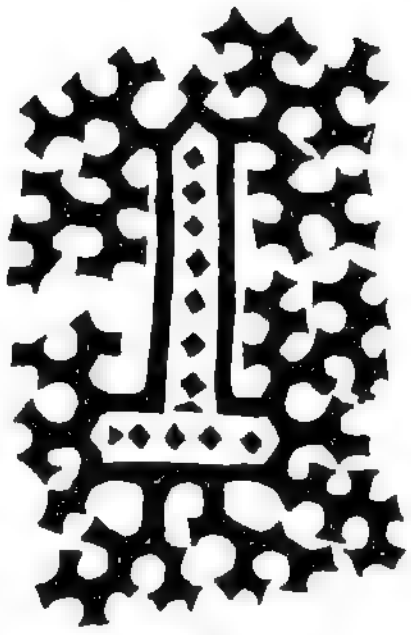
2



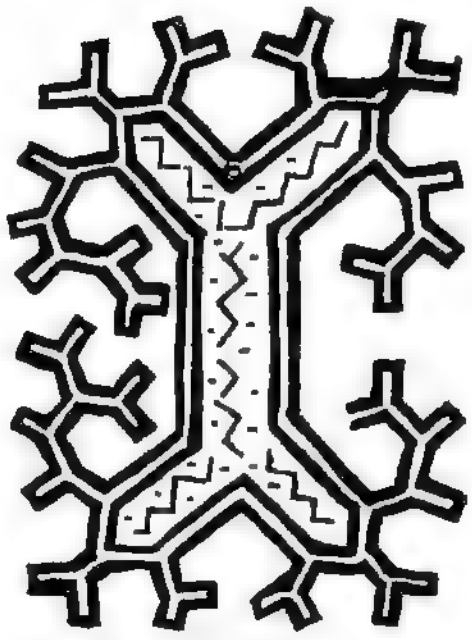
3



4



5



6

Таблица XV (нат. вел. рис. 1 и 2; 1/4 нат. вел. рис. 3; 1/3 нат. вел. рис. 4; 1/5 нат. вел. рис. 5 и 6).

Рис. 1. (1711—606) *Вит вуй*—бобер, рисунок на бересте. Остяки. Уркум горт на р. Казыме.

Рис. 2. (1711—141) *Хут вул*—старые юрты, рисунок на берестяном сосуде *ай кугырь*. Остяки. Ильби горт на р. Казыме.

Рис. 3. (1710—426) *Вор-тол ойка*—старик медведь (дед лесных амбаров) изображение вырезанное из сукна на рукавице одевающейся во время празднества в честь медведя. Вогулы. Сопур-я пауль на р. Сосьве.

Рис. 4. (1710—154) *Маколы ойка*—дедушка земляного дома, медведь на задних лапах, рисунок на берестяном сосуде *сан*. Вогулы. Мункез пауль на р. Северной Сосьве.

Рис. 5. (1711—146) Медведь на столе, рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Казым-тын-вож на р. Казыме.

Рис. 6. (1711—130) *Хумылха*—земляной жук, рисунок на берестяном сосуде *кугырь*. Остяки. Хульлор горт на р. Казыме.

находим на ритуальной рукавице, одевающейся во время медвежьего праздника, что с несомненностью свидетельствует об изображении на ней медведя. Изображение медведя на рукавице, о которой идет речь, отличается правильностью и симметрией рисунка, а также удачным разрешением поставленной проблемы: изобразить зверя и заполнить его изображением известную плоскость, в данном случае тыльную поверхность рукавицы. Полная симметричность рисунка в вырезанном из сукна или меха

орнаменте, в данном случае на рукавице, достигается наложением одной половины рисунка на другую при вырезывании. При нанесении на берестяную посуду тех или иных орнаментальных мотивов эта техника не применима. Поэтому на берестяных сосудах мы обычно не имеем столь тщательно выполненных изображений медведя. Рис. 4 и 5 табл. XV дают нам хорошие образцы изображений медведя на берестяных сосудах. В них мы узнаем трафаретное изображение зверя (табл. XV, рис. 1) с сильно разветвленными лапами, покрывающими всю подлежащую орнаментации площадь.

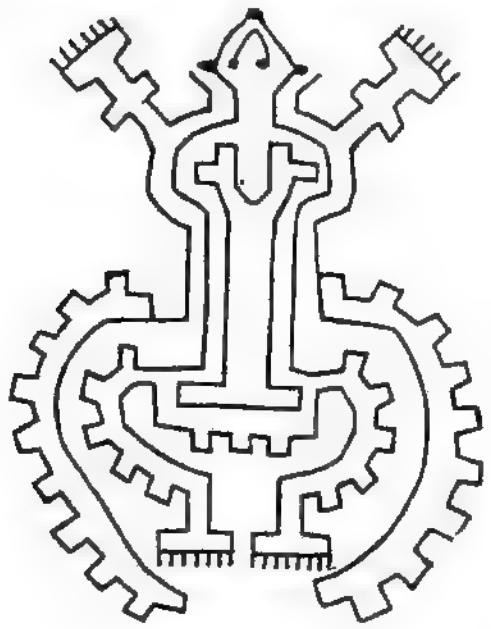


Рис. 18. *Вор-тол ойка*—старик медведь (дед лесных амбаров), рисунок вогулянки Татьяны Оксиковой, 29 лет. Хорум пауль на р. Северной Сосьве.

Подобные же и притом весьма своеобразные изображения также, повидимому, медведя мы находим на берестяных сосудах воспроизведенных в венгерской работе, упоминавшейся в начале статьи (рис. 4 – 7 табл. I) [1]. Некоторые из них (рис. 4, 6 и 7) особенно интересны в том отношении, что, удерживая трафаретную схему изображения, на них своеобразным приемом отделяются лапы (добавлением когтей, как это имеет место и на нашем рис. 18) от тех придатков или ветвлений лап, назначение которых—заполнить орнаментируемое пространство.

Как видно на рис. 5 табл. XV в иных случаях голова медведя может быть и не раздвоена. Очень интересно в этом отношении, а также по ряду других отличительных особенностей, изображение медведя, воспроизведенное на рис. 18. Здесь мы имеем трафаретное, в виде параллелограмма, изображение головы медведя, но оно дополнено изображением глаз, ушей и кончика носа. Передние и задние лапы отмечены рядом зубцов когтей. Композиционно весьма интересно сочетание контурного и внутреннего рисунка этого изображения, повторяющих друг друга, но вместе дающих изображение одного зверя.

Рис. 2 табл. XV, который остяки называют старые юрты, и рис. 6 той же таблицы, земляной жук, несомненно генетически связаны с изображением зверя, но превратились уже, особенно рис. 6 табл. XV, в орнаментальный мотив, утративший сходство, с основной животной формой.

Мы далеко не исчерпали того богатого материала, который дают нам по остяцкой и вогульской графике собрания Русского Музея, не говоря уже о других центральных и краевых музеях. Полагаем все же, что приведенных примеров достаточно, чтобы получить представление о художественном творчестве остяков и вогулов в области графики. Сопоставляя наше собрание с теми материалами, которые имеются в печати по графике ряда сибирских народностей (в частности чукоч) и различных народов за пределами нашего Союза, мы убеждаемся, что остяки и вогулы выделяются большой наблюдательностью, прекрасным знанием и пониманием окружающей их природы, в особенности животного мира, несомненным художественным дарованием и особым стилем в орнаментике, заимствованным у них рядом соседящих с ними народностей. Рисунки на древних писаницах Урала и Саяно-Алтайского нагорья, в частности верховьев Енисея и Монголии, много примитивнее остяцких и вогульских рисунков и по стилю могут быть сопоставлены только с древними остяцкими знаменами. Своеобразный стиль и традицион-

---

[1] Semayer Vilibàld. Vogul-osztják himes kéregedények. Mag. Nem. Múz. Nép. Os. Értesitöje, Budapest. 1905.

ность остяцкой и вогульской татуировки говорят за большую древность этого вида украшения, а многочисленные варианты отдельных орнаментальных мотивов, хотя бы в изображениях птиц о том, что, несмотря на вполне определившийся стиль остяцкой и вогульской орнаментики, он еще молод, продолжает жить, развиваться и далек от вполне сложившихся законченных форм.

С. Руденко.

ROUDENKO, S. L'ART GRAPHIQUE DES OSTIAKS ET DES VOGOULS.

Les matériaux, pouvant servir à l'étude de l'art graphique chez les Ostiaks et les Vogouls, sont très variés. Nous avons en premier lieu les „snamena", ou signatures autographes des Ostiaks et des Vogouls sur les documents historiques, ensuite viennent les pyctographes et les dessins de différents objets de ménage. Le tatouage des Ostiaks et des Vogouls, ainsi que la décoration ordinaire des vêtements, de différents objets en écorce de bouleau etc., représentent de nombreux motifs d'ornementation extrêmement variés.

Les „snamena" des Ostiaks sur les documents historiques du XVII sc. se distinguent essentiellement des „snamena" des turcs, des finois et des peuples slaves de la Russie. Ils représentent différents objets, souvent des animaux, des oiseaux et des poissons. Cela s'explique par le fait que les Ostiaks et les Vogouls, n'ayant pas de langue écrite et ne possédant pas de signes individuels de propriété (tamga) apposaient à partir du XVII sc. au bas des documents en lieu de signature les dessins de leurs totems de famille.

Il y a une grande ressemblance entre ces totems et le dessin des tatouages des Ostiaks ei des Vogouls. L'usage de tatouer le corps devient à présent de plus en plus rare chez ces peuples. Il se peut bien que dans certains cas de tatouage nous ayons justement le dessin des totems. Parfois les „snamena" tatoués pouvaient servir de signes distinctifs d'une certaine personne, mais le but principal du tatouage chez les Ostiaks et les Vogouls était médical ou décoratif. Des sujets ornementaux du tatouage se trouvent aussi sur différents objets et sur les vêtements en particulier. Les dessins des oiseaux se distinguent par un style traditionnel strictement établi.

Les pyctographes se rencontrent seulement comme entailles sur des arbres dans les forêts; ils indiquent la route suivie par le chasseur et servent à transmettre des renseignements convenus. Les pyctographes représentent ordinairement des dessins très schématiques d'animaux.

Les dessins au crayon, faits sur du papier par les Ostiaks et les Vogouls, rassemblés par l'auteur sur les lieux au cours d'une expédition en 1909 et 1910, forment une collection riche en matériaux de l'art graphique de ces peuples. Les dessinateurs étaient des hommes et des femmes adultes n'ayant, à de rares exceptions, jamais vu ni dessins, proprement dit, ni illustrations. Les Ostiaks et les Vogouls dessinaient généralement des animaux, des bêtes fauves, des oiseaux, des êtres humains, des insectes et rarement différentes scènes de moeurs. La majeure partie de ces dessins est parfaitement réaliste et nonobstant, le manque de perspective reproduit ingénieusement les traits caractéristiques des animaux et des objets. Les dessins des bêtes et des oiseaux, grattés sur l'écorce de bouleau, sont aussi expressifs que ceux faits au crayon. Au point de vue technique ce sont des silhouettes. Un des traits caractéristiques de ces dessins est la représentation des sujets en mouvement.

D'un intérêt tout particulier est le dessin cannonisé d'un cavalier, le fils du dieu du ciel, sur les voiles rituels servant à recouvrir les animaux des sacrifices.

Les dessins réalistes des animaux sur les objets de ménage sont relativement rares. Ces dessins sont ordinairement stylisés d'une manière toute particulière aux Ostiaks et aux Vogouls.

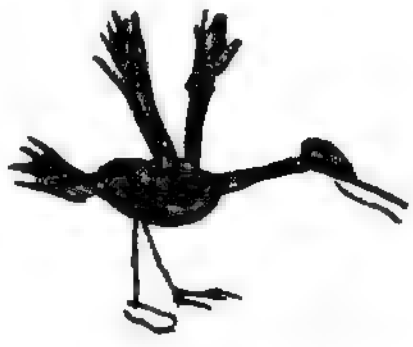
A en juger d'après leur art graphique, les Ostiaks et les Vogouls se distinguent par un grand esprit d'observation, une connaissance approfondie et une compréhension de la nature, du règne animal en particulier. Ils ont aussi incontestablement un sentiment artistique. Leur style ornemental est tout-à-fait original. Ce style original et le traditionalisme dans le dessin des tatouages prouvent l'ancienneté de cet usage chez ces peuples; tandis que l'extrême variété des sujets ornementaux témoigne la jeunesse de leur art décoratif qui est encore en voie de développement et est bien loin d'avoir acquis des formes stables et définies.

Explication des planches.

Pl. I. „Snamena" du XVII sc. des Ostiaks du gouvernement de Tobolsk. Pl. II — IV. Tatouage des bras des Ostiaks et des Vogouls. Pl. V — VI. Différents animaux dessinés au crayon par les Ostiaks et les Vogouls. Pl. VII — VIII. Oiseaux, dessins au crayon. Pl. IX. Poissons, dessins au crayon. Pl. X. Grenouille, cousin, moucheron,

triton, piège d'oiseaux, dessins au crayon. Pl. XI. Différents dessins au crayon Pl. XII. Animaux, dessins grattés sur l'écorce de bouleau. Pl. XIII. Oiseaux, hommes etc. dessins grattés sur l'écorce de bouleau. Pl. XIV. Oiseaux, dessins ornant les vases en écorce de bouleau. Pl. XV. Bêtes fauves, dessins ornant les vases en écorce de bouleau.

Fig. 1. Disposition du tatouage des bras. Fig. 2. Specimen de dessin de bêtes fauves des pyctographes des Vogouls. Fig. 3. Renne, dessin. Fig. 4. Cheval et renne, dessins. Fig. 5 — 6. Grues, dessins. Fig. 7. Poissons, dessins. Fig. 8 — 9. Ostiaks en traîneaux à attelage de rennes, dessins. Fig. 10. Arbalète pointée sur un renard et une loutre. Fig. 11. Pic cendré sur un arbre, dessin. Fig. 12. Une loutre, un ours, un castor et un tétras, dessin sur une plaquette en os que l'on fixe dans la main en tirant de l'arc. Fig. 13. Le fils du dieu du ciel à cheval, dessin découpé en drap sur un voile rituel dont on recouvre les animaux des sacrifices. Fig. 14. Dessin double de renne gratté sur l'écorce de bouleau. Fig. 15. Bois d'élan gratté sur l'écorce de bouleau. Fig. 16. Ours, dessin brodé en poil de renne sur des mitaines, employées au service rituel en l'honneur de l'ours. Fig. 17. Ours, dessin sur une tabatière en écorce de bouleau. Fig. 18. Ours, dessin.



Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края[1].

(В кратком изложении).

Проблемы, связанные с изучением древних культур северной и центральной Азии, с каждым годом все более и более привлекают внимание палеоэтнологов. Европа является лишь полуостровом великого Евразийского материка. В благоприятных природных условиях Европы детализировались те культурно-исторические процессы, которые, возникая в Азии в зависимости, повидимому, от изменений физико-географических условий, охватывали громадные пространства всего обширного материка. Вот почему, такие основные вопросы, как происхождение человека, переселение народов, возникновение и распространие тех или иных культур и культурных влияний, их смена—не могут быть в настоящее время удовлетворительно разрешены без изучения палеоэтнологии Азии.

За исключением Малой Азии, Индии и Ирана, большая часть Азии в палеоэтнологическом отношении изучена плохо. В восточной и центральной Азии исследования только еще начинаются. В северной Азии сделано в этом отношении больше.

С 1920 г. в Сибири мы наблюдаем большое оживление в палеоэтнологических изысканиях. Повышенный интерес к генезису основных явлений побудил многих палеоэтнологов приступить к систематическому обследованию обширных районов Сибири. Результаты предпринятых работ уже сейчас позволяют наметить для некоторых районов северной Азии более детальные схемы развития и смены доисторических культур, чем это было сделано в прежних классических работах (Радлова, Талько-Гринцевича и др.).

Наибольшее число исследований всегда выпадало на долю Минусинского края, и не случайно. Минусинская степная котловина, окруженная горами, отличается разнообразием физико-географических условий. Разнообразие природного ландшафта создало ту благоприятную экономическую основу, на которой здесь с глубокой древности интенсивно развивалась жизнь человека. В бассейне Енисея проходит географическая граница между западной и восточной Сибирью, а Саяны с юга ограничивают Минусинскую котловину от центральной Азии. С естественно-историческими районами совпадают и культурно-бытовые зоны. Как бы ни были велики колебания этнических границ в различные моменты жизни народов северной и центральной Азии, они всегда в конец

[1] На основании раскопок могил, главным образом, в районе с. Батени.

концов останавливались на географических границах. В Минусинский край проникали культурные влияния южных цивилизаций, в нем нашли также свое отражение восточные и западные культуры Сибири. Хорошие для жизни условия дали возможность прочно зафиксироваться многим культурным влияниям, проследить которые мы можем благодаря громадному обилию отдельных находок в виде каменных, бронзовых и железных изделий и монументальных сооружений. Различные по своему устройству надмогильные памятники, скульптурные изваяния, рисунки и древние письмена на скалах, ирригационные сооружения — являются как бы органической частью ландшафта страны. Они поражают загадочностью или, иногда, своей величественностью всякого, кто видит их: будь то ученый исследователь, путешественник или простой обыватель.

Изучение минусинских древностей, помимо местного интереса, дает ключ к пониманию древних культур всей северной Азии. В Минусинском крае имеются пункты, которые должно быть с древних времен являлись весьма выгодными для заселения. К таким пунктам принадлежит с. Батени (на левом берегу Енисея, у пристани того же названия). В районе этого села и производились нами в течение восьми лет раскопки могил и курганов. Устройство могильных сооружений и предметы погребального инвентаря, предназначенные обслуживать погребенных в загробном мире, легли в основу предлагаемой классификации.

Можно смело сказать, что, начиная с палеолитической эпохи, в районе Батеней всегда жил человек. В окрестностях села, в деллювиальных и аллювиальных отложениях, обнаружены чрезвычайно интересные в стратиграфическом отношении „культурные слои", содержащие каменные и костяные орудия вместе с остатками мамонта и других, давно исчезнувших здесь животных: архара, северного оленя, песца. Указанные находки принадлежат к широко распространенной по среднему Енисею палеолитической культуре, до сего времени не обнаруженной за Саянами.

Наиболее древняя культура, в которой появляется металл, названа Афанасьевской по имени горы близ Батеней, где впервые обнаружен могильник этой культуры. Покойников погребали в грунтовых ямах (т. I, р. I), глубиною 1,5 м., в скорченном положении или с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ; в редких случаях трупы сжигали или покрывали погребение деревянным настилом. Яму заваливали камнями. Надмогильные каменные насыпи сохранились иногда только в виде уплощенного круга камней, едва выступающих над поверхностью степи. Нередко встречаются впускные погребения. Остатки погребальной пищи, положенной в могилу, кости рыб, изюбря, дикого быка и кости домашних животных — лошади, быка и овцы — свидетельствуют о существовании в афанасьевскую эпоху охото-скотоводческой формы хозяйства. Бусы из раковин Corbicula fluminalis (т. I, р. 10), бывшие на шее, руках и ногах погребенных, указывают на культурные связи с районом Аральского моря, где живет этот моллюск[1]. Основные черты физического типа погребенных: длинноголовость, узкое лицо и горбатый нос — отличают их от современного населения, как Минусинского края, так и прилегающих к нему районов Азии. Среди погребального инвентаря руководящими элементами являются: глиняные сосуды, преимущественно яйцевидной формы (сферической формы сосудов и плоскодонных — немного), покрытые сплошь грубым орнаментом, выполненным зубчатым чеканом, резьбой и лепкой (т. I, р. 1, 2, 3, 4); каменные орудия (нак. стрел ланцетовидной формы — т. I, р. 9, песты — т. I, р. 5, терки — т. I, р. 8) и костяные предметы (иглы в игольнике — т. I, р. 6, 7). Появляются медные изделия (повидимому, обкладка края деревянного предмета — т. I, р. 11).

---

[1] В устье р. Аму-Дарьи.

Принимая во внимание вышеприведенные соображения о возможных культурных связях с районом Аральского моря, можно предполагать, что металлическая медно-бронзовая культура проникла сюда из Иранского мира, тем более, что следы широко распространенной на Енисее афанасьевской культуры обнаружены на Алтае и под Семипалатинском; к востоку же от бассейна Енисея и к югу от Саянских гор она до сих пор не найдена.

В первой половине второго тысячелетия до н. э. в степных районах западной Сибири и Казакстана появилась Андроновская культура, названная по имени д. Андроновой в Ачинском округе, в районе которой были раскопаны могилы с характерной керамикой. В Минусинском крае, где она была впервые уяснена (в районе с. Батени), находится восточный предел ее распространения. Андроновские могилы (т. I, р. II) покрыты насыпями из земли и часто окружены оградкой в виде кольца камней при ее основании. Под насыпью, в неглубокой грунтовой яме (глубина редко доходит до 3 м.) обыкновенно устраивалась погребальная камера из каменных плит или из дерева. На грунтовом дне в погребальных камерах или просто в ямах, ориентированных большей частью с ЮЗ на СВ, лежат скелеты (чаще по одному) захороненных покойников, в большинстве случаев на боку, в скорченном положении. В редких случаях надмогильные насыпи покрывают многоярусные погребения в каменных камерах, сооруженных в разное время. Попадаются могилы с жжеными костями человека (внемогильное трупосожжение). Находимые постоянно в могилах: кости овцы, лошади и быка — остатки погребальной пищи, указывают на развитое скотоводство, а могила с погребением только скелета собаки — на важную бытовую роль этого животного. Остатки головного убора, сделанного из шерсти, знакомят нас с примитивным видом плетения шерстяных изделий. Из погребального инвентаря, прежде всего, следует отметить плоскодонные, глиняные сосуды двух типов: одни грубо сделанные, с прямыми стенками, иногда сплошь покрытые глубоким ямочным, зубчатым и резным орнаментом (т. I, р. 13), другие — с изогнутым профилем стенок, украшенные хорошо выработанным геометрическим орнаментом (т. I, р. 18). Сосуды последнего типа являются руководящим элементом для андроновской культуры. В некоторых могилах были найдены блюдца из глины, иногда орнаментированные и с ручками. Каменные орудия не вышли еще из употребления (скребки — т. I, р. 29, плоские треугольные наконечники стрел — т. I, р. 30, круглые в сечении каменные пестики — т. I, р. 31); появляется большое количество медных изделий (кинжалы — т. I, р. 20 с плоской, расширяющейся в средней части, рукояткой; обыкновенно безушковые кельты с орнаментальным пояском у втулки и геометрическим орнаментом в виде треугольников и ромбов — т. I, р. 21; вильчатые наконечники копий; медные полые браслеты — т. I, р. 25; медные полусферические бляшки-нашивки — т. I, р. 26; медные пенсневидные подвески — т. I, р. 22, иногда, так же как и концы незамкнутых браслетов, с коническими спиральными завитками — т. I, р. 28); буски различных типов (из меди — т. I, р. 12 и 14, сердолика — т. I, р. 19 и пасты — т. I, р. 15, 16, 17); наконец, медные, покрытые тонкими листиками золота: височные кольца с раструбом (т. I, р. 27); спиральные завитки (т. I, р. 24) и лапчатые подвески (т. I, р. 23).

Андроновская культура синхронична хвалынской, срубной и другим, сходным с нею культурам европейской части нашего Союза. Все они территориально связаны с областью сплошных степей от Карпат до Монголии, и развились, должно быть, под влиянием южных культурных течений.

Следов андроновской культуры, также как и афанасьевской, к востоку от бассейна Енисея не найдено. Есть некоторые основания предполагать, что андроновская культура,

явившись в Минусинский край на смену афанасьевской, существовала здесь недолго. Физический тип погребенных, судя по черепам, обнаруживает некоторые отличия от типа населения, как предшествующей афанасьевской, так и последующих, более поздних эпох: карасукской и минусинской курганной. Между двумя вышеописанными культурами наблюдается преемственность, что сказывается в некоторых особенностях погребального обряда, в керамике и других бытовых предметах.

В то время, как в лесостепной части западной Сибири продолжала, повидимому, развиваться андроновская культура, в Минусинском крае, около первого тысячелетия до н. э., под влиянием культуры, зародившейся должно быть в пределах современного Китая, появляется Карасукская культура, получившая свое название по р. Карасук, левому притоку Енисея у с. Батени. Медные предметы, аналогичные карасукским (ножи, кинжалы, лапчатые подвески, украшения) неоднократно были находимы в Танну-Тувинской республике, в бассейне Селенги и в Китае. Судя по известной нам в настоящее время керамике, к западу от Енисея описываемая культура не выходила в бассейне Оби за пределы меридиана Томска[1]. Ограниченность числа предметов, обнаруженных в европейской части нашего Союза и далее на западе — в Венгрии (лапчатые подвески), сходных с карасукскими, не позволяют еще относить их к восточному культурному кругу. Карасукские могильники, встречающиеся довольно часто в Минусинском крае, состоят, иногда, из большого количества могил. Могилы едва прикрыты насыпью и окружены в большинстве случаев кольцевидными или четырехугольными оградками из мелких плиток, поставленных ребром или положенных плашмя. Четырехугольные оградки всегда ориентированы углами по странам света. Часто они примыкают друг к другу с разных сторон и образуют сеть клеток. Ограды вокруг могилы настолько невысоки, что едва заметны на гладкой поверхности степи (т. I, р. III). В центре оградок, под дерновым слоем, располагаются могильные ямы, прикрытые сверху и облицованные, большей частью по стенкам, плитами. Длинной осью, подобного рода камеры, ориентированы обыкновенно с СВ на ЮЗ. В камерах на грунтовом дне покойников погребали на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. Иногда хоронили только кости, оставшиеся от покойников, похороненных первоначально на поверхности. Двуактные погребения, распространенные еще недавно у некоторых народностей Азии и засвидетельствованные китайскими и персидскими летописями, для древних культур центральной Азии, были обыкновенны как в карасукскую эпоху, так и позднее. Сожжение покойников встречается редко. Из погребального инвентаря руководящим элементом являются: глиняные сосуды прекрасной техники, со сферическим дном, высокой шейкой, покрытые иногда ангобой, украшенные или скудным желобчатым орнаментом, или резным, и очень редко с инкрустацией (т. I, р. 32, 33); затем, медные коленчатые и кривые ножи (т. I, р. 52, 53, 55); лапчатые подвески (т. I, р. 37); спирально завитые из толстой медной проволоки височные кольца (т. I, р. 44) и кольца на пальцы (т. I, р. 46); перстни с сегментными щитками (т. I, р. 45); массивные и выпуклые накладки (т. I, р. 48, 49). Встречаются в могилах: медные зеркала (т. I, р. 51); шилья (т. I, р. 56); круглые медные бляшки с петлей; подвески из зубов животных и подковообразные из меди; накладки из белой пасты, подражающие раковинам Cyprea moneta; накладки, повидимому, на ремни в виде скобочек, сделанных из медных пластинок (т. I, р. 47); наконец, бусы: полые двуконические (т. I, р. 39) и массивные круглые из меди; цилиндрические, свернутые из медных пластинок (т. I, р. 40); уплощенно-круглые из сердолика (т. I, р. 42); кружковые из перламутра; цилиндрические из пасты (т. I, р. 43).

[1] Лапчатые подвески найдены под Омском.

На основании типологического изучения и сходства элементов орнамента, к карасукской культуре следует отнести большое количество отдельно найденных медных ножей (из которых некоторые украшены головками зверей — т. I, р. 54) и представленные на рисунках типы кельтов (т. I, р. 38), кинжалов (т. I, р. 34), долот (т. I, р. 35, 36) и браслетов (т, I, р. 50). От карасукской эпохи сохранились в степях своеобразные каменные памятники, достигающее 3 и более м. высоты (т. I, р. 57), сделанные из плит песчаника или гранита, с высеченным лицом человека, часто сильно стилизованным, и увенчанные, иногда, головой барана. Овцеводство являлось, здесь, в это время, повидимому, основой экономического благосостояния населения. Как правило, в каждой могиле находятся кости овцы — остатки погребальной пищи, положенной в могилу с покойником. Специально устроенная могила для захоронения собаки указывает нам на то, что собаки пользовались тогда, так же как и в андроновскую эпоху, особым вниманием. Чрезвычайно важной проблемой, требующей еще основательной проработки, является соотношение карасукской культуры и фатьяновской.

На основе карасукской культуры, в начале первого тысячелетия до н. э. в Минусинской котловине появляется необычайно мощная, во многом оригинальная, Минусинская Курганная [1] культура поздней бронзы, развивавшаяся в различные моменты своей тысячелетней истории, параллельно, или в некоторой связи с культурами открытых степей Евразии. Большую часть надмогильных сооружений, так же как и громадное количество случайно находимых на поверхности степи медно-бронзовых предметов надо отнести к этой культуре.

Многочисленные курганы, обыкновенно группирующиеся в могильники, занимают нередко сплошные поля, тянущиеся на несколько километров, что свидетельствует о большой населенности края в рассматриваемую эпоху.

Курганы сделаны из земли, различны по высоте; иногда имеют вид плоской насыпи, иногда же достигают 10 метров высоты. Обыкновенно, они окружены при основании прямоугольной сплошной оградой из толстых плит, поставленных на ребро. По углам ограды, а также, в большинстве случаев по линии ее стенок, в строгой симметрии, стоят высокие камни (около больших курганов до 4—5 метров высоты и до 35 тонн весом) [2].

Ограды ориентированы короткой осью с ЮЗ на СВ, в том же направлении узкими ребрами строго ориентированы и высокие оградные камни. Нередко, к ЮЗ от больших курганов, на расстоянии нескольких десятков метров, находятся одиночные камни. Курганы часто настолько уже расплылись, что покрывают собой ограды и тогда только высокие камни ее торчат при основании курганов. В тех местностях, где нет вблизи плитняка, сплошные ограды отсутствуют, но если есть какой-либо каменный материал, то при основании насыпи имеются камни, симметрично располагающиеся по правильному четырехугольнику. Там, где нет совсем выходов горных пород, отсутствуют вокруг курганов и высокие камни. Чем реже расположены курганы в могильном поле, чем они выше и больше и чем больше высоких камней в сев.-западных и юго-восточных стенках ограды — тем они более позднего времени. Под одной насыпью, в общей ограде, находится, иногда, несколько могил. Могилы длинной осью ориентированы с ЮЗ на СВ, т. е. сохраняют ту же самую ориентировку, как и могилы всех предшествующих культур. В ранних курганах мы иногда встречаем индивидуальные могилы, но чаще в одной могиле находятся остатки скелетов нескольких погребенных:

---

[1] Дано название по Минусинской котловине, где, главным образом, и распространена была описываемая культура.

[2] Плиты красного девонского песчаника в тех районах, где выходы его имеются, были излюбленным материалом для могильных сооружений.

взрослых и детей. Чем больше курган, тем большее количество погребенных находится в его могилах.

Между карасукскими надмогильными сооружениями и минусинскими курганами, окруженными оградами, наблюдаются переходные формы. Карасукские ограды, построенные из мелких плиток, с примыкающими к ним с разных сторон боковыми оградками, большей частью, детских могил, никогда не имеют высоких оградных плит. Нами раскапывались могилы с плоской насыпью, с оградами, примыкающими друг к другу, но на углах некоторых из них, чаще центральных, стояли уже высокие камни. Причем подобные могилы примыкают друг к другу не в беспорядке, а располагаются в ряд с ЮВ на СЗ. Судя по погребальному инвентарю, они должны быть отнесены к самому началу минусинской курганной культуры. Встречаются, также, невысокие длинные курганы, ориентированные длинной осью с ЮВ на СЗ. В ограде таких курганов имеются перегородки из плит, отделяющие могилы друг от друга. На углах оград и при стыке длинных стенок с перегородками поставлены высокие камни. Более поздние могилы, покрытые общей курганной насыпью, не имеют индивидуальных оградок, а заключены в общую ограду с высокими отдельными камнями, отмечающими только промежутки между могилами.

Вышеописанные карасукские комплексные могильные сооружения были, повидимому, семейными усыпательницами. Весьма возможно, что ранние минусинские курганы покрывают семейные могилы, а поздние — родовые усыпальницы. Громадные курганы заключают в могилах по несколько сот погребенных. В погребальном инвентаре захороненных нет отличий, у всех комплект инвентаря одинаков. Все погребенные являются равноправными членами общества. Надо полагать, что сооружение подобного рода грандиозных курганов, требовавшее большого количества рук, производилось коллективно, целым обществом. Идея коллективизма, в конце эпохи, имела, должно быть, прочную основу.

Находимые в могилах остатки загробной пищи в виде костей, главным образом, овцы, быка и лошади указывают нам на развитое скотоводство, а целый ряд предметов погребального инвентаря — на занятие охотой и рыболовством, игравшее в хозяйстве рассматриваемой культуры несомненно существенную роль.

Физический тип населения, в основных своих признаках, остается сходным с населением края в афанасьевскую и карасукскую эпохи. Та же длинноголовость, узкое лицо, узкий горбатый нос и выдающийся затылок, — черты, отличающие древних минусинцев от современного населения центральной Азии. Весьма вероятно, что они и есть то голубоглазое и светловолосое население (динлины, бома), которое, судя по китайским летописям, жило на Енисее. Впоследствии оно было поглощено волнами короткоголовых, брюнетических народов Азии.

Расположение курганов в могильных полях, различия в устройстве надмогильных сооружений, а также в характере погребений, наконец, отличия в погребальном инвентаре — дают нам основание наметить четыре последовательных этапа минусинской курганной культуры. Само собой разумеется, что часто встречаются курганы переходных форм.

Первый этап. Невысокие надмогильные насыпи окружены квадратной, а если под насыпью много могил, то длинной прямоугольной оградой, ориентированной длинной осью с ЮВ на СЗ (т. I, р. IV,1—могильник у Подгорного озера близ Батеней). На углах стоят высокие камни. Такие же камни, поставленные иногда симметрично в северо-восточных и юго-западных стенках, отмечают промежутки между могилами. В грунтовых могильных ямах находятся погребальные камеры. Они имеют прямоугольную форму;

устроены из дерева или вертикально поставленных плит; дном является грунт. Стенки деревянных камер представляют собой сруб из бревен, часто стесанных изнутри. Камеры покрывались настилом из бревен или плитами и сверху засыпались еще плитняком, галькой и, наконец, землей, бравшейся вблизи кургана. В камере погребали одного или нескольких покойников, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. При наличии вторичного погребения находились разрозненные кости.

В качестве погребального инвентаря, в могилах находим глиняные сосуды (содержавшие, должно быть, жидкую пищу), оружие и украшения. Глиняные сосуды, главным образом, с плоским дном, с блестящей черной поверхностью,—различны по форме: чаще всего банкообразные, с слегка расширяющимися кверху стенками с утолщенным и скошенным наружу венчиком, но встречаются сосуды и в виде чашек, корчаг, реже—кубковидные или иной формы. У верхнего края они украшены желобками, выдавленными изнутри бугорками или скудными резными штрихами. Характерным орнаментом является желобчатый (т. I, р. 60). При мужских костяках находятся медные ножи (т. I, р. 63), кинжалы (т. I, р. 68), разнообразной формы наконечники стрел из меди (т. I, р. 58 и 59) и кости, медные секиры (т. I, р. 70) с деревянными рукоятками (около 40 см. длиной), оканчивающиеся медной литой обоймой. При женских скелетах постоянно встречаются кожаные мешочки, сшитые сухожильными нитками и нередко расшитые узорами. В мешочках находятся предметы из меди: ножи, шилья (т. I, р. 67), иглы (т. I, р. 65), пучки сухожильных ниток и очины птичьих перьев. Медные тонкие, полусферические бляшки с выдавленными иногда по краю изнутри бугорками (т. I, р. 66) служили украшением головного убора на лобной его части. Попадаются бусы: медные, двуконические, подобные карасукским, стеклянные, каменные и пастовые. Большие круглые бляхи из меди с петлей с обратной стороны (т. I, р. 69), служившие, должно быть, зеркалами,—были неизменной принадлежностью, как мужского, так и женского туалета; они находятся иногда в меховых футлярах. Нередко встречаются гребни из кости (т. I, р. 71) и другие предметы. Как исключение, найдены: медное серповидное орудие (т. I, р. 61), секира с украшением (т. I, р. 72) и кельт (т. I, р. 62). Все орудия из бронзы массивны, носят простой рабочий характер и, в большинстве случаев, не имеют украшений.

Второй этап. Курганы второго этапа располагаются в могильных полях вместе с курганами первого этапа или образуют самостоятельные могильники. Ориентировка курганов и могил та же самая. В отличие от курганов первого этапа, они крупнее, располагаются реже и, по середине коротких, северо-западных и юго-восточных сторон ограды, имеют по одному высокому камню. Погребальные камеры, сделанные обыкновенно из дерева и покрытые иногда двойным рядом бревен и берестой, весьма обширны и заключают десятки погребенных, причем в одной могиле встречаются как первичные погребения, так и вторичные (т. I, р. IV,[2]—могильник у Сарагашинского озера близ Батеней).

Глиняные сосуды большей частью не орнаментированы со скошенным внутрь венчиком (т. I, р. 74). Среди погребального инвентаря есть много предметов общих с могилами первого этапа: полусферические медные бляшки; двуконические, стеклянные (т. I, р. 78), каменные (т. I, р. 77) и пастовые бусы; пронизки-трубочки из медных пластинок; наконечники стрел из меди и кости (т. I, р. 73 и 76); рыболовные крючки (т. I, р. 75) и пастовые имитации раковин Cyprea moneta, встречавшиеся уже в карасукскую эпоху. Медные зеркала имеют меньшие размеры. Многие предметы погребального инвентаря становятся изящнее (шилья) или, даже, теряют практическое значение, уменьшаясь в своем размере (секиры). Пышно развивается характерный для

второго этапа звериный стиль. Бронзовые и медные предметы украшаются головками и фигурками козлов, оленей и других зверей: секиры (т. I, р. 83), полые внутри навершия (т. I, р. 82), ножи (т. I, р. 84—88) и кинжалы (т. I, р. 89) [1]. Преобладает скульптурное литье, но появляются уже плоские, односторонне рельефные, ажурные бляшки в виде лежащих оленей, служившие накладными украшениями (т. I, р. 80). Из отдельных находок на основании орнаментальных подробностей ко второму этапу надо отнести кельты (т. I, р. 81).

Звериный стиль второго этапа характеризуется кольцевидными, с ямками внутри, или сквозными округлыми глазами или ноздрями, иногда кольцевидными окончаниями ног и хвостов и выпуклой плечевой и бедряной областью. В конце, должно быть, второго этапа появляются медные котлы на полой ножке с двумя ручками (т. I, р. 79), сходные формы которых в эту эпоху были широко распространены по всем степям Евразии. Многие бытовые элементы и стиль украшений, имеющие аналогии в скифской и ананьинской культурах, дают возможность относить начало второго этапа не позднее как к VI в. до н. э. Взаимоотношение между минусинской и скифской культурами недостаточно еще выяснено. Но, во всяком случае, надо принять во внимание, что элементы звериного стиля, столь характерного и для скифской культуры, находят себе прототипы не только в первом этапе минусинской курганной культуры, но и в карасукской. Таким образом, эволюция звериного стиля в Минусинском крае, тесно связанная с другими бытовыми явлениями, дает картину развития бронзовой культуры более полную, чем в остальных районах евразиатских степей.

Третий этап. Курганы стоят в степях одиноко, а если и соединены в группы или в ряды, то отстоят друг от друга на большое расстояние. Насыпи больше, высоких камней вокруг основания много (не менее двух на северо-западных и юго-восточных сторонах); квадратные оградки почти всегда покрыты насыпью. Обширные погребальные камеры, заключающие большое количество погребенных, сделаны из дерева. В третьем этапе, появляется обычай сожжения мертвых или костей оставшихся от первичного погребения. Сожжение происходило чаще в самой камере, отчего деревянные стенки бывают сильно обуглены (курган у д. Лепешки на Енисее против Батеней — т. I, р. IV,з). Погребальный инвентарь состоит из глиняных сосудов на полых ножках, копирующих медные большие котлы (т. I, р. 92); миниатюрных сакральных медных кинжалов (т. I, р. 96), секир (т. I, р. 91), ножей (т. I, р. 90), зеркал (т. I, р. 97), пробойников (т. I, р. 95), грубо отлитых, заменявших соответствующие рабочие предметы, весьма возможно, из экономических соображений. Встречаются: фигурки оленей, каменные подвески (т. I, р. 93) и ажурные конические навершия, украшенные фигурами козлов (т. I, р. 94). Появляется в могилах во множестве железный шлак.

Отдельные бытовые предметы более ранних этапов минусинской культуры нередко находимы были в Сибири, как на востоке, так и на западе, но, собственно, распространение всей культуры за пределы Минусинской котловины происходило, главным образом, в третьем этапе (до начала н. э.). Об этом свидетельствуют земляные высокие курганы в Красноярском, Ачинском и Мариинском округах. В них найдены коллективные погребения со следами сожжения и погребальный инвентарь, состоящий из миниатюрных сакральных предметов третьего этапа.

Следует отметить, что в Минусинской котловине, изолированной лесистыми горами, бронзовая культура задержалась долго. С половины первого тысячелетия до н. э.

[1] Некоторые из них являются отдельными находками.

в степных открытых районах Евразии железные изделия получили широкое употребление. Находимый в курганах третьего этапа железный шлак указывает на знакомство минусинцев с новым металлом задолго до начала н. э. Железные предметы: секиры, кинжалы, ножи, копирующие бронзовые, — относятся должно быть к концу третьего этапа.

В последние века до н. э. происходили оживленные сношения Китая, Восточной Монголии с Ираном и Туркестаном. Южные окраины Сибири постепенно вовлекались в сферу международных сношений. Пушнина лесов северной Сибири ценилась на юге так же, как на севере металлические изделия западных и южных центров. Происходила, очевидно, меновая торговля. Богатство и власть сосредоточивается у отдельных посредников, живущих в степях Монголии и в прилегающих странах. Зарождается ханская родовая власть, легшая впоследствии в основу управления многочисленных кочевых эфемерных государств Азии. Глубокие могилы сооружаются не над коллективными погребениями равноправных членов общества, как это мы видим у древних минусинцев, а над могилами умерших властителей. Они известны на Алтае и в бассейне Селенги[1]. Под влиянием оживленных сношений на юге появляются новые предметы, проникшие широким потоком и в Минусинский край в конце третьего этапа минусинской курганной культуры. Повидимому минусинцы, овладев металлургией железа и предметами нового быта, сами перешли на изготовление их (удила—т. I, р. 99). Звериные украшения сделаны еще скульптурно (конец железного кинжала—т. I, р. 104; железная секира—т. I, р. 100), но большая часть рельефна только с одной стороны (лошадка на налобнике конской уздечки — т. I, р. 98, пряжки в виде головы козла — т. I, р. 102 и 103, бляха, изображающая кочевника на верблюде — т. I, р. 101). Животные выполнены в стиле отличном от стиля второго этапа; обращает на себя внимание выполнение глаз, всегда выпуклых, а не ямочных или сквозных.

Противопоставление животных или их голов друг другу было одним из излюбленных мотивов. Известные четырехугольные ажурные бляхи, рельефные только с одной стороны, и изображающие противопоставленных быков, верблюдов, лошадей, — относятся, должно быть, к этому же времени. В северной Азии они неоднократно были находимы от Селенги до Оби, и тесно связаны с золотыми бляхами сибирской коллекции Эрмитажа, изображающими борьбу животных, а также с ковровыми аппликациями ноинулинских курганов в Монголии. Весьма возможно, что бляхи с быками и другими животными выливались в Минусинском крае, так как здесь найдено значительное количество их. Литье плоских ажурных блях с односторонним рельефом было усвоено, повидимому. впоследствии лесными народностями на Оби и позднее — в Приуралье.

Четвертый этап. Громадных курганов четвертого этапа, окруженных иногда оградой с большим числом высоких плит, раскопано немного, и они плохо еще изучены. Характер погребения в них был, повидимому, такой же, как и в третьем этапе. Деревянные камеры прикрыты толстым слоем коры и бересты. Керамика — та же (т. I, р. 92), но среди погребального инвентаря появляются железные изделия сакрального значения и, наконец, маски из гипса на лицах некоторых погребенных. Только вышеуказанные находки дают основание выделять последнего рода курганы в особый четвертый этап. Многие из перечисленных при описании третьего этапа предметов, найденных случайно, могут относиться и к четвертому этапу минусинской курганной культуры.

В начале н. э., в эпоху начавшегося уже в центральной Азии переселения народов (известного, позднее, когда появились гунны в Европе, под именем великого переселения народов), заканчивается пышная минусинская курганная культура. Было ли

[1] В Монголии и прилегающих странах господствовали гунны, в зависимости от которых находились, должно быть, и народности, жившие в Минусинском крае.

ближайшей причиной этого массовое проникновение сюда новых народностей, разрушивших тот коллективный быт и строй, который слагался и процветал здесь в продолжении тысячелетия, или имели место какие-либо другие причины — покажут будущие углубленные исследования[1]. Во всяком случае, в это время, быть может одновременно с курганами четвертого этапа, мы находим могилы другого вида, что дает основание выделять их в особый переходный этап, названный по речке Таштык у с. Батени, где впервые он был установлен.

Таштыкский переходный этап. Могилы таштыкского переходного этапа едва заметны на поверхности степи, обнаружить их можно только по неглубоким впадинам — результату оседания земли. Группируются они в могильные поля. Обыкновенно, в северо-восточном направлении от могильного поля располагается длинный ряд высоких камней, ориентированный с ССЗ на ЮЮВ (т. II, р. V,1)[2]. В могильных ямах (глубиной от 1,5 м. до 4 м.) большей частью устраивались погребальные камеры из бревен или досок такого же вида и также ориентированные, как и погребальные камеры минусинской культуры. Нередко в камерах встречается деревянный пол из плах. В них лежат скелеты (от 1 до 3), в вытянутом положении, на спине, ориентированные, чаще всего, как в минусинских курганах, головой на ЮЗ. Под покойников, если в камере не было пола, подкладывали иногда бересту. В одном случае (в Оглахтинском могильнике) покойник лежал на дощатом помосте, построенном на четырех бревенчатых тумбах. Попадаются разрозненные кости от двуактного погребения и следы сожжения покойников в виде обугленных костей.

Черепа трепанированы в затылочной области с целью извлечения мозга. В оглахтинской могиле сохранились на некоторых трупах мягкие покровы, волосы каштанового цвета, заплетенные и у мужчин в косу. Вероятно в эту эпоху производилась мумификация не одного только черепа, но и всего трупа. В оглахтинском же могильнике, вместе со скелетами погребенных были найдены сделанные из кожи, материи и травы куклы с нарисованным краской лицом, одетые в одежду из шелка. Куклы вероятно изображали лиц, сопровождавших покойников в загробный мир. Подобные погребальные обычаи могли проникнуть сюда и из Китая. На лица мумифицированных трупов накладывали гипсовые маски. Часто маски раскрашивались красной краской, отмечающей румяные щеки, губы, носовые отверстия и узоры на лбу. На внутренней стороне масок бывает запечатлен полный облик лица умершего: со складками и морщинами на лице и шее и с приставшими иногда к гипсу светлыми волосами. Гипс проникал в носовые и ушные отверстия; глаза прикрывались кусочками материи (шелка). Обычай прикрывать лица покойников различного рода масками был известен на заре н. э. на западе у римлян, на Крымском полуострове и т. д. Возможно, что в Минусинский край он проник с запада, на востоке мы пока не знаем погребений подобного рода.

Погребальный инвентарь состоит из глиняных сосудов, бус, очень небольшого количества предметов из кости и металла; как исключение, в Оглахтинском могильнике сохранилось много предметов из дерева. Глиняные сосуды встречаются различной формы. Кубковидные на полой ножке (т. II, р. 2) той же формы, что и сосуды третьего и четвертого этапа минусинских курганов, плоскодонные с выпуклыми стенками (т. II, р. 3), почковидные с узкой высокой шейкой (т. II, р. 1). Керамика по технике изготовления ничем не отличается от керамики минусинской курганной культуры вообще:

---

[1] В I веке н. э. гунны теряют свое могущество в Монголии, во II веке усиливаются сянь-бийцы, которые ведут войны с народностями, живущими на Енисее.

[2] Надо заметить, однако, что в таштыкскую эпоху, как переходную, сооружались, должно быть, могилы и уклонявшиеся от вышеописанного стандартного типа.

с внешней стороны та же гладкая, блестящая поверхность. На некоторых сосудах имеется орнамент, почти исчезнувший в предшествующие этапы. Есть новые мотивы орнамента (арки, спирали). Выполнены они или обыкновенным резным способом, или накладным (т. II, р. 1). В одной могиле найден миниатюрный медный котел (т. II, р. 4) того же, повидимому, назначения, что и миниатюры третьего этапа. Среди украшений надо отметить бусы: из стекла (т. II, р. 8), иногда позолоченные (т. II, р. 5 и 7), или глазчатые (т. II, р. 9); а также характерные серьги из золота (т. II, р. 10). Металлических орудий не найдено. Часто встречаются шилья из кости (т. II, р. 6). Из деревянных предметов, найденных в Оглахтинском могильнике, замечательны по своей сохранности: корыта, круглые чашки с ручками и без них; туески, обтянутые шелковой материей; ведерки с берестяным дном; боченок; ложки; остатки луков; наконец, неизвестного назначения деревянные узкие, вырезанные узорами дощечки с перекладинами, окрашенные красной краской. В могилах находятся остатки погребальной пищи в виде костей, главным образом, овец, рогатого скота и лошадей.

К III—IV в. н. э. надо отнести своеобразные могилы с бюстовыми масками. Одна из таких могил была раскопана нами на Сарагашинском увале близ Батеней. Невысокая насыпь из камней имела квадратную форму. Под осевшей частью могильной насыпи в квадратной могильной яме находилась погребальная камера из толстых бревен, с полом из коры, лежавшим на толстых балках. Сверху камера была закрыта бревнами и корой (т. II, р. V,₂). Камера была зажжена, очевидно, во время закапывания могилы, так как бревна обуглены лишь частично. В камере у стенок найдено большое количество жженых костей человека (внемогильное сожжение покойников), собранных в кучки, и возле них—разрушенные бюстовые маски. Маски не накладывались на лица умерших (с внутренней стороны нет отпечатков лица), а формовались уже произвольно, и закреплялись в бюстовые постаменты, имевшие вид нагрудников. Типы лиц, послуживших, очевидно, скульптору для лепки, отличались по своим признакам от портретного изображения некоторых из вышеописанных масок, накладываемых на лица покойников, и в основных чертах повторяющих знакомый нам облик—длинноголовых, горбоносых с узким лицом „динлинов". Бюстовые маски имеют широкое, иногда плоское лицо, широкий нос, часто с весьма низким переносьем. Они раскрашены красной, голубой и черной краской. Едва намеченные разрезы глаз окрашены в голубой цвет, голубым цветом с черными линиями окрашены и волосы, спускающиеся локонами ниже ушей; щеки, накладные ушные завитки и губы—красные. На лбу и на шее разрисованы красной и голубой краской узоры, весьма возможно изображающие татуировку того времени. В аналогичных могилах в других районах найдены глиняные сосуды, среди которых, кроме известных нам (т. II, р. 1 и 3), появляются новые формы (т. II, р. 11 13), украшенные накольным (т. II, р. 12) или, большей частью, накладным с рубчиками орнаментом. Керамика лучше всего реагирует на появление другого быта. Новые элементы украшения мы наблюдали уже на почковидных сосудах (накладной орнамент в виде спирали). Но главное отличие заключается в формах, материале и в резком различии техники изготовления. Глина содержит большое количество дресвы, отделка грубее, обжиг лучше; поверхность серого цвета, шероховатая, а не гладкая с блеском. Блестящая, сглаженная поверхность была очень характерна для сосудов, начиная с андроновской культуры. Остальные предметы погребального инвентаря представлены очень ограниченным количеством металлических и костяных предметов: железные и костяные (т. II, р. 16) стрелки, костяные резаки (т. II, р. 15), медные пряжки с зубцами и со свободным уже язычком (т. II, р. 17, 18), медные пластинки с двумя конскими головами (т. II, р. 14).

Объяснения к рисункам.

Таблица I.

Афанасьевская культура.

I—план и разрез могилы. 1—11 — предметы из могил под Афанасьевой горой (Батени): 1—4 — глиняные сосуды; 5—каменная колотушка; 6—игольник из трубочной кости; 7—костяная игла; 8—каменная терка; 9—каменный наконечник стрелы; 10—буса из раковины Corbicula fluminalis; 11—медная обкладка.

Андроновская культура.

II—план и разрез могилы. 12—31—предметы из могил, стоянок и отдельные находки: 12, 14—17, 19, 22, 25, 28—из мог. Актюбинского уезда; 13—из мог. у Батеней; 18—из мог. у д. Андроновой; 20, 23, 24, 26 и 27 из мог. Семипалатинской обл.; 21—отдельная находка; 29 и 31—из стоянок.

12—медные бусы; 13—глиняный сосуд; 14—медные бусы; 15—17—пастовые бусы; 18—глиняный сосуд; 19—сердоликовая буса; 20—медный кинжал; 21—медный кельт; 22—медная подвеска; 23 - медная подвеска, покрытая золотом; 24— медный завиток, покрытый золотом; 25—медный браслет; 26—медная бляшка; 27—медная серьга, покрытая золотом, 28—медный конец браслета или подвески; 29—каменный скребок; 30—каменный наконечник стрелы; 31 - каменная терка.

Карасукская культура.

III—план и разрез могил. 32—57—предметы из могил и отдельные находки: 32, 33, 37, 39—49, 51, 52, 53, 55, 56—из могил Минусинского края; 34—36, 38, 50, 54—отдельные находки оттуда же; 57—скульптурное изваяние из района Тазмина ул. (находится в Русском Музее).

32—33—глиняные сосуды; 34—медный кинжал; 35 и 36—медные долота; 37—медная подвеска; 38—медный кельт; 39—медная буса; 40 и 41—медные пронизки; 42—сердоликовая буса; 43—пастовая буса; 44—медное височное кольцо; 45 и 46—медные перстни; 47—медная скобочка; 48 и 49—медные накладки; 50—медный браслет; 51—медное зеркало; 52—55—медные ножи; 56—медное шило; 57—памятник из девонского песчаника.

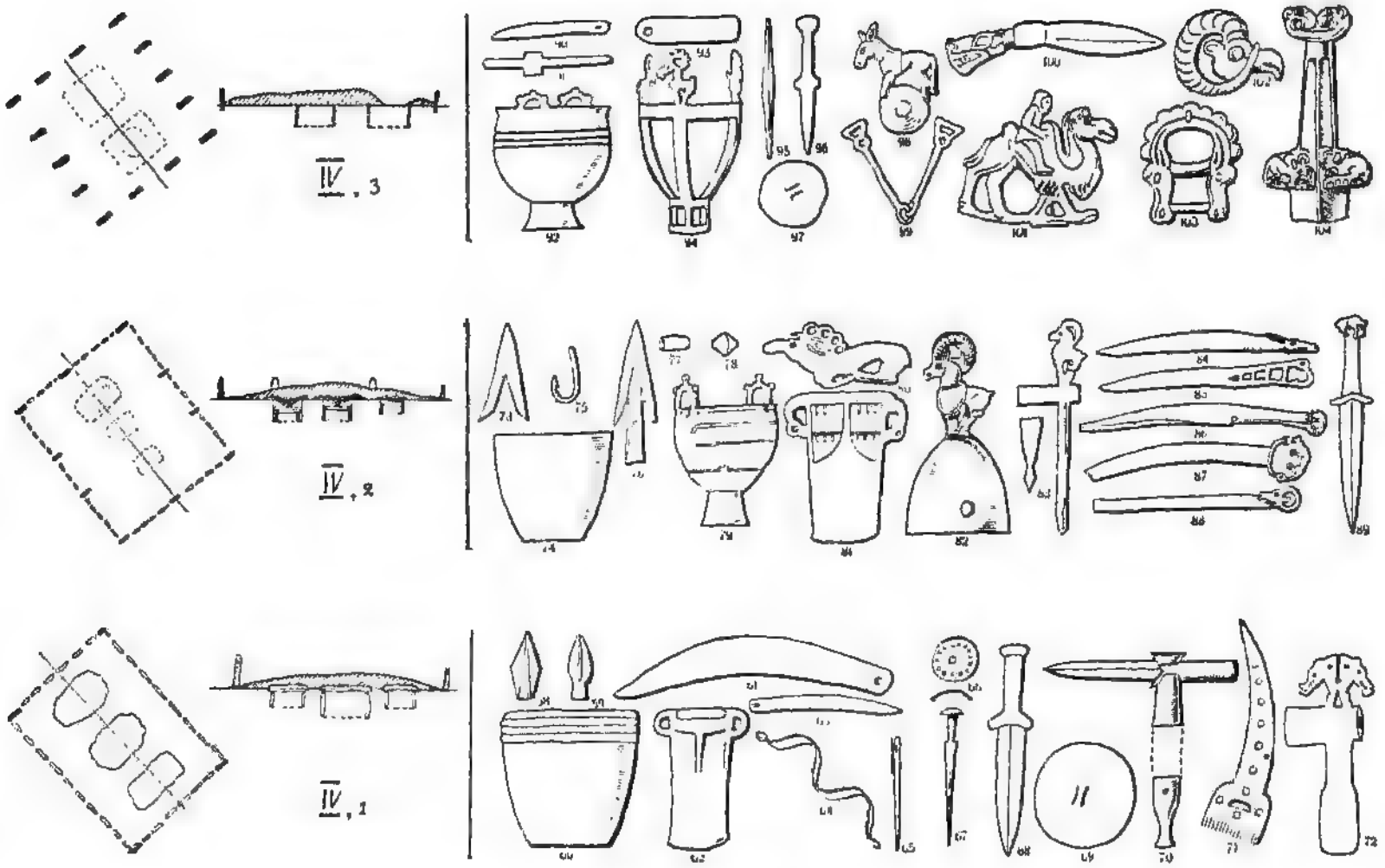
Минусинская курганная культура.

IV$_1$—план и разрез кургана первого этапа. 58—72—предметы из могил: 58 и 59—медные наконечники стрел; 60—глиняный сосуд; 61—медное серповидное орудие; 62—медный кельт; 63—медный нож; 64—медный предмет неизвестного назначения; 65—медная игла; 66—медная бляшка; 67—медное шило; 68—медный кинжал; 69—медное зеркало; 70—медная секира; 71—костяной гребень; 72—медная секира.

IV$_2$—план и разрез кургана второго этапа. 73—78, 80, 83, 84, 86, 89—предметы из могил; 79, 81, 82, 85, 87, 89—отдельные находки: 73—костяной наконечник стрелы; 74—глиняный сосуд; 75—медный рыболовный крючок; 76—костяной наконечник стрелы; 77—яшмовая буса; 78—стеклянная буса; 79—медный котел; 80—медный оленек; 81—медный кельт; 82—медное навершие; 83—медная секира; 84—88—медные ножи; 89—медный кинжал.

IV$_3$—план и разрез кургана третьего этапа. 90—97—предметы из могил: 90—медный ножичек; 91—медная секирка; 92—глиняный сосуд; 93—каменная подвеска; 94—медное навершие; 95—медный пробойник; 96—медный кинжальчик; 97—медное зеркальце.

98—104—отдельные находки из Минусинского края: 98—бронзовый налобник узды; 99—медные удила; 100—железная секира, 101 и 102—бронзовые бляшки; 103—медная пряжка; 104—железный кинжал.


IV, 3
IV, 2
IV, 1
III
III
I

Впервые появляющиеся в Минусинском крае надмогильные насыпи из камня, иной физический тип (судя по бюстовым маскам) погребенных, другая керамика—заставляют предполагать, что только что описанные могилы принадлежат к смешанному уже населению.

Из китайских летописей, относящихся к началу н. э., упоминающих о народностях, обитавших в то время в верховьях Енисея, мы не знаем точного местожительства киргиз (гян-гунь). Знаем только, что киргизы жили южнее динлинов. В более поздних летописях, повествующих о событиях VII—X в. н. э. (Тан-шу), есть определенные указания о том, что к этому уже времени киргизы (хягас), говорившие на тюркском языке, „перемешались" с динлинами, овладев, повидимому, всей территорией в южной части бассейна Енисея и заняв здесь главенствующее положение. Несомненно, однако, что главная масса населения Минусинского края еще долгое время сохраняла свой прежний тип. Древние авторы называли, должно быть, все население по имени возглавлявшего их народа—киргизами. Поэтому, указания китайских летописей о том, что киргизы „имели рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза", могут относиться и не к киргизам, а к большей части прежнего населения. Могилы с каменными насыпями, заключающие остатки сожженных покойников и бюстовые маски нового типа могут быть пока условно отнесены ко времени объединения динлинов с киргизами.

Во всяком случае население края не представляло собой уже тогда ни в этническом, ни в антропологическом отношениях более или менее однородного типа (сожжение покойников, следы которого мы очень часто находим в могилах этого времени, не дает нам возможности проверить последнее предположение). При ограниченном количестве хорошо раскопанных могил очень трудно провести разграничение между погребениями различных этнических групп, несомненно в течение некоторого времени отличавшихся друг от друга своими бытовыми особенностями, но думается, что это возможно будет сделать при дальнейших исследованиях.

Тесно примыкают к только что описанным культурным этапам могильники, известные под названием „ч а а-т а с". Могилы в таких могильниках прикрыты невысокими круглыми насыпями из камня и обставлены чаще кольцевидно, реже по четырехугольнику, высокими камнями, являющимися как бы воспоминанием о прежних оградах минусинской курганной культуры. Если высокими камнями служили плиты, то узкими ребрами они не ориентировались по странам света (т. II, р. VI—Гришкин лог у Батеней). В неглубоких, четырехугольных ямах, прикрытых сверху деревянными бревешками, мы находим, как исключение, скелеты захороненных покойников. Чаще в могильных ямах хоронили только мелкие жженые кости, оставшиеся от внемогильного трупосожжения, с погребальной пищей, от которой сохранились лишь кости лошадей, быков и овец. В могилах подобного устройства мы постоянно находим высокие узкогорлые сосуды, с полосами выдавленного орнамента (т. II, р. 20), сделанные на гончарном круге, из прекрасно отмученной глины. Подобные сосуды встречаются, как под Пекином, в Монголии, так и далеко на севере в Сибири. Их сопровождают грубые копии местного изготовления и мелкие сосуды серого цвета с слабо суженным горлом, с большой примесью дресвы (т. II, р. 22, 23). Редко встречаются другие предметы: железные ножи (т. II, р. 27), медная позолоченная накладка на ремень (т. II, р. 24), серебряный сосуд (т. II, р. 25), вырезанная медная пластинка с головками медведя и лошади (т. II, р. 26). Последний предмет, так же как и глиняные сосуды тесным образом связывают описанные могилы с могилами, заключающими в себе бюстовые маски. К этому же времени надо отнести могилы с каменной насыпью и одним высоким камнем при основании или без высоких камней; в последних находятся громадные глиняные сосуды с пережженными

человеческими костями (иногда перевернутые вверх дном) (т. II, р. 21 — Сарагашинский увал близ Батеней). Китайские летописи указывают на обычай киргизов сжигать своих покойников и хоронить в могилах только их пепел.

В VI веке кочевые племена евразийских степей выступили на арену истории под именем турков. Они овладели обширной территорией от Китая до Византии. Главенствующая роль переходила от одного племени к другому. Кочевники не имели, повидимому, массового металлического производства; они пользовались стандартными формами различных элементов быта, изготовляемых во множестве оседлыми народностями, и разносили их по степям Евразии. В Минусинском крае, повидимому, более или менее прочно обосновались киргизы. В VII веке они покорены были турками. К этому времени относятся единичные могилы с высокой каменной насыпью (т. II, р. VII,1), кое-где встречающиеся в Минусинском крае. В такой могиле (в седловине над р. Таштык), представлявшей собою простую грунтовую яму, обнаружен скелет человека, лежавший на спине, ориентированный головой на СЗ; рядом с ним в ЮЗ части ямы лежал скелет лошади. Найденный в этом погребении инвентарь состоит из: железных лопастных наконечников стрел (иногда с костяным, свистящим при полете стрелы шариком — т. II, р. 28), пряжек из железа и бронзы (т. II, р. 29, 30) с язычком, костяных орнаментированных накладок на колчан (т. II, р. 35), железных стремян (т. II, р. 38, 40), костяной большой бляхи от подпруги (т. II, р. 31), костяного костылька (т. II, р. 33).

Погребение с конем характерно для кочевников. Подобного рода могилы являются новым типом для Минусинского края. Они хорошо известны около урочища Кудыргэ на Алтае. Весьма возможно, что описанная могила принадлежит представителю алтайских турков, появившихся в VII в. в Минусинском крае.

В конце VII же века киргизы входят уже в тесные сношения с Китаем. Из передней Азии проникает к ним через согдийцев алфавит „орхонского письма" арамейского происхождения. В VIII веке киргизов покоряют уйгуры, но в IX—X веке они сами занимают первое место в исторической жизни кочевников средней Азии. В могилах этого времени (т. II, р. VII,2), сгруппированных в могильники и прикрытых небольшой каменной насыпью, в грунтовых ямах мы встречаем как погребения с конем, так и более бедные без коня. Из погребального инвентаря следует отметить: железные и костяные пряжки (т. II, р. 43) и костыльки, застежки от упряжи или пут (т. II, р. 44), медные обкладки сосудов (т. II, р. 34), железные тесла (т. II, р. 39), железные удила (т. II, р. 41) и выпуклые из посеребренной меди накладки на ремни (т. II, р. 37), железные ножи известного уже нам типа (т. II, р. 27). К серии вышеназванных предметов примыкают отдельные находки: медные пряжки (т. II, р. 46), крючки (т. II, р. 36), более поздние формы бронзовых ременных накладок, иногда позолоченных, с орнаментом вероятно китайского происхождения (т. II, р. 45 и 48), а также более простые формы (т. II, р. 47, 50, 51, 52, 53, 55), бронзовые украшения: рыбки—китайский символ семейного счастья (т. II, р. 49), уточка (т. II, р. 56), сердцевидные накладки с физиономией человека (т. II, р. 58), подвески маски (т. II, р. 54), всадник из бронзы (т. II, р. 57), наконец, бронзовые, золотые или серебряные серьги с привеской, иногда из стекла, изображенного типа (т. II, р. 59). Только что перечисленные предметы встречаются в могилах и отдельных кладах вместе с монетами китайской династии Тан и с глиняными узкогорлыми сосудами, о которых мы уже говорили. Каменные скульптурные изваяния (т. II, р. 66) этого времени, изображают, главным образом, мужчин, держащих в руках сосуд и подпоясанных, иногда с украшениями, приведенными на т. II, р. 47. Они имеются и в Минусинском крае. Подобного рода изваяния, так же как и соответствующие, но более богатые могилы, встречаются чаще в Танну-Тувинской республике.

Объяснения к рисункам.

Таблица II.

Таштыкская культура.

$V_{,1}$—план и разрез могилы. 1—10—предметы из могил Батени: 1—3—глиняные сосуды; 4—медный котелок; 5—стеклянная буса с позолотой; 6—костяное шило; 7—9—стеклянные бусы; 10—золотая серьга.

$V_{,2}$—план и разрез могилы с каменной насыпью. 11—18—предметы из могил: 11—13—глиняные сосуды; 14—медная пластинка; 15—костяной резак; 16—костяной наконечник стрелы; 17 и 18—медные пряжки; 19—гипсовая маска.

Каменные курганы V—VII в. н. э.

VI—план и разрез кургана. 20—26—предметы из могил: 20—23—глиняные сосуды; 24—медная накладка, покрытая золотом; 25—серебряный сосуд; 26—медная пластинка.

Одиночные каменные курганы VII в. н. э.

$VII_{,1}$—план и разрез кургана. 28—38—предметы из могилы: 28—железный наконечник стрелы с костяным шариком; 29—железная пряжка; 30—медная пряжка; 31—костяная пряжка; 32—костяные обкладки лука; 33—костяной костылек; 34—медная обкладка; 35—костяная накладка; 36—медный крючок; 37—медная посеребренная накладка; 38—железное стремя.

Каменные курганы VIII—X в. н. э.

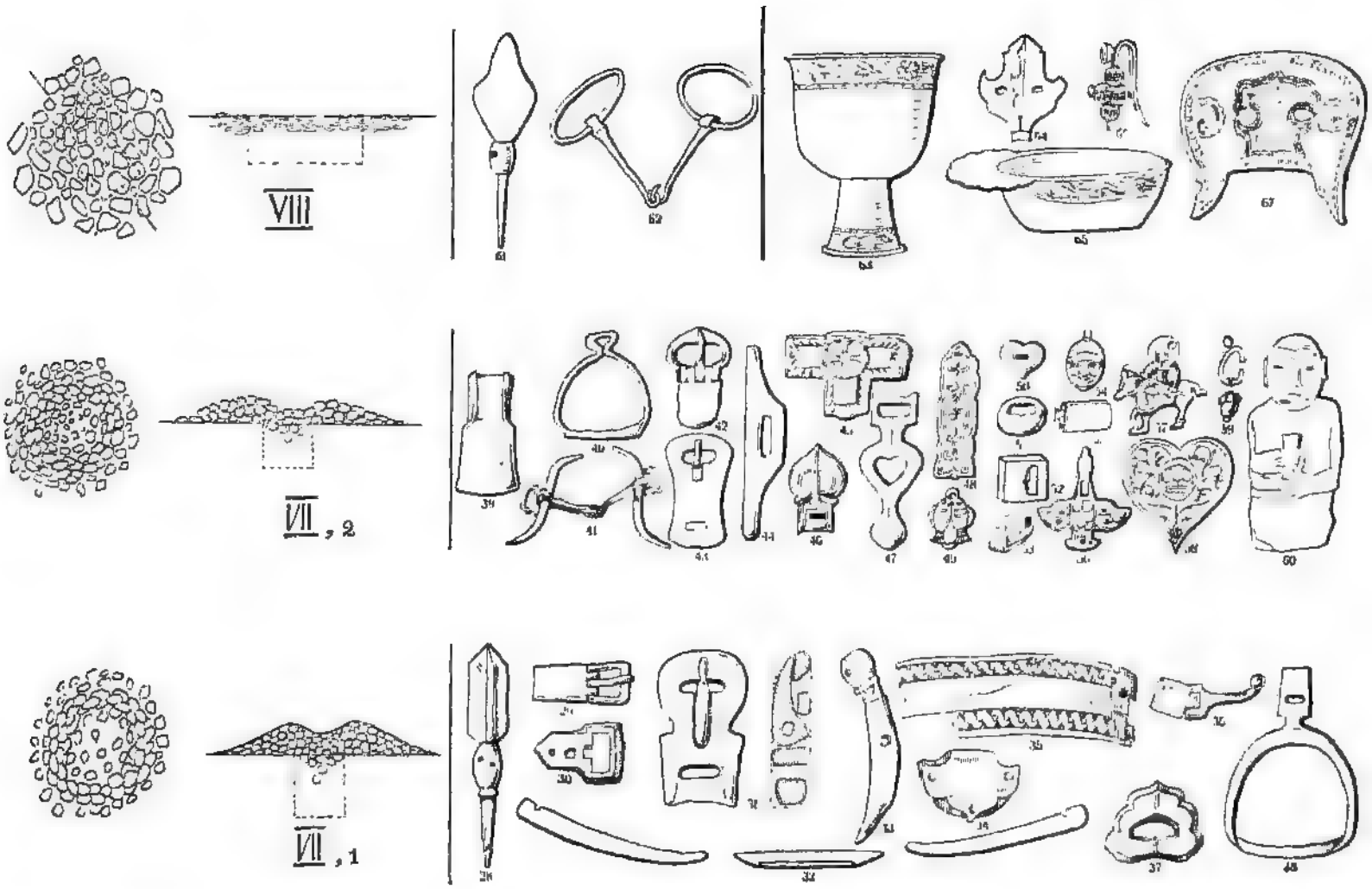
$VII_{,2}$—план и разрез кургана. 39—44, 47, 50—53, 55—предметы из могил, 45, 46, 48, 49, 54, 56—59—отдельные находки, 60—изваяние фигуры человека из района с. Синявина (находится в Минусинском музее); 39—железное тесло; 40—железное стремя; 41—железные удила; 42—медная пряжка; 43—костяная пряжка; 44—костяной костылек; 45—бронзовая накладка на ремни упряжи; 46—бронзовая пряжка; 47—медная подвеска на ремень; 48—бронзовая накладка на ремень; 49—бронзовое украшение—подвеска; 50—53—бронзовые пронизки и накладки на ремни; 54—бронзовое украшение—подвеска; 55—бронзовая обойма конца ремня; 56—бронзовая накладка; 57 и 58—бронзовые украшения; 59—серьга; 60—каменное изображение фигуры человека.

Плоские могилы XI—XII в. н. э.

VIII—план и разрез могилы. Предметы из могилы: 61—железный наконечник стрелы с костяным шариком; 62—железные удила.

Могилы XIII—XIV в. н. э.

Предметы из могил: 63—серебряный кубок; 64—железный наконечник стрелы; 65—серебряная чашка; 66—золотая серьга; 67—серебряная обкладка луки седла.


VIII
VII, 2
VII, 1
VI
V, 2
V, 1

Повидимому, главная резиденция киргизов в IX—X веке находилась к югу от Саянских гор. Если вопрос о главном местообитании киргизов может вызвать споры, то история и быт киргизов достаточно хорошо известны нам по древним историческим источникам.

Русские застали еще в Минусинском крае киргизов, продолжавших играть здесь главенствующую роль. Только в XVIII веке основная масса киргизов вынуждена была покинуть Минусинские степи.

К XI—XII веку принадлежит, повидимому, могильник плоских могил, прикрытых плитками, на Сарагашинском спуске, недалеко от Батеней. Под плитками в грунтовых ямах, иногда в обкладке из тонких досок, находились одиночные скелеты, положенные на спину (т. II, р. VIII). Из железного инвентаря, сопровождающего покойника, следует отметить железные наконечники стрел-свистунок (т. II, р. 61) и железные удила с большими кольцами позднего типа (т. II, р. 62). Более поздних погребений в Минусинском крае мы не знаем. Весьма возможно, что если и устраивались погребения покойников в земле, то над могилами не делали насыпей, могущих сохраниться до нашего времени. Подтверждением этого могут служить недавно обнаруженные под Красноярском, на Часовенной горе три богатые могилы, не имевшие сверху каких-либо надмогильных признаков. В деревянных камерах из досок лежали одиночные скелеты с богатым погребальным инвентарем: серебряные сосуды (т. II, р. 63 и 65), железные наконечники стрел (т. II, р. 64), золотые серьги (т. II, р. 66), седло с серебряными накладками (т. II, р. 67), лежавшее рядом с колодой и др. предметами. Отдельные предметы подобного рода (серебряные сосуды, обкладка седла), иногда в виде кладов, находимы были также в Минусинском крае, Забайкальи, в Западной Сибири и на юге европейской части нашего Союза. Они, повидимому, иранского происхождения и относятся к XII—XIV веку н. э.

Поздних могил в Минусинском крае не раскапывалось. Но в Танну-Тувинской республике нами исследовались могилы XVII—XVIII века, давшие большой материал. Принимая во внимание все произведенные на Енисее палеоэтнологические исследования, намечается полная схема смены культур, начиная с эпохи древнего камня до современных.

Предлагаемая классификация, как и всякая схема вообще, является, конечно, в той или иной степени гипотетичной. Но в качестве рабочей гипотезы [1] она является необходимой при том обилии и разнообразии палеоэтнологического материала, какое мы имеем в Минусинском крае. Уже и сейчас она дает некоторую возможность ориентироваться не только в громадном количестве надмогильных сооружений и случайных находок, но и в других памятниках древности: скульптурных изваяниях и писаницах.

Не сомневаюсь, что при дальнейших углубленных исследованиях северной и центральной Азии, в предлагаемую классификацию будут внесены коррективы и дополнения, и она освободится от значительной доли недочетов, избежать которых возможно лишь при большой коллективной работе.

С. Теплоухов.

---

[1] В основных чертах излагаемая схема докладывалась мною в 1923 г. и напечатана в кратких отчетах об экспедициях Русского Музея: 1) Отчетная выставка Этнографического Отдела за 1923 г.; 2) „Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае". Этнографические экспедиции 1924 — 1925 гг.

Литература:

1. Радлов, В. В. Сибирские древности (пер. из Aus Sibirien) Зап. Русск. Арх. Общ. н. с. т. VII.
2. Отчеты Археологической Комиссии за 1890, 1894 — 1899 гг.
3. Адрианов, А. Путешествие на Алтай и за Саяны 1883 г. Зап. З.—Сиб. Отд. Русского Географического Общества, кн. VIII, в. 2 Омск. 1886 г.
4. Адрианов, А. Оглахтинский могильник. Иллюстр. прилож. к газете „Сибирская Жизнь" № 249 и 254. Томск. 1903 г.
5. Tallgren, A. M. Collection Tovostine. Helsingfors. 1917.
6. G. v. Merhart. Beiträge zur Urgeschichte der Yenissei-Gubernie. 1923. S. M. A. F. F., т. XXXIV, № 1. Helsingfors. 1923.
7. Адрианов, А. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Изд. Гос. Музея им. Мартьянова. 1902 — 1924 г.
8. G. v. Merhart. Bronzezeit am Yenissei. Wien. 1926.
9. Теплоухов, С. А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии. Изд. Русского Музея. Ленинград. 1927, т. III, в. 2.
10. Бичурин, Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Центральной Азии в древние времена. 1851 г.
11. Бартольд, В. В. Киргизы. Фрунзе. 1927 г.

TEPLOOUKHOV, S. ESSAI DE CLASSIFICATION DES ANCIENNES CIVILISATIONS MÉTALLIQUES DE LA RÉGION DE MINOUSSINSK.

L'étude minutieuse des sépultures anciennes dans le rayon du v. Bateni au district de Hakoce, faite par l'auteur durant les années 1920—28, permet d'établir une classification des anciennes civilisations métalliques de la région de Minoussinsk. Le bassin prairial de Minoussinsk est situé sur la frontière séparant la Sibérie de l'Est de la Sibérie de l'Ouest (l'Yenissei) et près des frontières (monts Sayan) séparant l'Asie du Nord de l'Asie Centrale. La diversité de la nature et des sites de cette contrée était de tous temps un facteur favorable au peuplement du pays et au développement des civilisations à partir de l'antiquité la plus reculée. Nous y trouvons les traces d'influence culturale des civilisations du Sud en même temps que la répercussion des civilisations de l'Est et de l'Ouest de la Sibérie. La région de Minoussinsk est considérée, à juste titre, comme une région des plus riches au point de vue archéologique. Elle nous donne une clef á la compréhension des anciennes civilisations de l'Asie du Nord.

L'auteur établit un schème de classification des anciennes civilisations métalliques dans leur ordre successif. Les planches reproduisent—à gauche les plans et les coupes (portant les chiffres romains en haut) des sépultures des différentes civilisations du rayon de Bateni, à droite sont reproduits les objets provenant en majeure partie des fosses mortuaires et de trouvailles isolées et attribués aux civilisations respectives conformément à leurs types. Pour donner une idée générale de toute la civilisation de la région de Minoussinsk sur la première planche (civilisation d'Andronovo) au second rang sont reproduits des objets de ménage provenant de sépultures de l'Asie de l'Ouest. Au rang supérieur de la planche II (n°n°—63—67) sont représentés les objets provenant des sépultures près de Krasnoyarsk.

La civilisation „Afanassievskaya" a reçu son nom de la montagne „Afanassievskaya" près de Bateni, où l'on a trouvé les premières sépultures de cette civilisation. Les sépultures représentent des fosses

en bas de sol d'une profondeur allant jusqu'à 1,5 m., comblées de pierres (Pl. 1—1). Les squelettes sont ensevelis dans une position courbée. L'inventaire funéraire consiste en vases de terre cuite (Pl. 1—1—4), d'outils en pierre (Pl. 1—5, 8, 9) et d'objets en os (aiguilles dans un étui) (Pl. 1—6, 7). Commencent à paraître des objets en cuivre (Pl. 1—11). Les mortodes portées au cou, aux bras et aux pieds faites de la coquille Corbicula fluminalis (Pl. 1—10) sont des indices de relations avec le rayon de la mer Aral, où habitent ces mollusques. Les restes de la nourriture funéraire témoignent que la population s'occupait de chasse et d'élevage de bétail. On trouve les traces de la civilisation „Afanassievskaya" à l'Altaï et près de Sémipalatinsk. Mais nous ne la rencontrons nulle part à l'Est de l'Yenissei et au sud des monts Sayan. Cette civilisation s'est en apparence développée sous l'influence du monde iranien 2000 ans avant notre ère.

La civilisation „d'Andronovo", a été nommée par l'auteur d'après le v. Andronovo dans le district d'Atchinsk, où l'on a trouvé dans les fosses mortuaires des spécimens de vases extrêmement caractéristiques. L'inhumation se faisait dans des chambres en dalles de pierre ou des cages en charpente, parfois aussi dans de simples fosses à parois non revêties. La profondeur de ces fosses atteint rarement 3 m. Les sépultures sont recouvertes par des remblais plats en terre et parfois sont encerclées d'un petit mur de pierres (Pl. 1—II). Les squelettes sont pour la plupart couchés sur le côté dans une positions courbée, la tête orientée SO, rarement NE. La crémation se rencontre comme exception. Les vases de terre cuite que l'on rencontre de deux types (Pl. 1—18) sont les indices dominants de cette civilisation, les outils en pierre (Pl. 1—29, 30, 31) sont rares, les objets en cuivre plus nombreux (Pl. 1—20, 21, 22, 25, 26, 28). Plusieurs de ces objets en pierre et en cuivre proviennent de trouvailles isolées. Les objets en cuivre (Pl. 1—23, 24, 27) sont recouverts de minces feuilles en or. Mortodes en cuivre Pl. 1—12, 14, en cornaline Pl. 1—19 et en pâte Pl. 1—15, 16, 17. Les restes de la nourriture funéraire, comme dans toutes les sépultures des civilisations postérieures, sont des os d'animaux domestique, ce qui prouve que l'élevage du bétail était très répandu. L'enterrement des chiens est une preuve de l'importance de ce quadrupède dans la vie quotidienne. La civilisation d'Andronovo datant de 1500 ans avant notre ère s'étendait des rives de l'Yenissei jusqu'à l'Oural dans la région des steppes de la Sibérie de l'Ouest et les parties adjacentes du Kasakstan. Elle appartient probablemant au cercle des civilisations iraniennes.

La civilisation „Kara-Souk" a reçu son nom de la rivière Kara-Souk près du v. Bateni, où se trouvent les sépultures de cette civilisation. Les inhumations se pratiquaient dans des fosses peu profondes à parois revêties de dalles, les fosses sont aussi recouvertes de dalles. Ces sépultures (Pl. 1—III) à peine recouvertes de terre sont encerclées d'un petit mur de dalles en pierre posées à plat ou de champ,—cette enceinte est parfois rectangulaire. Souvent la sépulture principale est entourée d'autres sépultures. Ces sépultures et les murs d'enceinte rectangulaires, comme nous le trouvons dans toutes les civilisations postérieures, sont strictements orientés d'après les points-cardinaux (N en haut de la page). Les squelettes sont allongés sur le dos, la tête orientée NE. On rencontre des inhumations faites à deux reprises—des obsèques subséquentes. Les cas de crémation se rencontrent comme exception. L'inventaire funéraire consiste en vases de terre cuite (Pl. 1—32, 33), d'objets en cuivre (Pl. 1—37, 39, 40, 41, 44, 49, 51, 53, 55, 56), de mortodes en cornaline (Pl. 1—42) et en pâte (Pl. 1—43). L'auteur attribue d'après leur type à la civilisation „Kara-Souk" les objets Pl. 1—34, 36, 38, 50 et 54, provenant des trouvailles isolées faites dans la région de Minoussinsk. Les sculptures à face humaine (Pl. 1—57) appartiennent aussi à cette civilisation. La civilisation „Kara-Souk" était répandue à l'ouest au—delà des frontières de la région de Minoussinsk jusqu'au méridien de Tomsk. Des objets analogues aux objets „Kara-Souk" ont été trouvés dans le bassin de la Sélénga, en Tannou-Touva, en Mongolie et en Chine (près de Pékin), ce qui permet de supposer des relations suivies entre Minoussinsk et la Chine au temps de la civilisation „Kara-Souk", que l'auteur rapporte à 1000 ans avant notre ère.

La civilisation des Kourganes de Minoussinsk se développait parallèlement ou dans un certain contact avec les civilisations des grandes steppes de l'Eurasie. Les chambres mortuaires en dalles de pierre ou de poutres étaient en bas du sol et se recouvraient d'un remblai de pierres et de terre. Ces tumuli atteignent parfois 10 m. de hauteur. A leur base ces tumuli étaient entourés d'enceintes de dalles en pierre posées de champs avec des dalles en pierre saillantes en hauteur strictement orientées d'après les points-cardinaux aux coins et aux parois des enceintes en ordre symétrique. Ces pierres saillantes atteignent de 4 à 5 m. de hauteur et le poids de 35 tonnes. L'on trouve fréquemment plusieurs sépultures sous un tumulus dans la même enceinte. Plus les Kourganes sont espacés dans une nécropole, plus ils sont hauts, plus il y a de pierres dans leur enceinte, plus ces sépultures sont de date plus récente et plus l'on trouve d'inhumés dans les tombes. Dans les sépultures collectives de date plus réeente les inventaires funéraires de tous les inhumés sont identiques.

L'auteur divise la civilisation des Kourganes de Minoussinsk en 4 étapes:

Première étape. Les Kourganes plats sont serrés dans une nécropole; des dalles hautes sont placées aux coins de l'enceinte et parfois dans les côtés NE et SO (Pl. 1—4). Dans chaque chambre mortuaire il y a un ou plusieurs inhumés couchés sur le dos, la tête orientée SO. Il y a des traces d'obsèques subséquentes. Les signes caractéristiques de l'inventaire funéraire sont suivant: des vases en terre cuite (Pl. 1—60), des objets en

cuivre (Pl. 1—58, 63—70, 72), des objets en os (Pl. 1—59, 71). Les outils en cuivre en forme de faucille (Pl. 1—61) et les celts en cuivre (Pl. 1—62) appartiennent à la première étape. Tous les outils en cuivre sont massifs, ils ont un caractère purement ouvrier et pour la plupart n'ont aucune ornementation.

Seconde étape. Les Kourganes d'une nécropole sont plus espacés; il y a plus de dalles hautes dans les murs d'enceinte. Ces dalles hautes sont placées dans les côtes NO et SE. Dans les chambres mortuaires l'on trouve par quelques dizaines d'inhumés, morts à des époques différentes. Les signes caractéristiques de l'inventaire funéraire sont suivants: des vases en terre cuite (Pl. 1—74), des objets en cuivre (Pl. 1—75, 80, 83, 84, 86, 89), des objets en os (Pl. 1—73, 76), des mortodes en pierre (Pl. 1—77) et en verre à double cône (Pl. 1—78). Il faut en plus attribuer d'après leur type à la seconde étape les objets en cuivre (Pl. 1—79, 81, 82, 85, 87, 88). Au cours de cette seconde étape se développa le style animal caractéristique de cette étape (les yeux à jour ou à fossette, les extrémités se terminant en anneaux, les épaules et les hanches rebombées). La fonte sculpturale prédomine. La fin de la seconde étape se rapporte au milieu du premier millénaire avant notre ère, c. à d. qu'elle est synchronique à la période ancienne de la civilisation scythe.

Troisième étape. Les hauts Kourganes se trouvent à de grandes distances les uns des autres ou sont isolés. Sur les côtés NO et SE se dresse un grand nombre de pierres hautes. La chambre mortuaire qui était vaste et était faite en charpente était brulée avec les inhumés. L'inventaire funéraire consiste de bocaux en terre cuite (Pl. 1—92), de minuscules objets en cuivre d'ordre sacramental (Pl. 1—90. 91, 95—97) d'embouts ornementaux en cuivre (Pl. 1—94) et de pendeloques en pierre (Pl. 1—93). Apparait la scorie de fer. La civilisation des Kourganes de Minoussinsk s'étend à cette époque du bassin de Minoussinsk au nord et au nord-ouest. Dans les steppes du sud surgissent les civilisations de l'âge de fer qui entrent en relations suivies avec la Chine, la Mongolie et le monde iranien. Apparaissent les sépultures grandioses de potentats individuels dans le bassin de la Sélinga et aux sources de l'Yenissei, ainsi qu'en Mongolie et à l'Altaï. De nouveaux ustensils de ménage d'un style nouveau, notamment les objets en cuivre-bronze (Pl. 1—98, 101—103) et en fer (Pl. 1—100, 104) pénètrent dans la région de Minoussinsk. Apparaissent des mors en cuivre (Pl. 1—99). Les huns dominent en Mongolie. On peut préciser encore une quatrième étape se fondant sur l'apparition de masques funéraires en plâtre dans les Kourganes grandioses encore collectifs de la civilisation des Kourganes de Minoussinsk. Au I sc. de notre ère les huns sont suppléés par les Sien-pis en Mongolie. Les us et coutumes de l'organisation collective de la civilisation de Minoussinsk tombent en décadence.

La civilsation Tachtik a reçu son nom de la rivière Tachtik près de Bateni. Les chambres mortuaires, à parois de poutres embrevées avec une couverture et parfois avec un plancher de billots ou en écorce de bouleau, étaient dans des fosses d'une profondeur de 1 ½ jusqu'à 4 m. On n'entassait pas de tumuli sur ces sépultures. Parfois au bord d'une nécropole du côté SSO à NNE on plaçait un rang de pierres orientées SO-NO (Pl. II—VI) de même que les hautes pierres des murs d'enceinte de la civilisation des Kourganes de Minoussinsk. On enhumait les défunts couchés sur le dos, la tête vers le SO. Les crânes sont trépanés. Les cadavres étaient probablement momifiés. L'inventaire funéraire est pauvre: des vases en terre cuite (Pl. II—1—3) à nouveaux éléments ornementaux (mais la technique traditionelle du moulage des vases reste la même qu'aux temps des civilisations précédentes), une marmite minuscule en cuivre d'ordre sacremental (Pl. II—4), des boucles d'oreilles en or (Pl. II—10), des mortodes en verre dorées et oculées (Pl. II—5. 7, 8, 9), une alêne en os (Pl. II—6). Sur les faces des morts on posait des masques peints en plâtre. Le type craniologique des inhumés à partir de la civilisation „Afanassievskaya" jusqu'au III—IV sc. de notre ère reste dans les lignes générales assez uniforme. Les traits caractéristiques sont des crânes dolichocéphales, la face mince, le nez aquilin. C'était probablement les dinelines ou les bomas des chroniques chinoises. Les civilisations susmentionnées étaient toutes successivement raliées entre elles.

Au III—IV sc. de notre ère, vers la fin de l'époque Tachtik, apparaissent des sépultures en des fosses à cage en charpente avec un remblai carré superséplcral de pierres (Pl. II—IV). L'on brulait les cadavres, l'on faisait d'après un patron des masques en plâtre que l'on posait sur des piedestaux aussi en plâtre et que l'on ensevelissait avec les os calcinés dans les chambres mortuaires en charpente. Ces masques indiquent que les inhumés étaient d'un autre type physique. On ne trouve d'inventaire funéraire que dans certaines tombes. Cet inventaire consiste de vases en terre cuite d'une technique de moulage nouvelle (Pl. II—11—13), d'objets en os (Pl. II—15, 16) et d'objets en cuivre (Pl. II—14, 17, 18). Il est à supposer que les Khirghises apparaissent vers cette époque dans la région de Minoussinsk.

Les sépultures du V—VII sc. de notre ère. On brulait les cadavres et l'on ensevelissait les os calcinés dans des fosses de peu de profondeur, où l'on mettait des vases en terre cuite (Pl. II—20, 22, 23). Ces fosses contiennent rarement d'autres objets. On trouve parfois des vases en argent (Pl. II—25), des ornements de ceinture en or (Pl. II—24), des plaquettes ornementalles en cuivre (Pl. .II 21), des couteaux en fer (Pl. II—27). L'on recouvrait les fosses mortuaires de perches et l'on élevait audessus un tumulus en pierres, que l'on encerclait de hautes pierres (Pl. II—VI). Les sépultures se grouppent en nècropole.

Au VI sc. les turcs paraissent dans l'Asie Centrale. Les Tou-Kiues pénètrent de l'Altaï à Minoussinsk.

Les sépultures isolées du VII sc. Le défunt était enterré dans une fosse avec son cheval. L'on érigeait un tumulus en pierres audessus de la sépulture (Pl. II—VII). L'inventaire funéraire consiste d'objets en fer (Pl. II—28, 29, 38), en cuivre (Pl. II—30, 34, 36, 37) et en os (Pl. II—31, 33, 35).

Au VII sc. de notre ère les Khirghises entrent en relations suivies avec la Chine. De l'Asie mineure par l'entremise des sogdians les Khirghises reçoivent un alphabet de la langue écrite Orkhon, d'origine araméenne.

Les sépultures Khirghises du VIII—X sc. de notre ère. Ces sépultures sont dans des fosses peu profondes et ont un ramblai supersépulcral de pierres (Pl. II—VIII). On ensevelissait souvent les cadavres avec leurs chevaux. L'inventaire funéraire consiste d'objets en fer (Pl. II—26, 38—41), en os (Pl. II—43, 44), en bronze (Pl. II—42, 45—48, 50—53, 55). Il faut attribuer à cette époque les objets suivants provenants de trouvailles isolées: un cavalier en bronze (Pl. II—49, 56, 57, 58), des boucles d'oreilles en or, en bronze ou en argent (Pl. II—59) et les sculptures en pierre des statues humaines (Pl. II—60) tenant un vase au milieu du corps auprès du ventre et ceinturées d'une courroie avec des appliques sur la frange analogues aux appliques des n°n°—47 et 55.

Les sépultures de l'XI—XII sc. de notre ère représentent des fosses très peu profondes couvertes de dalles plates au ras du sol. Les cadavres étaient ensevelis en une position allongée, couchés sur le dos. Parmi l'inventaire funéraire il faut signaler les bouts de flêches en fer (Pl. II—61) et un mors à grands anneaux de type plus récent (Pl. II—62).

Les sépultures du XIII—XIV sc. de notre ère n'ont aucun édifice supersépulcral. On ensevelissait les cadavres dans des cages en charpente en de fosses de très petite profondeur. Dans ces cages l'on mettait avec la dépouille mortuaire revêtue de vêtements en brocart et en soie, un grand nombre d'objets de ménage, dont nous reproduisons les objets en argent: un calice (Pl. II—63), une tasse (Pl. II—65) et une des appliques de selle (Pl. II—67) trouvée près de la cage de charpente, des objets en or (boucles d'oreilles, Pl. II—66) et une pointe de flêche en fer (Pl. II—64).

Ce schème de classification des sépultures proposé par l'auteur permet de s'orienter dans la sucessivité des anciennes civilisations métalliques de la région de Minoussinsk et dans le grand nombre de monuments archéologiques qui se rencontrent non seulement dans cette région, mais aussi dans les provinces adjacentes de l'Asie du Nord.

Древние изваяния Минусинских степей.

Минусинский край[1] с давних пор приобрел славу природного палеоэтнологического музея. Нет, кажется, такого пункта в его пределах, откуда не было бы видно памятников древности. Дюнные стоянки, древние начертания на скалах красной краской, резьбой и выбивкой, оросительные канавы, следы разработок рождений меди, следы обработки металла — шлаки, крепости или, так называемые, городища и, наконец, десятки тысяч случайных находок — все говорит об интенсивной жизни, о богатых своеобразных культурах, процветавших здесь много веков тому назад.

Среди этих многочисленных памятников древности обращают на себя внимание одиноко стоящие в степи или составляющие часть погребального сооружения изваяния, известные в литературе под именем „каменных баб". Это название, первоначально применявшееся к женским статуям южной России, затем перешло и к сибирским памятникам, хотя последние, в подавляющем большинстве случаев, не имеют ничего общего с фигурой женщины. Особенно странно слышать, когда типичная для киргизских степей фигура мужчины с усами, вооруженная мечом, называется „каменной бабой". Турецкие племена Минусинского края более индивидуализировали эти изваяния, называя их *кыс-таш*, *кижи-тас*, *карадуш-тас*, *куртуяк-тас* и проч., что в переводе на русский язык значит: девица-камень, мужчина-камень, богатырь-камень, старуха-камень и т. д. Среди этих памятников встречается фигура человека во весь рост, но чаще всего изображение только одного лица. Пол большинства изваяний не определим, только в нескольких случаях можно с большей или меньшей уверенностью сказать — женщину или мужчину изображает данный памятник. Исходя из изложенных соображений, мы будем называть эти памятники не „бабами", а каменными изваяниями[2].

Материалом для памятников служили плиты красного девонского песчанника, повсюду встречающегося в Минусинских степях, и различные кристаллические породы.

Район распространения каменных изваяний очень мал (см. карту в конце статьи). Он укладывается в фигуру треугольника, основание которого лежит на линии ул. Барбаков — Усть-Есь, отдаленных друг от друга на 200—250 километров, вершина же упирается в с. Кавказское на р. Тубе, отстоящее от обоих предыдущих пунктов на 150 — 200 километров.

---

[1] Под именем Минусинского края мы подразумеваем Минусинский и Хакасский округа Сибирского края.

[2] Это название, все же, не может рассматриваться как вполне удовлетворительное, т. к. некоторые из изваяний вовсе не являются таковыми, ибо выполнены чисто графически.

Рис. 1. Изваяние из красного песчаника на р. Биря близ Тазмина улуса.

Нужно заметить, что распределение изваяний далеко не равномерно в пределах указанных границ.

Все посещавшие Минусинский край исследователи считали Аскызский район „классическим местом нахождения каменных баб", однако, теперь таковым нужно было бы считать окрестности улуса Чаркова на р. Уйбат, где расположено 15 изваяний. Следующий по богатству Аскызо-Есинский район (11 изваяний). Далее следуют: окрестности ул. Тазьмина (9 изв.), речка Ташеба (7 изв.), Усть-Биря (6 изв.), вершина р. Биджи (5 изв.), р. Черный Юс (4 изв.), устье р. Тубы (4 изв.), окрестности с. Сенявино (4 изв.) и, наконец, около 20 изваяний разбросано в разных местах.

Основным материалом настоящего очерка послужили наблюдения, произведенные нами при поездках в Минусинский край в качестве сотрудников этнологической экспедиции С. А. Теплоухова. При исследованиях Минусинских степей нами осмотрено и зарисовано на местах 29 древних изваяний [1]. Кроме того сделано 16 рисунков с памятников, хранящихся в музеях (9 в Минусинском, 2 в Томском, 2 в Красноярском, 1 в Барнаульском, 2 в Русском Музее), и 13 воспроизведений с фотографий А. В. Адрианова, И. П. Кузнецова и Н. В. Федорова, хранящихся частью в Томском Университете, частью в Минусинском Государственном Мартьяновском Музее [2]. Наконец, 11 рис. взяты из литературных источников (см. пояснение к таблицам и библиограф. указат. в конце статьи).

Вся масса каменных изваяний Минусинских степей (около 100 экз.) по своим стилистическим особенностям и этнической принадлежности не является однородной. Можно наметить, по крайней мере, две резко различных группы. Одна (более многочисленная) включает памятники, встречающиеся только в пределах края, другая (очень незначительная) принадлежит к типам, характерным для других областей.

Основной тип изваяний.

Среди типичных для края изваяний не встречается целой человеческой фигуры. Известно всего лишь несколько памятников, на которых изваяны женские груди (рис. 11, 14, 17, 30 или в тексте рис. 8), и только один памятник с изображением рук (рис. 17), обычно же выполняется только одно лицо, с дополнениями символического характера.

Наиболее часто встречающаяся форма памятника саблевидная или приближающаяся к ней (рис. 32 или в тексте рис. 1). В этом случае лицо помещается на узком ребре, в нижней половине плиты. Часто встречаются памятники в виде овального столба или

---

[1] Не считая 10 памятников нами осмотренных, но не зарисованных.

[2] Воспроизводимые в тексте фотографии предоставлены: Минусинским Мартьяновским Музеем (рис. 2, 3, 4 8, 11), Музеем Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР (рис. 9), С. А. Теплоуховым (рис. 5, 6, 7), Г. О. Боровко (рис. 10). Одна фотография (рис. 1) исполнена фотографом Государственного Русского Музея А. А. Гречкиным. Авторы приносят глубокую благодарность учреждениям и лицам за предоставленные ими фотографии.

огромной сигары (рис. 4 или в тексте рис. 7 и 38), с лицом, находящимся также в нижней половине или в средине. Если для памятника употреблена плоская плита, и ее верх закруглен, то лицо расположено на широкой грани вверху или в центре плиты (рис. 46 и 55).

Во всех этих случаях камню нарочито придавалась определенная форма, в чем легко можно убедиться, внимательно осматривая каждое изваяние и наблюдая постоянное повторение этих 3-х основных форм.

Несколько памятников носят индивидуальную форму, таковы: рис. 16, 22, 39 и 50. Производилась ли и здесь обработка всей поверхности камня, сказать трудно.

Лицо изображается различно. Если оно располагается на плоскости, то все черты и орнаментальные дополнения исполняются желобчатой врезанной линией, т. е. по существу получается линейная графика (рис. 54 или в тексте рис. 3, 55 и др.).

Если лицо располагается на узком ребре, то оно представляет собой слегка выпуклую овальную поверхность, на которой желобком и углублениями намечены черты лица (рис. 1, 2 и пр.). В некоторых случаях эта выпуклая поверхность приобретает рельефное изображение носа, глаз и проч., не теряя, однако, орнаментальных дополнений, исполненных врезанной линией, например, рис. 4 или в тексте рис. 7 и 11. Только два памятника (рис. 32 или в тексте рис. 1 и 36) дают чистую скульптурную маску, правда, еще не освободившуюся от плоскостного характера и довольно условную [1].

Интересную разновидность минусинских изваяний представляют собой памятники с двумя (рис. 39, 41—45 или в тексте рис. 4) или с тремя изображениями (рис. 40) на одном камне. Впрочем, последний единственный в своем роде, и в то время, как у двуликих стилизованное лицо является нижним, у этого последнего оно помещается в середине.

Рис. 2. Изваяние из гранита. Минусинский край (Фот. Минусинск. Мартьяновского Музея).

Верхнее изображение в 5 случаях представляет человеческое лицо, а в двух — голову барана и в одном случае какое-то неизвестное животное. И те и другие лишены орнаментальных дополнений [2].

Мы позволим себе подробнее остановиться на особенностях орнаментации лиц минусинских изваяний, рассмотрев каждое в отдельности.

Одной из характерных черт является горизонтальная линия, пересекающая нос. Таковы, например, рис. 1 и 2, с выдающимся плоским лицом, на котором желобком обозначены кружки глаз и продолговатыми углублениями рот. Аналогичен им и рис. 6, с той разницей, что здесь глаза изображены ямками и тем же способом ноздри. Возможно, что ноздри были и у рис. 1 и 2, но стерлись.

---

[1] Может быть черточки на правой щеке изваяния 32-го являются рудиментом линии, пересекавшей лицо (см. ниже).

[2] Исключение составляет фиг. 54.

Подобные изваяния дают некоторые вариации, например, рис. 8 или в тексте рис. 5, где над глазами проведена еще дополнительная дуговидная линия, опирающаяся на горизонтальную черту. Эта особенность больше нигде не встречается. Далее, лицо усложняется появлением, как мы условно назовем, „третьего глаза" в центре лба и волнистой вертикальной линии, идущей от средины головы вверх по узкой грани камня (рис. 3 и 5).

Эти фигуры еще более усложнены отростками, идущими вверх, или почти непосредственно от глаз или от линии лба. На рис. 3 очень неясны горизонтальная черта и крайние отростки, что объясняется плохой сохранностью памятника. Фигура 10 также плохо сохранилась, однако, здесь можно заметить новые боковые отростки и характерную фигуру в виде 2-х концентрических кругов с 4-мя уголками.

Более развитой памятник представлен на рис. 11, где черты лица слегка моделированы. На нем изваяны даже груди, а вертикальная орнаментация приобретает особую сложность [1]. Изваяние 16 очень просто, однако оно несколько отличается от рассмотренных вначале (рис. 2, 3, 4) прежде всего общей глыбообразной формой камня, а затем присутствием на лбу „четвертого дополнительного глаза". Относительно глаз, находящихся под горизонтальной чертой, можно сомневаться, присутствуют ли они на самом деле. Дело в том, что поверхность камня очень выветрена, и некоторые черты устанавливаются с большим трудом. Возможно, что отмечая нижние глаза, мы были введены в заблуждение случайными изъянами камня.

Фас изваяния 17 обычного типа с выдающимся плоским лицом, ямками глаз, ноздрей и рта и поперечной линией, пересекающей нос. Ниже видны выпуклости грудей (одна сбита) и продолговатая ямка, возможно, изображающая женский половой орган, подробность более нигде не встреченная. Профиль этого памятника совсем необычен. На голове вырезано шесть параллельных друг другу изогнутых линий, напоминающих по своему положению косы девушки [2], а ниже той же техникой изображены согнутые в локте руки с растопыренными пальцами.

Несмотря на всю необычность изваяния, его нельзя исключить из числа типичных минусинских из-за присутствия таких характерных черт, как трактовка лица и общая форма.

Интересно отметить, что этот памятник находится на том же кургане, что и изваяние 20.

Рис. 18 начинает собой ряд памятников, отличающихся от всех предыдущих присутствием не одной, а двух горизонтальных черт. Одна из них, пересекающая нос, нам уже знакома, другая проходит между носом и ртом.

Этой же особенностью отличаются и рис. 4, 12, 14, 21 и 22. Последний интересен законченностью своей обработки и прекрасной сохранностью. Здесь совершенно ясно видно намерение художника дать рельефную маску. Любопытны глаза, изображенные в виде двух полушарий, и уши в виде концентрических кружков. Последняя особенность является единственной среди минусинских изваяний. Рис. 13 воспроизводится нами по рисунку, приведенному у Аспелина. К сожалению, здесь приходится сомневаться в его точности. Очень смущают слишком реально изображенный нос, морщины лба и губы. Парные линии, нанесенные на щеке, вероятно, представляют собой остатки горизонтальных черт, пересекавших лицо (его можно сравнить с лицом рис. 32).

---

[1] Фигура лиры на рис. этого же памятника, сделанном Финляндской экспедицией, нами не замечена.

[2] У современных турков Минусинского края девушки заплетают по обе стороны головы много мелких косичек. Благодаря этому сходству изваяние и названо *Кыс-таш*—девица-камень.

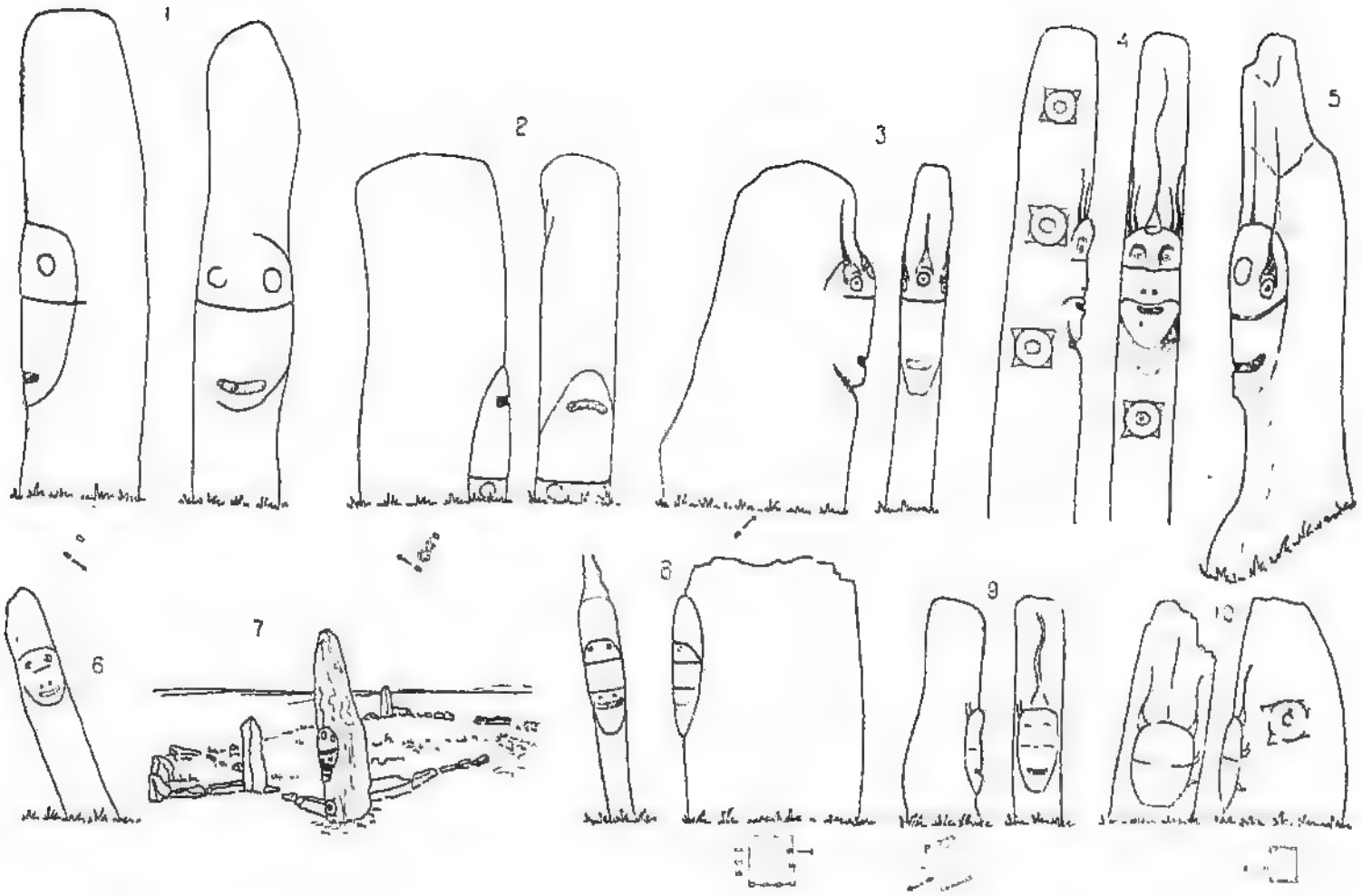


Таблица I[1].

Рис. 1. Левый берег реки Бири, против улуса Тазмина. Гранит.

Рис. 2. Находится там же. Гранит.

Рис. 3. Находится там же. Красный песчаник. Разбита пополам.

Рис. 4. (См. также в тексте рис. 7). В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Гранит. Лежит на земле. См. *12*, рис. 7; *21*, Табл. XV, рис. 3; *38*, табл. VIII, рис. XIV — 2.

Рис. 5. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Песчаник. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 6. С. Аскыз (?). С фот. И. П. Кузнецова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 7. р. Уйбат. С рис. A. Tallgren. См. *46*, рис. 7 на стр. 99.

Рис. 8. (См. также в тексте рис. 5). В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Красный песчаник.

Рис. 9. Находится там же. Красный песчаник. Черты лица сохранились плохо.

Рис. 10. Находится там же. Гранит. Черты лица сохранились плохо.

---

[1] В таблицах рисунков приняты условные обозначения, так, поверхность, ограниченная контуром и заштрихованная, изображает плоскую, неглубокую выемку; поверхность, залитая сплошным черным пятном, означает выемку более глубокую, с округлым дном; линии представляют собой узкие, полукруглые в сечении желобки; пунктиром обозначены детали рисунка мало разборчивые или предполагаемые, если памятник симметричный, и одна половина его сохранилась хорошо. Все изваяния изображены в $^1/_{32}$ натуральной величины, за исключением 5 — 7, 12, 13, 40, 41, 50 51, 53, 56, 57, 61 — 64, 67, 69, 71 и 73, размеры которых нам остались неизвестны. О технике изваяний 60, 62, 63, 65, 69, 71, 72 и 73 говорится особо.

Планы могил, помещенные под изваяниями, изображены в масштабе $^1/_{1000}$ н. в. Присутствие камня в земляной насыпи отмечено редко расположенными точками, а насыпи, состоящие сплошь из камня, представлены в плане часто и равномерно расположенными точками. Ограда могилы из врытых в землю и едва возвышающихся над поверхностью плит изображена сплошной линией Высокие плиты, вертикально врытые в землю, помечены белым прямоугольником, а изваяния — черным, причем стрелкой показано направление лица.

В пояснениях к таблицам указывается в каких работах говорится о данном памятнике (приводится № (курсивом) по прилагаемому ниже библиографическому указателю и страница или (если имеется) рисунок). Римскими цифрами в пояснениях и на карта обозначены изваяния, рисунков которых не имеется.

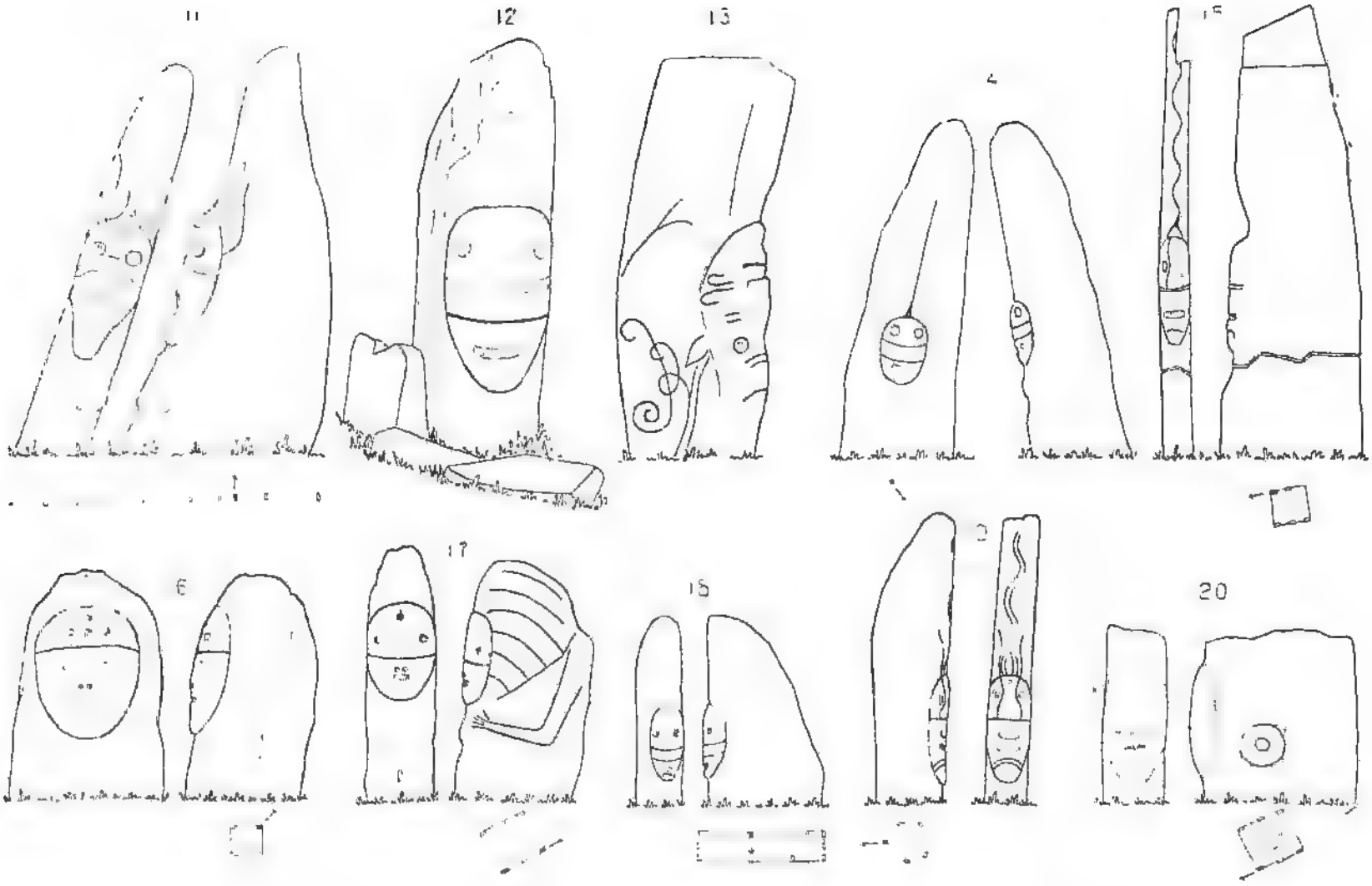


Таблица II.

Рис. 11. В 1½ километрах к западу от ул. Патанкова на р. Белый Юс. Красный песчанник. См. *7*, рис 190; *12*, рис. 9; *38*, табл. VIII, рис. XIV—6. Рисунок этого изваяния, помещенный у Гейкеля (*7*, рис. 190), более соответствует действительности, чем рис. в Inscriptions de l'Ienissei (*12*, рис. 9) (ср. с фотографией, хранящейся в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР).

Рис. 12. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

Рис. 13. Между р.р. Аскызом и Есью, недалеко от большого кургана, видимого из с. Аскыза. Красный песчаник. По рис. Aspelin'a. См. *3*, рис. 328. См. также *8*, часть I, табл. 3; *9*, том III, стр. 286; *20*, стр. 81; *23*, том III, стр. 358; *25*, стр. 72; *24*, стр. 503; *26*, стр. 205; *28*, стр. 60; *31*, стр. 575; *34*, стр. 171; *35*, стр. 94—95; *38*, табл. VIII, рис. XIV — 7; *40*, стр. 125; *41*, стр. 80; *48*, стр. 503.

Рис. 14. Левый берег р. Бири против ул. Тазмина. Гранит.

Рис. 15. В 3-х километрах к северо-западу от с. Верхн. Биджа. Красный песчаник. Сломано пополам.

Рис. 16. В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова, на р. Уйбат. Гранит.

Рис. 17. Кыс-таш. В 1-м километре к юго-зап. от ул. Чаркова на р. Уйбат. Гранит. На том же кургане, что и изваяние 20.

Рис. 18. Левый берег р. Камышты. Между ул. Тутачновым и Катаевым. Красный песчаник.

Рис. 19. (См. также в тексте рис. 6). В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Красный песчаник.

Рис. 20. См. пояснения к рис. 17. Гранит.

У памятника, изображенного на рис. 20, верх обломан, и вся поверхность сильно сглажена, так что на выдающемся плоском лице с трудом удалось установить наличие нижней горизонтальной черты и рот, а на широком ребре камня—следы круга с уголками.

Изваяния с одной, а также с двумя горизонтальными чертами имеют весьма часто еще одну интересную особенность, это пара изогнутых линий в виде фигурных скобок, помещающихся между глазами. К числу первых относятся рис. 15, 19 (или в тексте

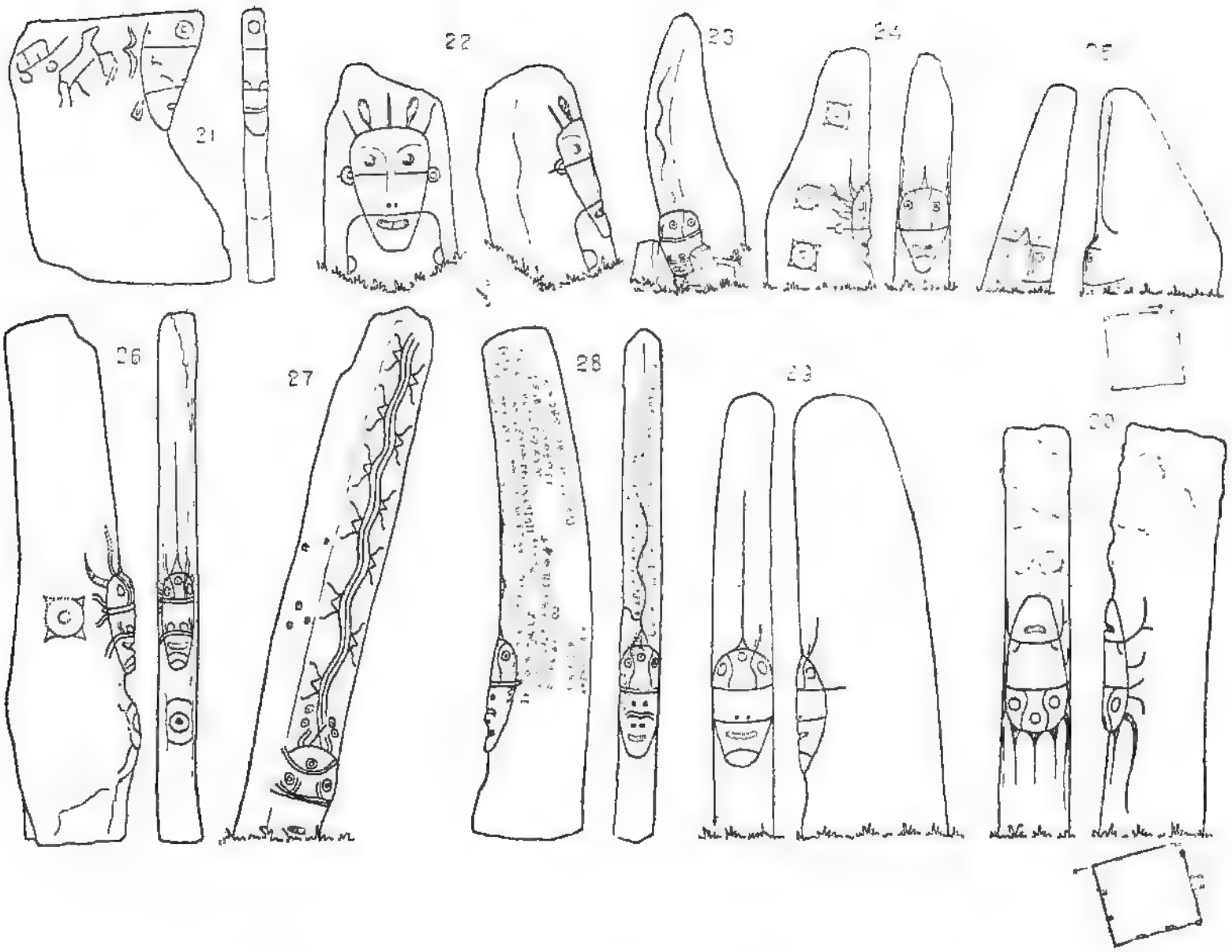


Таблица III.

Рис. 21. с. Знаменка. Найдена в могиле. Обломок. Красный песчаник. Хранится в Красноярском Музее. См. *1*, стр. 7. (Рисунок сделан по наброску, доставленному В. И. Громовым).

Рис. 22. В ½ километра к западу от ул. Патанкова на р. Белый Юс. Красный песчаник.

Рис. 23. Верхне-Биджинская степь. Урочище Ахмарча. С фот. Н. В. Феодорова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 24. Левый берег р. Бири, против ул. Тазмина. Гранит.

Рис. 25. Находится там же. Красный песчаник.

Рис. 26. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). Песчаник. (Хранится в Минусинск. Музее.

Рис. 27. Ул. Терентий на р. Камыште. С рис. из Inscriptions de l'Enissei. См. *12*, рис. 10; см. также *38*, табл. VIII, рис. XIV — 5.

Рис. 28. Недалеко от ул. Чаркова на р. Уйбат. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее. См. *3*, рис. 336; *10*; *11* рис. 4; *12* рис. 2; *14*, том I, табл. II, рис. 1 и стр. 158; *21*, табл. XV, рис. 11; *33*, стр. 338; *35*, стр. 31, 93, 98—99; *36*, вып. III, табл. XCIII—XCIV; *38*, табл. VIII, рис. XIV — 8.

Рис. 29. Левый берег р. Бири, в ½ километра к востоку от ул. Усть-Биря. Гранит.

Рис. 30. (См. также в тексте рис. 8). Урочище Ахмарча близ улуса Верхне-Биджинского. Гранит.

рис. 6), 24, 25 и 27. Здесь есть черты уже знакомые нам: волнистая вертикальная линия, „третий глаз", боковые отростки и круги с уголками; новыми же будут: тройная вертикальная линия с значками в виде буквы „м" по бокам и дуга над глазами. Последняя, возможно, представляет собой петлю, из которой поднимается тройная вертикальная линия, а левый конец является, просто-на-просто, боковым отростком, что не совсем правильно было понято автором рисунка. Нам этот памятник видеть не удалось.

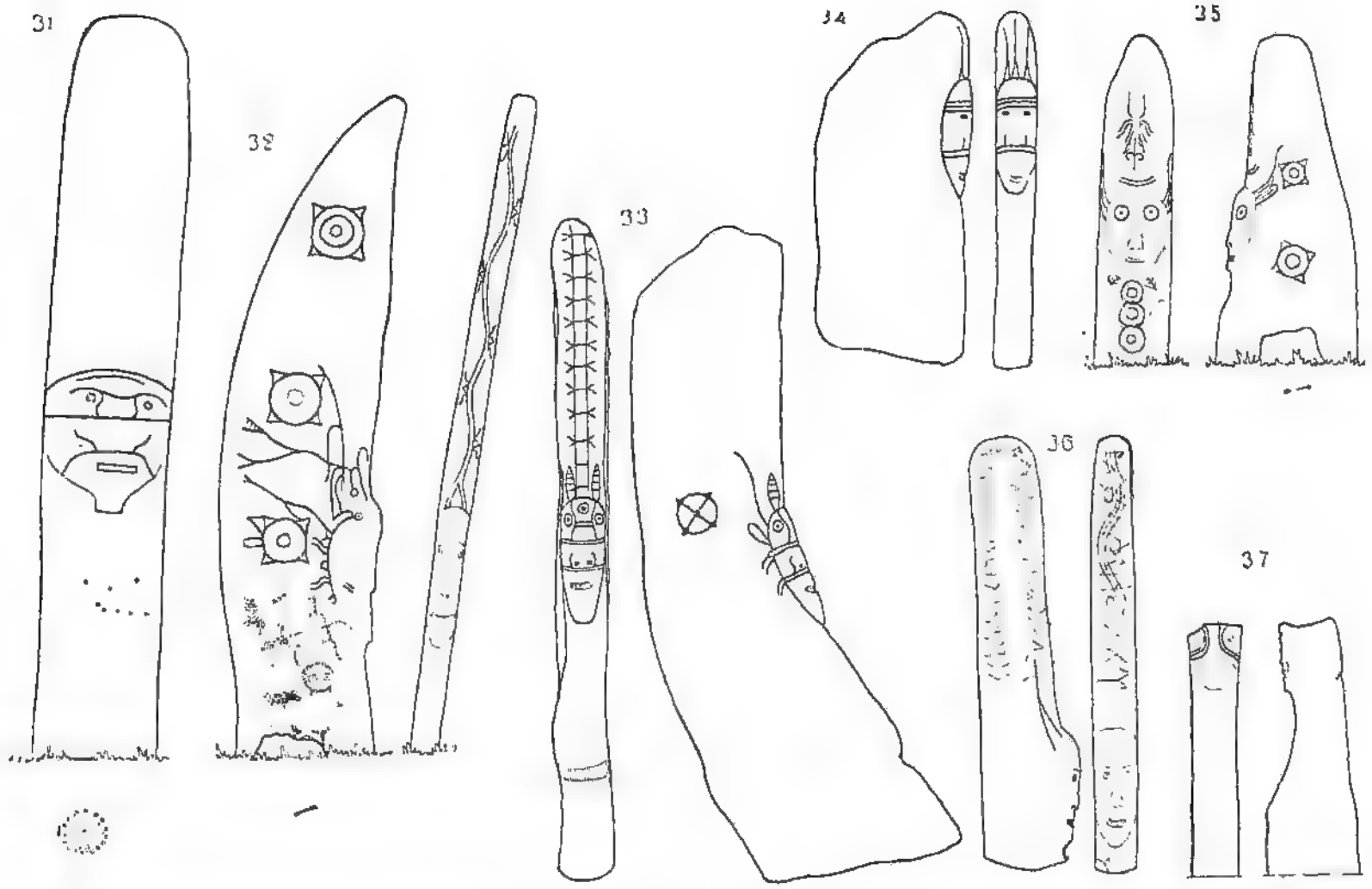


Таблица IV.

Рис. 31. „Чаатас" на левом берегу р. Ташебы, в 10 километрах к зап. от Усть-Абаканскл. Лежит на земле. По рис. А. Гейкеля. См. *11*, табл. 3 и стр. 60.

Рис. 32. (См. также в тексте рис. 1). Левый берег р. Бири, против ул. Тазмина. Красный песчаник. Ныне находится в Госуд. Русском Музее в Ленинграде. См. *34*, стр. 172; *35*, стр. 16; *47*, рис. на стр. 93. См. также „Сибирь" 1925 г. № „*4*" (рисунок на обложке). В нижней части изваяния находится целая серия выбитых острым орудием фигур позднейшего происхождения.

Рис. 33. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). Песчаник. Хранится в Минусинском Музее.

Рис. 34. Р. Немир. Ул. Аптыша. Красный песчаник. Хранится в Томском Ун-те. См. *16*, стр. 33; *42*, рис. 14.

Рис. 35. Левый берег р. Бири, против ул. Тазмина. Гранит.

Рис. 36. Правый берег р. Уйбат, недалеко от ул. Чаркова. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее. См. *7*, рис. 3; *10*; *12*, рис. 3; *21*, табл. XIV, рис. 1 и 2; *33*, стр. 336; *36*, вып. III, табл. XCII, рис. 1 — 6; *38*, табл. VIII, рис. XIV — I; повидимому о нем же *50*, стр. 462.

Рис. 37. Район оз. Шира. Красный песчаник. Ныне хранится в Гос. Русском Музее в Ленинграде. См. *47*, стр. 94.

Изваяния с 2-мя горизонтальными чертами и фигурой скобок изображены на рис. 23 [1], 26, 28, 29, 30 (или в тексте рис. 8), 31, 33, 34 и 38. У некоторых из них сильно развита вертикальная орнаментация.

На рис. 33 и 38 уши особенной формы и новая деталь—перемычка между скобками. Кроме того на первом рис.—украшение в виде рожек, интересная фигура круга с уголками и скобки по сторонам ноздрей, а на последней—крест, кружки и пр.

Особенностью памятника 28 является перемещение носоподбородной черты на нос, ее изогнутость и ямки над ней. На изваянии же 34 перемещены и верхняя горизонтальная линия и „фигурные скобки", вернее, их остатки.

[1] Орнаментация сбоку лица и др. детали плохо видны на фотографии, и мы их опустили совсем.

Среди Минусинских изваяний встречаются лица, лишенные орнаментации (рис. 32, или в тексте рис. 1, 36) [1], хотя вокруг них остаются те же боковые отростки, правда, иного характера, вертикальная линия с новым дополнением в виде овалов, круги с уголками и проч. На изваянии 35 помимо знакомых черт есть еще не встречавшиеся: фигура над головой и кружки около подбородка.

Если вся масса рассмотренных изваяний не вызывает никаких сомнений относительно их стилистической однородности и принадлежности к одной этнической группе, то относительно двуликих изваяний может возникнуть подозрение, является ли каждый отдельный памятник созданием одной эпохи. Другими словами—не были ли его отдельные части, т. е. верхнее и нижнее изображения созданы в разное время. С первого взгляда как будто поражает их резкое стилистическое различие (рис. 43). В то время, как нижнему изображению присущи все черты плоского стилизованного лица, верхнее изображение исполнено или скульптурой (рис. 40) или в виде рельефной маски (рис. 43), лишенной орнаментальных дополнений. Двуликие изваяния с головой барана наверху (рис. 41 и 45 или в тексте рис. 4) так же имеют нижнее плоское изображение стилизованное, верхнее же скульптурное и значительно более реальное.

С первого взгляда ясно, что у памятников 40, 41, 45 верхнее изображение не могло быть сделано позднее нижнего. Изваяния 42 и 54 или в тексте рис. 3 имеют оба изображения почти одинаково стилизованные в обычном духе, и тут не может возникнуть вопроса о их разновременности, следовательно народу, сооружавшему одноликие памятники, не была чуждой идея сооружения изваяний с двумя и более лицами. Среди однородной массы одноликих изваяний встречаются лица, исполненные не менее реально (рис. 32), чем верхнее изображение памятников 40 и 43. Кроме того, трактовка отдельных черт лица, напр. носа и рта, и там и тут обнаруживает определенное родство.

Оба изображения изваяния 45 также имеют между собой некоторое сходство в технике исполнения, напр. рога и ноздри, исполнены врезанной линией того же характера, что и у нижнего изображения. Между прочим очень любопытна линия, охватывающая морду барана между рогами и ртом. Как то невольно напрашивается сопоставление с горизонталью, пересекающей лицо изваяний. Как будто бы и там и здесь заставляла это делать какая то, неизвестная нам, традиция. Верхнее изображение 44 памятника, если судить по фотографии, имеет определенное сходство со стилизованным лицом какого-то животного.

Все приведенные соображения как будто говорят за то, что и эти памятники могут быть целиком отнесены к группе типично минусинских, и создание их приурочено к той же эпохе.

Особенность плоскостных изваяний, как мы уже упоминали, состоит в том, что стилизованное человеческое лицо исполняется врезанной линией и располагается не на ребре плиты, а на ее широкой грани и по существу представляет собою рисунок. Часть этих памятников очень проста. Так изваяния 46, 50 и 47 не имеют даже очертаний лица. Последнее изваяние сохранилось очень плохо. Приходилось на ощупь определять присутствие углубленных линий, всегда более гладких, чем остальная поверхность, как бы шлифованных. Так же плоха сохранность памятника 48.

Изваяния 51, 52 (или в тексте рис. 2) и 53 в стилизации лица не дают ничего существенно нового, зато несколько необычно изваяние, изображенное на рис. 49. Следующие два памятника (рис. 54 или в тексте рис. 3 и 55) одни из наиболее пышных

---

[1] Двойная черта на правой щеке изваяния 32 вероятно является остатком линии, пересекавшей лицо. Фигуры этого изваяния, изображенные точками, более позднего происхождения.

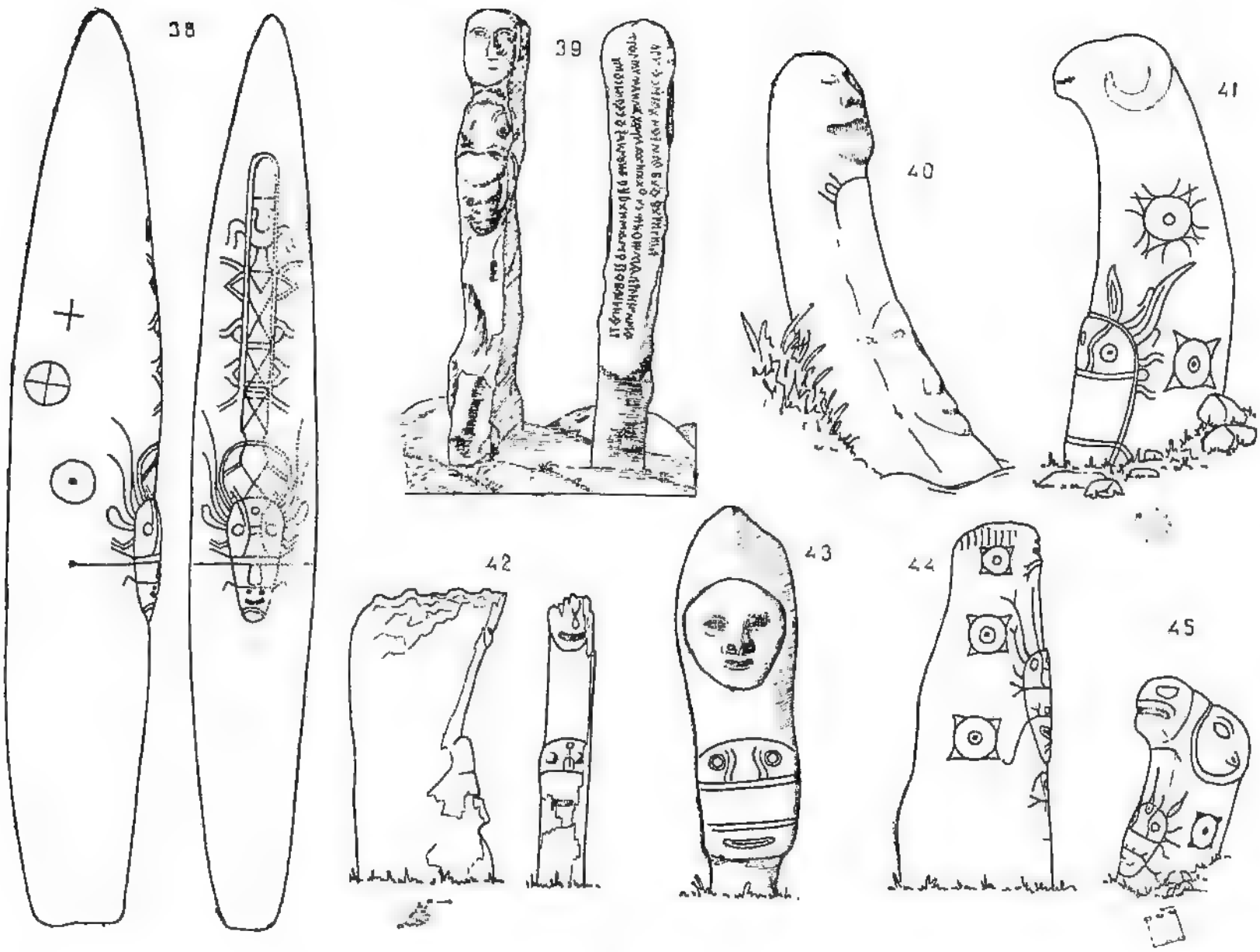


Таблица V.

Рис. 38. Кеми-тас (лодка-камень). В 4-х километрах от ул. Патанкова на р. Белый Юс, по правую сторону дороги на Черное озеро. Гранит. Лежит на земле.

Кроме изображенных на рис. 1 — 38, имеются сведения о нахождении изваяний подобного типа еще в следующих пунктах:

I. По дороге из ул. Усть-Биря на ул. Колода. Плита с изображением лица на ребре.

II, III. „Чаатас" на левом берегу р. Ташебы в 10 километрах к зап. от Усть-Абаканска. Две плиты с изображением лица на ребре.

IV, V, VI. Левый берег р. Бири в ½ килом. к востоку от ул. Усть-Биря. Три плиты с изображением лиц на узком ребре.

VII. В ½ килом. от ул. Патанкова на р. Белый Юс по дороге на Черное озеро. Гранитная сигарообразная глыба, совершенно подобная по форме и по величине Кеми-тас (рис. 38). Изображение стерлось. Лежит на земле.

VIII. В 12 килом. от ст. Сон по направлению к оз. Шира, по словесному сообщению А. Р. Шнейдера, находится изваяние с изображением рельефного лица на ребре. Оно стоит в качестве углового камня кургана поздней бронзы.

Рис. 39. Недалеко от р. Уйбат (оз. Ачик-Куль?) С рис. Миллера, по Радлову *35*, рис. на стр. 99. См. также *14*, том I, табл. II, рис. 2 и стр. 158; *15*, табл. I, рис. 1; *28*, стр. 59.

Рис. 40. Р. Есь, в 2 — 3-х километрах вверх от устья по дороге на с. Таштып. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

Рис. 41. Левый берег р. Бири, в ½ килом. к востоку от ул. Усть-Биря. Гранит. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те. См. *45*, рис. 2 (изображ. очень мелко).

Рис. 42. В 3-х километрах к югу от ул. Чаркова на р. Уйбат. Серый песчаник. Фигурки между глазами нижнего изображения и на щеке верхнего — вероятно позднейшего происхождения, так как выполнены иной техникой.

в Минусинском крае. Некоторые черты, как например, обрамление лиц и тройная линия, пересекающая нос, нами еще не были встречены. Кроме того квадратная форма нижнего изображения (фиг. 54), несомненно представляющая собой лицо, является особенностью, присущей только этому памятнику.

Несмотря на разнообразие форм описанного типа изваяний, стилистические особенности их настолько характерны, что не остается никаких сомнений в принадлежности их к одной культурной эпохе. Если мы и разбивали их на группы скульптурных изваяний и изображений на плоскости, группы изваяний одноликих и двуликих и проч., основываясь на технике их изготовления (скульптура или рисунок) или сюжете изображения (одно или два лица, баран и проч.), то это вызывалось желанием яснее подчеркнуть изобразительные приемы древних минусинских мастеров. Разница в приемах изображения не может, однако, служить основанием считать эти памятники принадлежащими к различным культурным эпохам, потому что даже самые противоположные приемы и стилистические особенности очень часто встречаются одновременно на одном и том же памятнике.

Исключительное богатство Минусинского края остатками бронзовой культуры затмевало собою все остальное, и некоторые исследователи Сибири приписывали все памятники доисторической древности бронзовому веку. Также и каменные изваяния механически относились ими к тому же времени [1]. Вообще же, по вопросу о времени сооружения каменных изваяний существуют самые разнообразные мнения. Надо, однако отметить, что рассматриваемый нами тип изваяний в литературе, обычно, не выделяется из общей массы так называемых „каменных баб", и под именем „Енисейских каменных баб" разумеются все типы встречающихся там изваяний. Из целого ряда различных исследований по этому вопросу (о датировке) следует отметить лишь два наиболее обоснованных, это работы Д. А. Клеменца и Н. М. Ядринцева.

Клеменц [2] отмечает постоянную связь изваяний с могилами поздних типов что, по его мнению, „неоспоримо доказывает" значение их, как намогильных памятников, и приводит показания китайских летописцев об обычае у народа Тукю (VI в. н. э.) ставить на могиле изображение умершего и ряд камней по числу убитых врагов. Этот обычай, по мнению Клеменца, мог быть заимствован у более древних народов и, таким образом, относится ко времени VI в. нашей эры и раньше.

Ядринцев [3] также, считая каменные бабы намогильными памятниками, отмечает, что в китайских летописях, подробно описывающих обычаи хакас, нет никаких указаний об обычае ставить каменные бабы, следовательно, они „принадлежали" народу предшествовавшему хакасам или жившему в соседстве с ними". Возникновение каменных

[1] Например, Aspelin, Radloff и др.

[2] Клеменц, Д. А. Древности Минусинского Музея.

[3] Ядринцев, Н. М. Древние памятники и письмена в Сибири.

Рис. 43. Улу-Куртуяк-тас (Большая старуха-камень). В нескольких километрах от Аскыза. Песчаник С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те. См. *3*, рис. 331; *6*, рис. 31 и стр. 78; *8*, табл. 4, рис. 2 и 3 и стр. 349; *9*, том III, стр. 286; *16*, стр. 34; *19*, стр. 230; *20*, стр. 77; *23*, том II, стр. 358; *24*, стр. 501, 502; *25*, стр. 69; возможно о нем же *26*, стр. 205; *28*, стр. 59 (под № 8 и 11 говорит об одном и том же изваянии, как о разных) *31*, стр. 575; *34*, стр. 169; *35*, стр. 17 и 95; *37*, стр. 563; *39*, стр. 6; *40*; *41*, стр. 22; *42*, рис. 16; *48*, атлас, табл. II, рис. 22а, 22 и стр. 505.

Рис. 44. У с. Кавказского на р. Тубе. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее.

Рис. 45. (См. также в тексте рис. 4). В 3-х килом. к сев.-зап. от ул. Верхне-Биджинского. Красный песчаник. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.

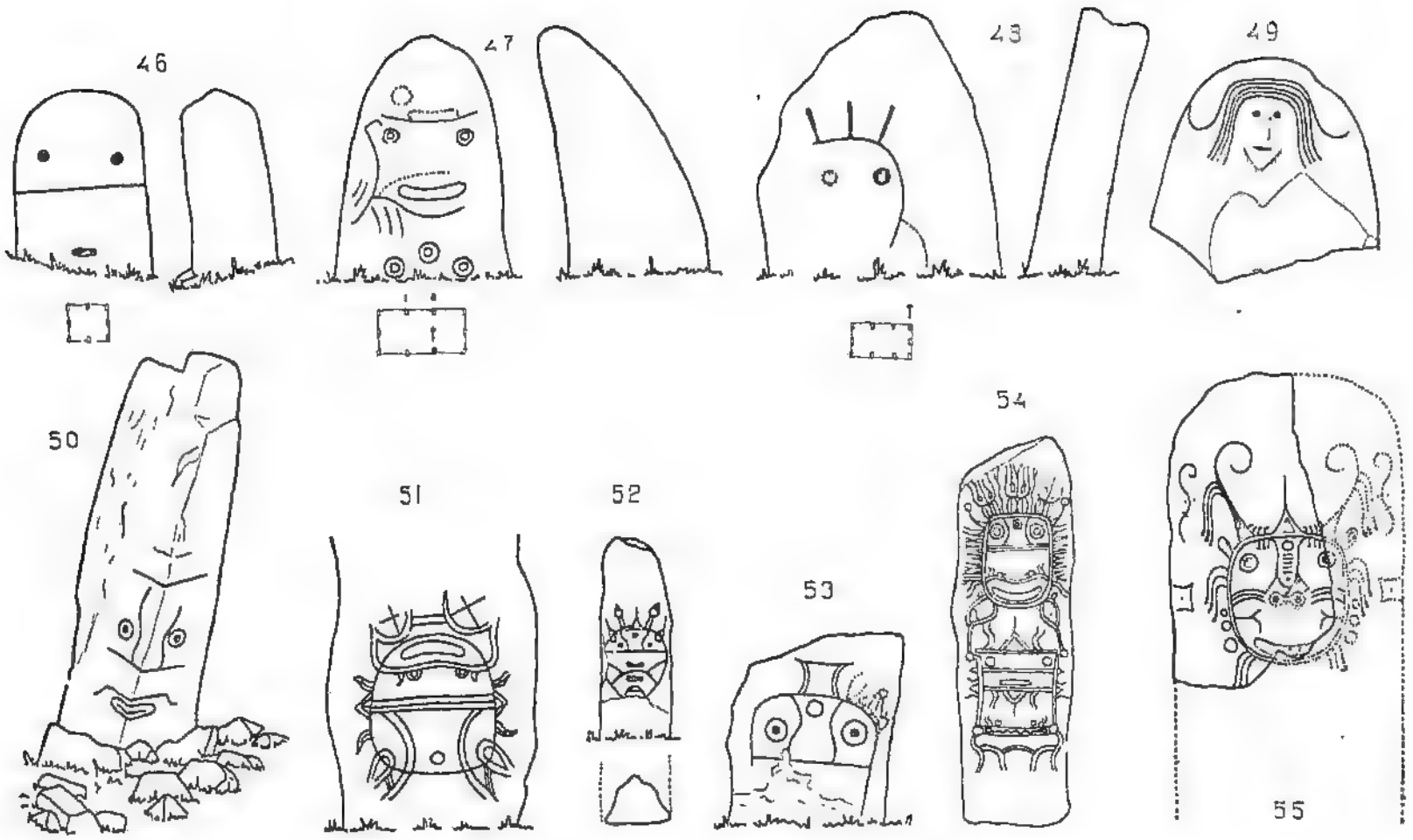


Таблица VI.

Рис. 46. Правый берег р. Б. Сыр, в ½ килом. от ул. Сафьянова. Гранит.
Рис. 47. В ½ килом. от с. Сенявино по правой стороне дороги на ул. Казынаев. Гранит.
Рис. 48. В 1 килом. к юго-зап. от ул. Чаркова. Гранит.
Рис. 49. Кыс-таш и проч. Против с. Усть-Есь, в 2-х километрах от р. Абакана по его левому берегу и недалеко от горы Сары. Песчаник. Хранится в Минусинском Музее. См. *3*, рис. 340; *8*, ч. I, табл. 3 и стр. 348; *20*, стр. 80; *26*, стр. 205; *28*, стр. 61; *34*, стр. 170; *35*, стр. 95; *48*, стр. 505.
Рис. 50. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.
Рис. 51. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Ун-те.
Рис. 52. (См. также в тексте рис. 2). Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Гранит. Хранится в Минусинском Музее.
Рис. 53. Юго-восточный берег озера Шира. Матер. неизв. С фот. И. П. Кузнецова, хранящейся в Томском Ун-те.
Рис. 54. (См. также в тексте рис. 3). Левый берег р. Бири, против ул. Тазмина. Гранит. Хранится в Минусинском Музее. См. *12*, рис. *8*; *38*, табл. VIII, рис. XIV — 3.
Рис. 55. Около ул. Кызласова на р. Малая Есь. Красный песчаник. Хранится в Томском Ун-те. См. *42*, рис. 17, где нарисованы и фигуры животных, высеченные поверх древнего рисунка и не изображенные на прилагаемом рисунке.
Изображения лица на плоскости плиты, подобные №№ 46 — 55, находятся еще в следующих местах.
IX. В районе оз. Шира, по сообщению С. А. Теплоухова, изваяние очень похожее на памятник, изображенный на рис. 48.
X. „Чаатас" на левом берегу р. Ташебы, в 10 километрах к зап. от Усть-Абаканска. Плита с изображением лица на ее широкой плоскости.

баб Ядринцев относит ко времени до нашей эры, наиболее же поздние из них, по его мнению, одновременны с орхонскими надписями.

Если все эти мнения для большей части „каменных баб" Монголии, Туркестана, Киргизских и Южно-русских степей частично верны, то, по отношению к только что

рассмотренному типу Минусинских изваяний, ни с одним из них нельзя согласиться, так как нигде в китайских летописях нет прямых указаний на существование каменных изваяний, а связь изваяний с древне-турецкими надписями, начертанными на них, и с погребениями, на которых они стоят, вызывает некоторые сомнения. Вот почему в настоящем очерке будет уместно пересмотреть вопрос о хронологии каменных изваяний Минусинского типа и, по мере возможности, определить их место в культурах Минусинского края.

Рис. 3. Изваяние из гранита на р. Биря, близ Тазмина улуса. (Фот. Минусинского Мартьяновского Музея).

Ни стиль, ни техника изготовления изваяний не дают никаких указаний на время их сооружения. Единственный путь для определения их места в хронологии края — это изучение взаимоотношений их с другими памятниками древних культур а именно, с погребениями, на которых они стоят, и с находимыми на них древне-турецкими надписями.

Изваяния с древними надписями встречаются довольно редко. Известно лишь три таких изваяния. Одно из них (рис. 39) с оз. Ачиккуль (!?) мы знаем только по схематическому рисунку Миллера[1]. Прочтена ли надпись этого камня и что она значит — нам не удалось выяснить. Неизвестна, также, и дальнейшая судьба этого памятника. Другие два изваяния (рис. 28 и 36), хранящиеся в Минусинском Музее и осмотренные нами, в свое время были изучены Радловым и текст их надписей переведен на немецкий язык [2]. Оба эти изваяния находились прежде в Уйбатской степи, недалеко от ул. Чаркова. К сожалению, их отношение к многочисленным могильным памятникам этого района теперь неизвестно, так как, доставивший их в Минусинск И. П. Кузнецов, не сообщил никаких сведений о их первоначальном положении и не указал точного местонахождения.

Сравнительно небольшая надпись на изваянии 36 посвящается „доблестному отцу Алту". „Я воздвиг этот памятник тархану народа Ач" — пишет автор надписи. „Из за своих заслуг ушел он из среды своего народа (как посол) к Кара-хану".

Пространная надпись изваяния 28 местами сильно стерлась; хотя некоторые строки ее наполовину утрачены, общий смысл надписи понятен. Здесь описываются события из жизни богатыря Капга-Тэн-Эрдема, и повторяется обычная для Енисейских надгробных памятников формула: „я разлучился" с тем то, „я не мог оставаться" с тем то и т. д. В этой надписи упоминается имя турецкого хана Тачам (Кудулу-Хана) [3]. По смыслу надписи Радлов заключает, что надпись посвящена богатырю, оказавшему некогда военную помощь Тачаму, и, что впоследствии

---

[1] См. Радлов. Сибирские Древности, т. I, в. 3, стр. 99—100.

[2] См. Radloff, W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei.

[3] „Для устройства этого балбала (памятника) Хана Турков" (6-я строка правой стороны). „От моего доблестного Тачам я разлучился" (3-я строка левой стороны).

Тачам, ставши турецким ханом, соорудил ему этот памятник. Если это предположение правильно, то надпись должна быть отнесена к концу VII в., когда после 683 г., владычество турецкого хана было сломлено Кудулу-ханом (Тачамом).

Рис. 4. Изваяние из красного песчаника близ улуса Верхне-Биджинского (Фот. Минусинского Мартьяновского Музея).

Казалось бы, вопрос о времени сооружения рассмотренных Уйбатских изваяний, а, следовательно, и всех подобных им, разрешен. Они должны относиться ко времени около VII в. нашей эры и служат надгробными памятниками. Однако же некоторые факты заставляют воздержаться от такого определения.

Все известные в Минусинских степях древне-турецкие надписи являются по своему содержанию надгробными. Лишь две надписи, сделанные на скалах (одна на Белом Юсе и другая близ Сулекова ул.), представляют, может быть, в этом отношении исключение. Надписи делались, большей частью, на стоящих в степи камнях и только в трех случаях они нанесены на скалах. К сожалению, большая часть камней с надписями вывезена с их первоначального местонахождения, и теперь неизвестно, на каких могилах они стояли. Эти сведения имеются только для 4-х надписей. Одна из них находилась на р. Ташебе, на кургане, раскопанном Heikel'ем в 1889 г. [1]. Надпись сделана на одном из камней, стоящих у основания кургана. Среди этих камней находилось изваяние (рис. 31). Этот курган, судя по найденным в нем предметам, должен быть отнесен ко времени, близкому к эпохе существования древне-турецкой письменности на Енисее.

Другая надпись сделана на камне, стоящем на западной стороне большого кургана близ с. Тесь на р. Тубе. Этот курган в 1889 г. раскопан Aspelin'ом [2]. Судя по характеру погребального сооружения и по найденным в нем предметам, курган этот должен относиться к концу, установленной С. А. Теплоуховым, минусинской курганной культуры, т. е. к первым векам нашей эры (Тальгрен датирует этот курган III—IV вв. н. э.).

Наконец, две надписи находились у основания насыпей курганов, раскопанных А. В. Адриановым [3] на р. Уйбате. Одна надпись кургана № 1 в группе Узун-Оба, другая — кургана № 1 группы Кара-Кургэн. Оба эти кургана должны быть также

---

[1] Heikel, A. O. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Taschebá.

[2] Tallgren, A. M. Trouvailles tombales en 1889 (отд. отт.).

[3] Адрианов, А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск. 1902—1924, стр. 55 и 56.

отнесены к концу минусинской курганной культуры, только несколько раньше Тесинского кургана.

Таким образом, надгробные надписи VII столетия встречаются на могилах различных эпох. В Кара-Кургэне на могиле первых веков н. э., мы находим позднюю надпись: „балбал (т. е. памятник) Кашук'а". Подобную же надпись читаем на береговой скале на Тубе: „Моей стране Эдиль балбал" (т. е. памятник). Все это говорит за то, что надписи делались на первом попавшемся камне или скале с гладкой поверхностью и что они не являются надгробными в буквальном смысле этого слова, так как не ставились на могиле героя, в честь которого они написаны. Нет ничего удивительного, что, при подыскании удобного места для надписи, выбор мог иногда упасть на древнее изваяние, плоскости которого всегда гладко отесаны. Таким образом, изваяния не имеют никакого отношения к сделанным на них надписям. Последнее подтверждается и некоторыми другими фактами.

Рис. 5. Изваяние из красного песчаника на Уйбатском „чаатасе" (близ Чаркова улуса). (Фот. С. А. Теплоухова).

Внимательное рассмотрение Уйбатских изваяний с турецкими надписями (рис. 28 и 36) наталкивает на следующие обстоятельства. В то время, как контуры лица со всеми его атрибутами сделаны точной, глубокой, вышлифованной линией, надписи нанесены довольно небрежно и поверхностно каким-то режущим орудием. Причем, в тех местах, где надпись и рисунок налегают друг на друга, ясно видно, что рисунок предшествовал надписи, так как буквы, нанесенные легким штрихом, проходят по поверхности желобков (линий), образующих рисунок изваяния. Кроме того, расположение надписи совершенно не согласуется с рисунком изваяния. Некоторые строки ее покрывают собой волнистую линию, идущую вверх от лба, а на одном камне надпись заходит даже на лицо. Все это говорит за то, что надпись и рисунок не одновременны, и, конечно, надпись позднее.

Камни, стоящие в Минусинских степях в течение веков, подвергаются разнообразным разрушительным действиям. В этом отношении некоторую роль играет пасущийся в степи скот, имеющий привычку тереться о камни. Животные, облюбовав себе несколько камней, трутся о них, и в результате подобной многовековой работы все неровности камня на высоте 80—130 см. от земли сглаживаются, и поверхность его становится гладко отшлифованной. Подобному действию, повидимому, подверглось изваяние 36. Здесь интересно отметить, что в то время, как поверхность камня выше лица сильно сглажена, и рисунок волнистой линии местами совершенно стерт, буквы надписи, нанесенные тонким штрихом, в том же месте пре-

красно различимы [1]. Это можно объяснить только тем, что изваяние, простоявшее довольно большой промежуток времени в степи, успело под влиянием трущихся о него животных значительно сгладиться, и только тогда была на нем сделана надпись.

Таким образом, рассмотрение Енисейских надписей еще раз убеждает нас в том, что они никакого отношения к изваяниям не имеют, следовательно, датировать их не могут и, что изваяния древнее сделанных на них надписей.

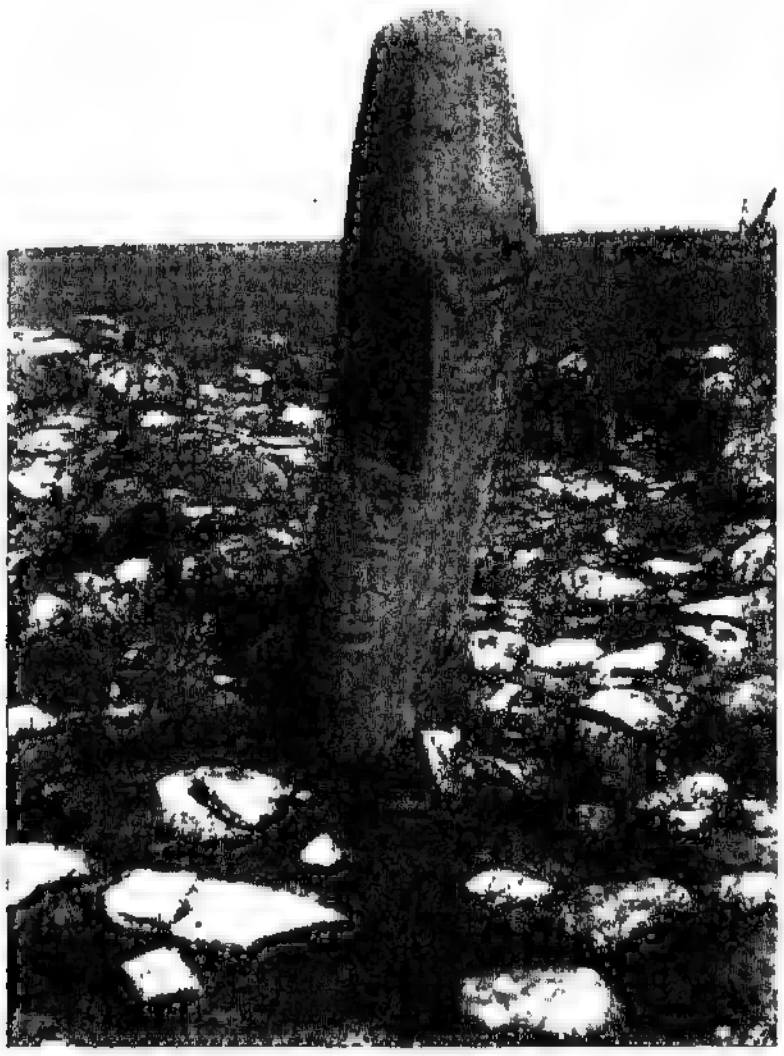


Рис. 6. Изваяние из красного песчаника на Уйбатском „чаатасе" (близ Чаркова улуса). (Фот. С. А. Теплоухова).

Большая часть изваяний находится на курганах и могилах. Невольно является вопрос — не связаны ли они с какими-нибудь известными типами погребений и не могут ли быть, таким образом, датированы какой то определенной культурной эпохой? Оказывается, что не на всяких типах могильных памятников встречаются изваяния. Есть целый ряд погребений, на которых они ни разу не встречены, и, наоборот, некоторые типы могильных сооружений часто сопровождаются ими.

Для более ясного представления типов курганов и могил, на которых встречаются изваяния, будет уместным привести здесь характеристику намогильных сооружений различных культурных эпох, выработанную в течение многолетних исследований С. А. Теплоуховым. Принятая им схема эволюции погребального обряда древних культур Минусинского края дает возможность разобраться в многочисленных формах намогильных сооружений, почти сплошь покрывающих собой Минусинские степи.

Погребения энеолита (афанасьевская культура) и ранних культур бронзовой эпохи (андроновская и карасукская) по этой схеме—плоские или с едва возвышающейся над поверхностью окружающей земли насыпью. Стоящих камней эти погребения не имеют. Также и изваяния из камня здесь никогда не встречаются. На этих погребениях мы не будем подробно останавливаться.

Погребения I этапа минусинской курганной культуры, плоские или с небольшой насыпью, окружены четырехугольной оградой из врытых в землю и едва возвышающихся над поверхностью плит. По углам ограды стоят каменные плиты, ориентированные узкими гранями на NO и SW, а широкими на SO и NW с некоторыми отклонениями в ту или другую стороны.

Погребения II этапа минусинской курганной культуры устроены так же, как и предыдущие, только несколько крупнее по размерам, и помимо угловых камней имеют еще по одной плите на северо-западной и юго-восточной сторонах ограды и по одной

---

[1] Эстампаж этой надписи воспроизведен В. В. Радловым в „Трудах Орхонской Экспедиции", вып. 3, табл. XCII, рис. I, где указанная подробность видна, хотя и не так ясно, как на самом памятнике.

или по две на противоположных сторонах. Кроме того, иногда бывают 2 или 3 плиты перед северо-восточной стороной ограды („маяк").

Погребения III и IV этапа минусинской культуры по устройству аналогичны предъидущим, но значительно больше по величине. Помимо угловых камней на северо-западной и юго-восточной сторонах ограды стоит по две и более плиты и соответственное количество плит на противоположных сторонах. Также часты „маяки".

Погребения таштыкской культуры (первые века н. э.) имеют вид ямок, возле которых находится иногда ряд стоящих камней (от 5 до 40 камней).

Для времени с V по X вв. н. э. характерны погребения с каменной насыпью. Более ранние из них обставлены у основания по четыреугольнику стоящими камнями. В более поздних погребениях они или отсутствуют или имеется всего лишь один, стоящий где-нибудь у основания насыпи, камень.

Погребения поздних культур железной эпохи плоские, без стоящих камней. На них каменные изваяния ни разу не встречены.

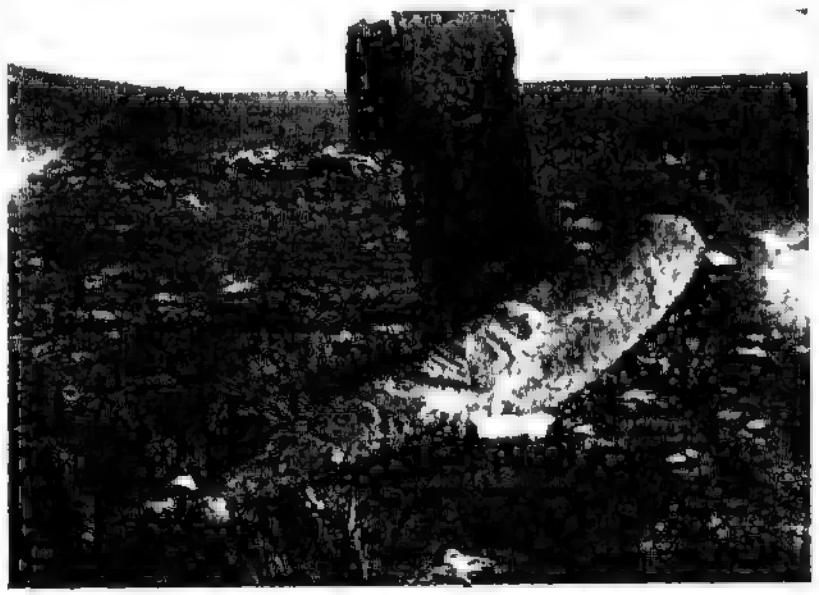


Рис. 7. Изваяние из гранита, находящееся в аллее камней Уйбатского „чаатаса" (близ Чаркова улуса). (Фот. С. А. Теплоухова).

Каменные изваяния совершенно не встречаются на погребениях ранних эпох бронзовой культуры (андроновская и карасукская). С. А. Теплоухов сообщил нам, что около ст. Шира имеется каменное изваяние, подобное № 48 и стоящее на могиле I этапа минусинской курганной культуры. Изваяние 22 находится также на погребении I этапа курганной культуры (?). Изваяния 7, 17, 18, 20, 46, 47, 48 стоят на могилах II этапа (некоторые из них, может быть, на могилах I этапа) минусинской курганной культуры. Изваяния 13, 25 и 30 находятся на курганах III или IV этапа той же культуры. Далее, изваяния 4 и 11 — в сооружениях таштыкской культуры. Наконец, сравнительно, большое количество, а именно 18 изваяний [1], на погребениях эпохи каменных могил (рис. 8, 9, 10, 15, 16, 19, 29, 41, 42, 45).

Итак, начиная с I этапа минусинской курганной культуры, изваяния встречаются на всех типах намогильных сооружений, имеющих в своей структуре стоящие камни и захватывают, таким образом, громадный промежуток времени, не менее, чем в полторы тысячи лет и целый ряд культурных эпох. Это, как будто, противоречит высказанному выше предположению, что изваяния относятся к одной культурной эпохе, ограниченной, сравнительно, небольшим промежутком времени. Однако же, странно было бы допустить, что так строго выдержанный стиль минусинских изваяний во всем своем многообразии форм мог жить в течение целого ряда культурных эпох. Если взглянуть на прилагаемые таблицы, то возникает новое недоумение. Почему одни и те же формы, порой совершенно тождественные, встречаются на могилах различных эпох [2], и, наоборот, на погребениях одной и той же эпохи находятся различные извая-

---

[1] В том числе 4 изваяния „чаатаса" на р. Ташебе, 3 близ ул. Усть-Биря и 1 по дороге из ул. Усть-Биря на ул. Колоду. (Рисунки с них не сделаны).

[2] Напр., изваяния 4, 10 и 20 или 29 и 30.

Рис. 8. Изваяние из гранита в уроч. Ахмарча (близ улуса Верхне-Биджинского) на большом кургане (Фот. Минусинского Мартьяновского Музея).

ния?[1] Чем это объяснить? Попробуем внимательно рассмотреть условия нахождения изваяний в погребальных сооружениях.

Намогильные сооружения Минусинских степей чрезвычайно характерны по правильности своей постройки. Вдоль стенок прямоугольной ограды, в строгом порядке расположены стоящие плиты. Часто они подобраны по величине и форме и строго ориентированы относительно стран света, образуя, таким образом, симметричную фигуру. Если мы иногда и наблюдаем некоторые неправильности в количестве плит, их величине или форме, то это большей частью следует приписывать разрушительному действию времени. Если каменное изваяние, стоящее на могиле, представляло собой памятник погребенному здесь человеку, то, казалось бы, он должен был занять какое то определенное положение в конструкции погребального сооружения. Наблюдения же показывают обратное. Изваяние никогда не занимает особого, центрального места, а всегда является одной из рядовых плит. Часто оно стоит в качестве углового камня (изв. 7, 15, 16, 17, 20, 30, 45 и 48), в других случаях заменяет собой камни, стоящие вдоль ограды (изв. 8, 9, 10, 18, 25, 46 и 47), или одну из плит, стоящих впереди кургана (маяк, № 13). В то время, как все плиты намогильного сооружения строго ориентированы относительно стран света, изваяния, в этом отношении, стоят как попало [2]. Большая часть их обращена лицом на NO или в обратном направлении, на SW. Это находится в связи с общей ориентировкой всего погребального сооружения, где все плиты обращены узкими гранями на NO и SW. Наконец, особенно интересны те случаи, когда стоящее на могиле изваяние оказывается в перевернутом положении. В Минусинском крае известно 4 изваяния поставленных вниз головой, а именно — 2, 13, 30 (или в тексте рис. 8) и 51.

Такое беспорядочное и случайное положение изваяний на могильных памятниках говорит, как будто, о небрежном обращении с ними народа, ставившего их на свои

[1] Напр., изваяния 29 и 41, или 9, 15, 16 и 45, или 17, 20, 46, 47 и 48.

[2] Здесь имеется в виду лишь направление лицевой стороны плиты, плоскости же ее всегда точно ориентированы, как у всех плит.

могилы. Пренебрежительное отношение при сооружении могил к изображениям, изваянным на плите, можно объяснить только тем, что для лиц, ставивших их на могилы, они не представляли предмета культа, а были лишь камнями, оставленными в степи прежними насельниками края, и служили в качестве простого материала для сооружения могильной ограды. Надо думать, что, как сейчас, так и в прежние времена, население широко пользовалось древними монументальными памятниками в качестве материала для устройства своих могил[1] и для различных хозяйственных надобностей.

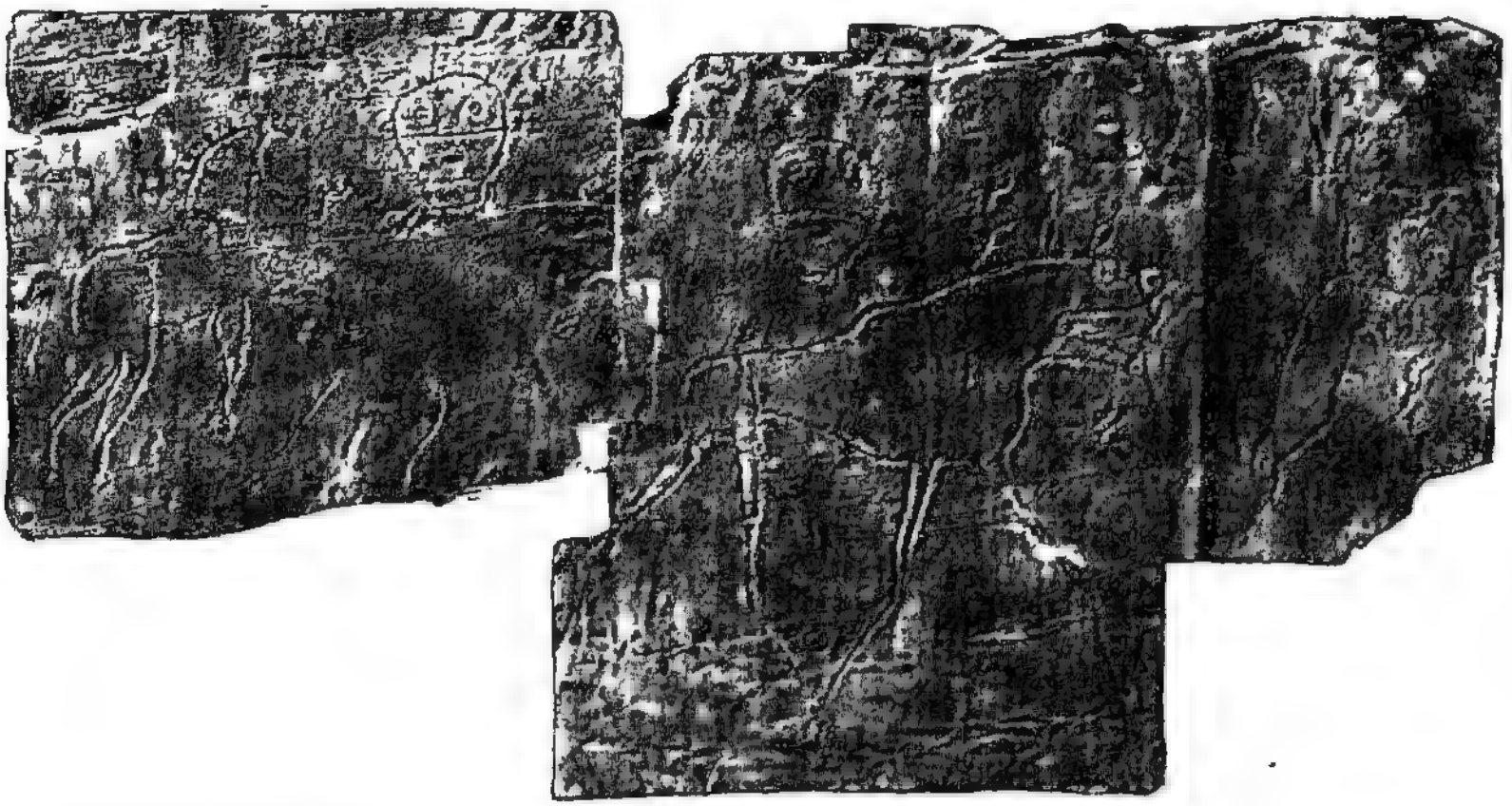


Рис. 9. Эстампаж с писаницы Минусинского края, хранящийся в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР.

Подтверждением высказанному предположению может служить плита с высеченными на ней человеческими фигурками, стоящая на кургане около Тазьмина улуса. Подобные фигурки человека встречаются часто на могильных плитах, но особенность описываемой плиты заключается в том, что все эти фигурки изображены вниз головой, причем все они расположены в нижней части плиты так, что часть их оказалась зарытой в землю. При таком положении камня они не могли быть высечены на нем. Несомненно, эта плита стояла когда то в другом положении, обратном настоящему, и тогда на ней были сделаны эти изображения.

Если мы допускаем мысль, что изготовление изваяний не принадлежит народам, поставившим их на могилы в качестве плит ограды, что эти памятники им чужды, то мы приходим к заключению, что изваяния древнее всех тех могил, на которых они находятся, то есть древнее минусинской курганной культуры. Считая минусинскую курганную культуру верхним отделом бронзовой эпохи и началом культуры железа, мы тем самым определяем изваяния, как памятники бронзовой эпохи Минусинского края.

---

[1] Современное туземное население степей часто устраивает свое кладбище около древних курганов, чтобы легче было доставать необходимый для могил камень. Подобные случаи имеют место, например, в улусах Тазьмином, Усть-Бирском, Кыштымовом.

Это подтверждается интересной находкой в д. Знаменке. В 1904 году А. В. Адрианов [1] узнал о случайной раскопке древней могилы в усадьбе одного крестьянина. Могила представляла собой сложенный из плит гроб. В ней было найдено около 70 бронзовых бус, бронзовый нож и глиняный горшок [2]. Плита, служившая покрышкой гроба, оказалась обломком изваяния обычного минусинского типа (рис. 21) [3].

История этой плиты представляет большой интерес. Несомненно, когда то она стояла в степи и в течение некоторого времени подвергалась разрушительному действию атмосферы и, может быть, человека. Со временем происхождение и назначение ее успело уже изгладиться из памяти населявшего край народа. Памятник уже не почитается. На нем ради забавы, или из других соображений, высекаются разные фигуры (изображения животных, экипажи и проч.) и, наконец, он уже в поломанном виде служит в качестве простого материала для сооружения могилы. Несомненно, это изваяние существовало задолго, может быть, за несколько столетий, до сооружения могилы, раскопанной в Знаменке. Вот почему датировка этой могилы приобретает большое значение для хронологии Минусинских изваяний.

Найденные в могиле медные бусы и нож указывают на принадлежность ее к бронзовой эпохе. К сожалению, не зная типов предметов, совершенно не представляется возможным датировать могилу более точно. Можно лишь предполагать, что она относится, по всей вероятности, ко времени не раньше первого этапа минусинской курганной культуры.

Характер погребального сооружения также не дает точного указания на время сооружения могилы, так как гроб из каменных плит встречается, начиная с андроновской культуры. Однако же, надо отметить, что в могилах андроновской и карасукской культур плиты всегда тонкие. Массивные плиты появляются лишь с первого этапа минусинской курганной культуры. Так что погребение Знаменки, покрытое массивной плитой—изваянием, следовало бы отнести ко времени не раньше первого этапа минусинской курганной культуры. Начиная с третьего этапа курганной культуры, основная могила кургана всегда бывает с бревенчатым срубом. Лишь в стороне встречаются иногда детские могилы, стенки которых выложены каменными плитками [4].

Таким образом, Знаменское погребение вероятнее всего относится к первому или второму этапу минусинской курганной культуры. Стало быть, изваяние нужно относить ко времени, предшествовавшему этой эпохе.

Можно, таким образом, предполагать, что время сооружения изваяний предшествовало курганной культуре или совпадало с 1 этапом курганной культуры, что менее вероятно. Вероятнее же всего, изваяния следует приписывать карасукской культуре. (По С. А. Теплоухову—время близкое к 1000 г. до н. э.). Ко времени более древнему изваяния отнесены не могут быть, так как изготовление их требует применения массивных металлических орудий, каковые едва ли могли быть в начальных стадиях бронзовой эпохи.

---

[1] Адрианов, А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц.

[2] Предметы эти затеряны и Адрианову не удалось их видеть.

[3] Это изваяние хранится сейчас в Красноярском Музее.

[4] Например, раскопанные А. В. Адриановым курганы, на Тагарском о-ве Е—1883 г. и № 42—1894 г. и на Думной Горе № 1—1895 г. (см. Отч. Арх. Ком. за 1894, 1895 гг. и А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. Зап. З. С. О Р. Г. О. Кн. VIII, вып. II, 1886 г.). Только в одном случае в кургане, раскопанном Аспелином близ с. Тесь (см. Tallgren, Trouvailles Tombales en 1889), в стороне от основной могилы, было обнаружено погребение взрослого человека в гробу из каменных плит. Центральное погребение кургана, по схеме С. А. Теплоухова, должно относиться к III этапу минусинской—курганной культуры, но относительно боковой могилы могут быть сомнения, так как она окружена на уровне горизонта оградой из плит и, может быть, находилась здесь задолго до сооружения насыпи и центрального погребения.

В Минусинском крае в большом количестве найдены долотовидные орудия. Некоторые из них имеют очень узкое, но массивное лезвие [1]. Чрезмерная массивность и частые случаи поломки этих орудий говорят о том, что они служили для работы по камню, может быть, для отесывания и гравирования плит. Долота с вогнутым лезвием [2] могли служить для выравнивания полукруглых желобков, образующих рисунок на изваяниях. К сожалению, время бытования бронзовых долот пока не может быть точно определено. Можно лишь указать, что одно такое долото с вогнутым лезвием было найдено в Саратовской губ. в известном Сосново-Мазинском кладе [3], время которого соответствует, приблизительно, карасукской культуре в Минусинском крае.

Рис. 10. Изваяние из красного песчаника из с. Знаменки (фот. Г. О. Боровка).

Изучая особенности стиля изваяний, мы не могли найти точных аналогий среди других памятников древности, ни в Минусинском крае, ни за пределами его [4]. Повидимому, свойство материала, требующего применения особых технических приемов обработки, вызвало появление новой, своеобразной трактовки форм, совершенно не встречающейся, например, среди многочисленных изделий из металла.

Также и сюжет изваяния (человеческое лицо с символическими знаками) не встречается среди других памятников древностей.

Можно отметить только схематические изображения человеческих лиц на одной из писаниц Минусинского края (ее точное местонахождение неизвестно) совершенно аналогичные изображениям лица на изваяниях (рис. в тексте 9). Черта поперек лица, скобки над этой чертой и вертикальные линии над лбом—это такие характерные особенности, что нет сомнения в однотипности этих изображений с изображениями на изваяниях. То, что изображения лица на писанице выполнены иной техникой (выбивка острым орудием), чем на изваяниях, и что расположены они среди других рисунков, относящихся к сравнительно более позднему времени, заставляет предполагать о другом значении этих изображений и, может быть, о другом времени их начертания. Не будет ничего странного, если окажется, что изображения лиц на писанице сделаны значительно

---

[1] См. рис. Martin, F. R. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. 1893, pl. 9, fig. 16—21 и Радлов, В. В. Сибирские Древности, т. I, табл. XVIII, рис. 1—5.

[2] См. рис. Martin, pl. 9, fig. 5—15 и Радлов, т. I, табл. XVIII, рис. 6—11.

[3] См. А. С(пицын). Некоторые находки медного века. Изв. Арх. Ком. 1909, вып. 29, рис. 7—8.

[4] Стиль некоторых памятников, изображающих головы животных, может быть сближен со стилем подобных же изображений, встречающихся на бронзовых предметах, но изображений стилизованных лиц на изделиях из металла до сих пор неизвестно, несмотря на огромное количество найденных предметов.

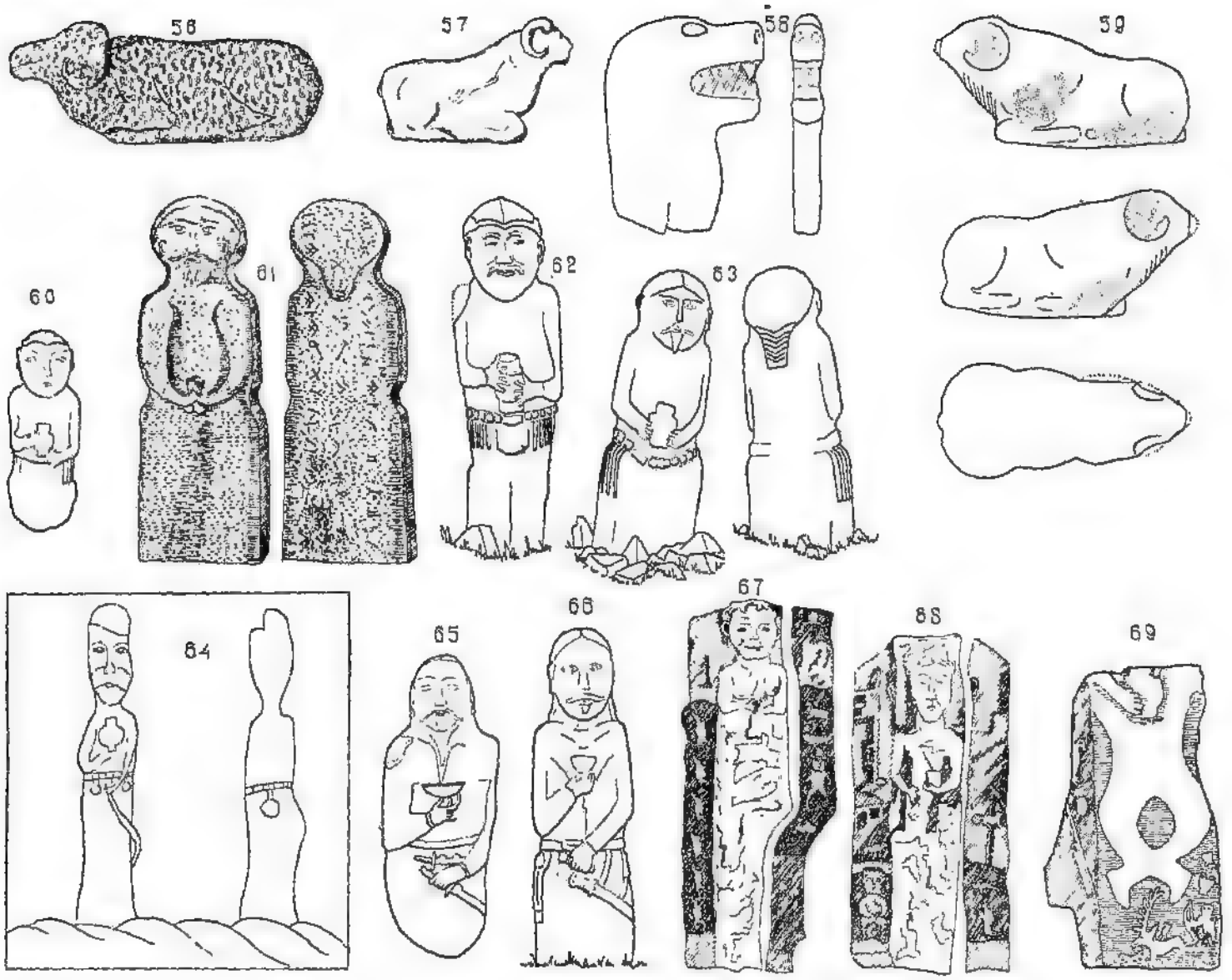


Таблица VII.

Рис. 56. Минусинский край (точное местонахождение неизвестно). С рис. Страленберга (*44*, табл. XXI), помещенного у Радлова—*35*, табл. XXI, рис. b, *40*, табл. IV и стр. 150. Спасский полагает, что это тот же баран, что и у него.

Рис. 57. Степь по Абакану. Гранит. С рис. Г. Спасского. См. *40*, табл. IV и стр. 150; *3*, рис. 334.

Рис. 58. (См. также в тексте рис. 10). В 12-ти километрах к сев.-зап. от с. Знаменки, на Зыряновском хребте. Красный песчаник. Хранится в Красноярском Музее. (Рисунок сделан по фот. Г. О. Боровко и по наброску, доставленному В. И. Громовым).

Рис. 59. Местонахождение неизвестно. Красный песчаник. Хранится в Барнаульском Музее. Возможно, что это и есть баран Спасского.

Изваяния животных известны еще в следующих пунктах:

XI. Недалеко от ул. Чаркова на р. Уйбат. Изваяние барана из песчаника. По случайным сведениям, полученным нами, баран вывезен А. В. Адриановым в Минусинский Музей, но мы его там не видели. См. 2, стр. 419; *22*, стр. 76.

XII. Радлов, см. *35*, стр. 11 (по рукописи Мессершмидта), сообщает, что в г. Красноярке лежал большой камень, на котором был высечен баран; привезен он некиим Салмаровым много лет тому назад с устья р. Тубы. В другом месте (стр. 56) Радлов (по Миллеру) говорит, что баран оказался в Тобольске. Сведений из Тобольска у нас не имеется.

XIII. Радлов, см. *35* стр. 95 (по Миллеру) сообщает, что Мессершмидт увез в Тобольск каменное изображение барана, стоявшее на горе Кизил-Чебага, против устья Абакана. Миллер видел его в Тобольске и зарисовал. Тот ли это баран, что и предыдущий, решить трудно.

XIV. По сведениям, сообщаемым Мартьяновым, см. *22*, стр. 75, на правом берегу Енисея, против устья р. Абакана, в 7 верстах от Минусинска, в 27 саж. от берега в Майдашинской долине стояла голова (!?) барана из красного песчаника. Передняя часть головы почти до глаз отломана. Далее он говорит, что изваяние уве-

зено и находится в Минусинском Музее. См. также *2*, стр. 419 и табл. IV, рис. 41; *5*, стр. 21; *16*, стр. 34.

XV. В 12 километрах к сев. от устья р. Аскыза. Грубо высеченный из гранита баран, туловище которого сохранилось хорошо, а голова сильно попорчена. Это изваяние лежит на высокой могиле, но первоначально, очевидно, стояло не здесь. По Радлову. См. *34*, стр. 171. См. также *2*, стр. 419; *16*, стр. 33; *22*.

XVI. Степь близ устья р. Ташебы. Статуя быка. По Мартьянову. См. *22* и *12*, стр. 419.

XVII. Около ул. Тугужекова на р. Ташебе, валялась в мелком озерке голова лощади с плохо заметной уздой. Крестьянин Семен Усманов обещал доставить голову в Минусинский Музей.

XVIII, XIX. На западном берегу р. Шушь (приток Тубы!?), в 5 верстах от устья, находились два каменные изваяния в виде маленьких львов[1]. Один из камней увезен в Тобольск. Сведений из Тобольска у нас не имеется. По Радлову, см. *35*, стр. 95.

XX, XXI. В Красноярске на рынке валялись каменные изображения барана (см. XII), медведя и барса. Один или два из них впоследствии были расколоты на куски. Привезены с р. Тубы. По Радлову (из дневн. Мессершмидта), *35*, стр. 15, 18 и 56.

XXII. Р. Неня. В горе, в искусственно, повидимому, сделанном гроте фигура стоящего на задних лапах медведя. Высечена из красного песчаника. Высота 1 арш. Радлов (по Миллеру и Гмелину), см *35*, стр. 93; см. также *9*, том III, стр. 515; *27*, стр. 26; *29*, стр. 274. Медведь ныне находится в Минусинском Музее, но зарисовать его не удалось.

Рис. 60. (См. также в тексте рис. 11). С. Сенявино. Гранит. Круглая скульптура, с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. Находится в Минусинском Музее.

Рис. 61. Между рр. Тесью и Ербой, недалеко от дер. Знаменки. Ныне находится в Минусинском Мартьяновском Музее. С рис. Страленберга, приведенного у Радлова *35* табл. XII. См. также: *3*, рис. 335; *4*; *6* рис. 30 и стр. 78; *14*, том I, табл. II, рис. 3 и стр. 159; *15*, табл. I, рис. 2; *28*, стр. 59; *30*, стр. 49; *33*, рис. 336; *36*, вып. III, табл. XCV; *44*, табл. XII и стр. 397; *50*, стр. 462.

Рис. 62. Танну-Тувинская республика (Урянхай). Точное местонахождение неизвестно. Круглая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР.

Рис. 63. Танну-Тувинская республика (Урянхай). Джидан, в 10 верстах от ставки б. Кемчикского Нойон-по Минслову в 2-х верстах от фактории Леонова). Круглая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих сосуд. Глаза в виде выпуклых овалов. Разрезы глаз означены врезанной линией. I-ое изображение с фотографии Русского Музея. 2-ое — с фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР. См. также С. Р. Минслов. „Памятники древности в Урянхае. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Об-ва, том XXIII, 1916 г., табл. 5, рис. 2.

Рис. 64. Казан-киш-таш (по Фальку). По другим авторам *хозен-кыс*, *касан-куш-таш*, *казан-тыш-таш* и т. п. Правый берег Черного Юса, против устья р. Саралы. Красный песчаник. С рис. Ивана Шишкова, приведенного у Радлова—*35*, рис. на стр. 143, стр. 16, 92, 144. См. также *8*, табл. IV, рис. 1 и стр. 349; *9*; *16*, стр. 34; *34*, стр. 171; возможно о ней же *35*, стр. 93; *48*, стр. 503.

Рис. 65. Семиреченская область. По Бартольду Кагатинское ущелье. Гранит. Округлая скульптура с неполным рельефом черт лица и рук, держащих меч и сосуд. Изваяние доставлено Ф. А. Фиельструпом в Русский Музей. См. В. Бартольд „Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. З. И. Ак. Н. по истор. фил. отд., том I, № 4, 1897 г., табл. VII.

Рис. 66. Занмка Щербакова!? По рассказам привезен с долины Черного Иртыша. По фот. Барнаульского Музея.

Рис. 67. Кыс-таш. Близ устья Аскыза (в 1 версте от Улу-Куртуяк, рис. 43). Красный песчаник. Прежде стояло на кургане, но при Палласе он уже лежал на земле. По словам Кострова находится в с. Аскыз, где стоит у церковной ограды и служит коновязью; дети истерли все бывшие на нем изображения. С рис. Г. Спасского *40*, табл. I, рис. 5; см. также *3*, рис. 342; *8*; *16*, стр. 33; *20*, стр. 78, 79; *23*, стр. 357; *24*, стр. 501; *25*, стр. 70; *28*, стр. 60; *29*, стр. 228; *41*, стр. 23; *48*, атлас, табл. II, рис. 20; стр. 503 и 505; *49*, стр. 26.

Рис. 68. Кижи-тас. Близ устья Аскыза (в 1 версте от Улу-Куртуяк рис. 43). Рядом с предыдущим изваянием. Красный песчаник. При Палласе также уже лежало на земле. По словам Кострова привезено в с. Аскыз, где служит ступенью к крыльцу купца Ананьева, нижний конец отбит на аршин. С рис. Г. Спасского *40*, табл. 1, рис. 4; *8*; *16*, стр. 33; см. также *20*, стр 78; *23*, стр. 557; *24*, стр. 501; *25*, стр. 70; *28*, стр. 60; *29*, стр. 228; *41*, стр. 23; *48*, атлас, табл. II, рис. 21 и стр. 503 и 505; *49*, стр. 26.

Рис. 69. Танну-Тувинская республика. (Урянхай . Фигура человека и проч. изображения представляют собой поверхность камня, оставленного нетронутым, тогда как фон вокруг них является плоской выемкой С фотографии А. В. Адрианова, хранящейся в Азиатском Музее Академии Наук СССР.

[1] На карте нами не отмечены.

позднее изваяний и являются продуктом деятельности какого-нибудь праздного пастуха, высекавшего на скале на ряду с другими фигурами и изображения лиц, подражая при этом тем формам, какие он видел в степи на изваяниях. Других аналогий мы не находим. Это по всей вероятности объясняется особым назначением изваяния. Монументальность памятника, каноничность изображения и, несомненно, символические знаки (круг с уголками, черта через нос и многие другие)—все это говорит о его культовом значении. Установившееся мнение, считающее их надгробными памятниками, может быть, справедливо по отношению к так называемым „каменным бабам" киргизских и монгольских степей, минусинские же изваяния, описанного типа, относить к надгробным памятникам нет никаких оснований, так как мы уже видели, что ни в одном случае не удается установить непосредственную связь изваяния с каким-нибудь погребением. Кроме того, они стоят иногда совершенно самостоятельно, вдали от каких-либо могил (например, изваяния рис. 3, 14, 24, 32, 35 и 38). Вероятнее всего они являлись изображением божества. В таком случае понятным становится и изображение головы барана, встречающееся на некоторых изваяниях. В жизни народов бронзовой эпохи баран играл, вероятно, крупнейшую роль, так как в могилах этого времени всегда находятся кости барана. На существование у древних насельников края культа барана указывают кроме того находки каменных изваяний, изображающих целую фигуру этого животного. Однако, не имея хороших воспроизведений с подобных фигур (рис. 56, 57), мы не решаемся утверждать, что они принадлежат к той же эпохе средней бронзы, как те изваяния, которые до сих пор приковывали наше внимание. Рисунок 59 сделан с фигуры барана из красного песчанника, хранящейся в Барнаульском Музее. К сожалению, никаких сведений о происхождении его в Музее не оказалось. Материал памятника, характерный для Минусинского края, заставляет предполагать, что скульптура происходит оттуда же. Возможно, что это один из тех баранов, о которых говорит Радлов, приводя выдержки из дневника Мессершмидта и Миллера (см. пояснение к таблицам).

В литературе имеются указания, что, кроме баранов, в Минусинских степях встречаются изображения быков, медведей, львов и барсов [1]. Вероятно из них в настоящее время сохранились немногие, так как сами авторы указывают, что некоторые памятники, будучи увезены с мест, погибли или затерялись, нам же в своих частых поездках по краю удалось видеть только голову лошади, вероятно, представляющую собой обломок большой статуи. Ни одного рисунка с изваяний животных, кроме головы хищника, хранящейся в Красноярске (рис. 58 или в тексте рис. 10), и уже упоминавшихся изваяний баранов, нам сделать не удалось [2].

Типы изваяний нехарактерные для края.

Приведенный материал не исчерпывает всего богатства Минусинских степей каменными изваяниями. Имеются еще несколько, но характер их совершенно иной.

Прежде всего нужно указать изваяние, известное по рисунку 1739 г. геодезиста Ивана Шишкова (рис. 64). Оно находилось на Черном Юсе против устья р. Саралы и у местного населения носило название *Хозен Хыс*—заяц-девка, что по всей вероятности записано неправильно, так как эта фигура ни в какой степени не напоминает зайца. Другое название *Казан Кижи тас* (или *таш*), гораздо вернее. Его перевод: „Каменный мужчина с горшком" уже, кажется, дал Попов.

[1] Рисунков не прилагается.

[2] В Минусинском музее есть фигура медведя и барана.

К сожалению, этот интересный памятник погиб и погиб давно, так как никакие расспросы у местного населения не дали указаний о его местонахождении. Пришлось лишь услышать смутные воспоминания о том, что голова была отломана и кем то увезена, а потом исчезла и остальная часть. Изваяние представляет собой мужчину, держащего в согнутой правой руке сосуд, напоминающий по форме серебряные сосуды, найденные в Минусинском крае [1], а левая рука придерживает кривую саблю или меч. На поясе, украшенном поперечными полосками, подвешены три предмета неизвестного назначения, повидимому, сумочки. Изображение земли какими то странными волнами, напоминающее старинный лубок, изображение сабли, как бы выходящей из плоскости камня, все говорит о малой опытности автора в рисовании, да и сам он признается в донесении Татищеву: „Хотя ж оные рисунки будут не весьма исправны, покорнейше прошу не прогневаться, ибо в живописи искусства не имею". Благодаря этому невозможно сделать никакого заключения относительно техники изваяния. Все же его общий тип ясен.

Рис. 11. Изваяние из гранита близ с. Синявино (фот. Минусинского Мартьяновского Музея).

Подобные изваяния широко распространены в пределах Киргизских степей, Алтая и Туркестана. Характерными представителями их являются изваяния, изображенные на рис. 65 и 66. Памятник 65 по технике исполнения является одной из лучших вещей этого рода. Все детали четко, аккуратно и очень правильно изваяны низким округлым рельефом, только правая рука сохраняет еще плоскостный характер. Конечно, о какой-либо портретности лица этого типа говорить не приходится. Типичная поза и детали являются каноном изображения человека какого то (вероятнее всего турецкого) племени.

Помимо рис. Шишкова имеется еще указание у Радлова о другой подобной статуе, находившейся на р. Туиме (Минусинский край). Эта статуя была увезена в Красноярск, и голова по дороге отломилась. Где оно теперь—неизвестно.

Единичность находок изваяний подобного рода в Минусинском крае [2] и их обилие в западных областях говорят о том, что Минусинский край был лишь периферией распространения этого типа.

Синявинское изваяние (рис. 60 или в тексте рис. 11), представляющее также округлую скульптуру, носит уже другой иконографический характер. Меч отсутствует, а сосуд находится в обеих руках, сложенных на груди.

Таков же Тесь-Ербинский „богатырь-камень", но исполнение его гораздо примитивнее (рис. 61). Это плоская плита, отесанная в форме человеческой фигуры, на одной стороне которой высечены древне-турецкие письмена, на другой—легким рельефом

[1] См. Смирнов, Атлас „Восточное серебро".

[2] Возможно даже, что в обоих случаях речь идет об одной и той же статуе

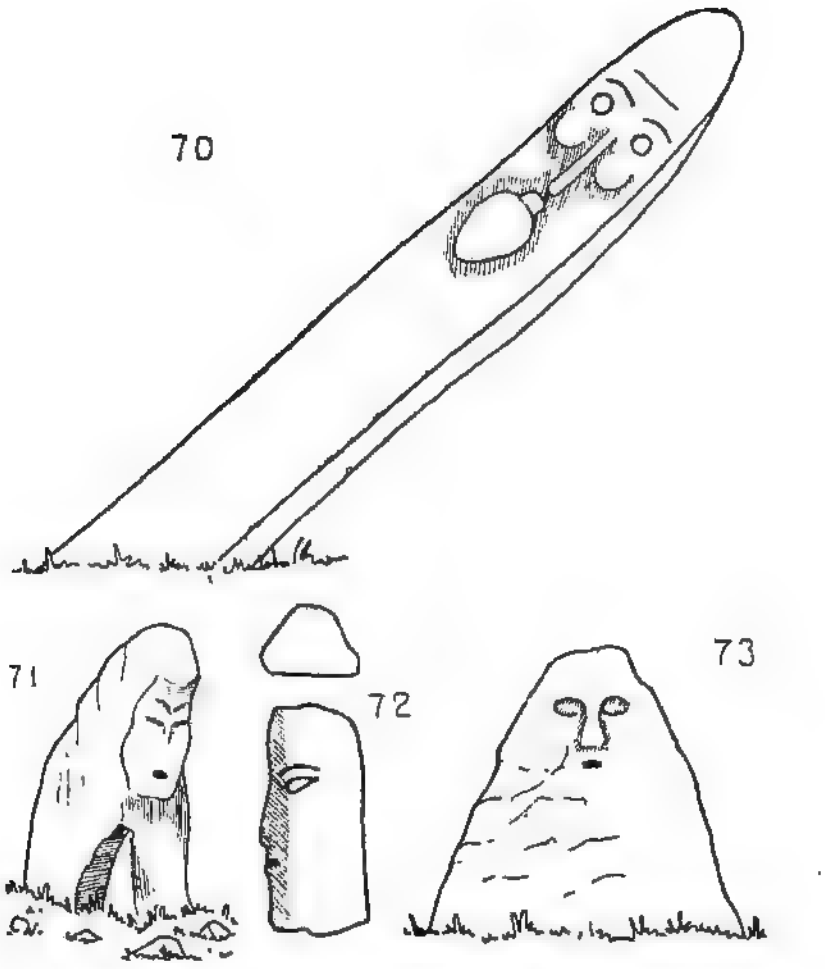


Таблица VIII.

Рис. 70. Камень-старик. Верхне-Биджинская степь, близ ул. Салбых. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 71. Ул. Асачаков на р. Абакан. Лицо слегка моделировано. К сожалению, детали на фотографии вышли плохо. С фот. И. П. Кузнецова, хранящейся в Томском Университете.

Рис. 72. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Красный песчаник. Обломок камня с изображением черт слабо моделированного лица. Штрихами показана поверхность, подвергшаяся обработке. Находится в Минусинском Музее.

Рис. 73. Минусинский край. (Точное местонахождение неизвестно). Глаза слегка округлы, лежат в углублении. Нос представляет собой нетронутую поверхность, вокруг которой сделана плоская выемка, к щекам сходящая на нет. Рот — обычная продолговатая ямка. С фот. А. В. Адрианова, хранящейся в Томском Университете.

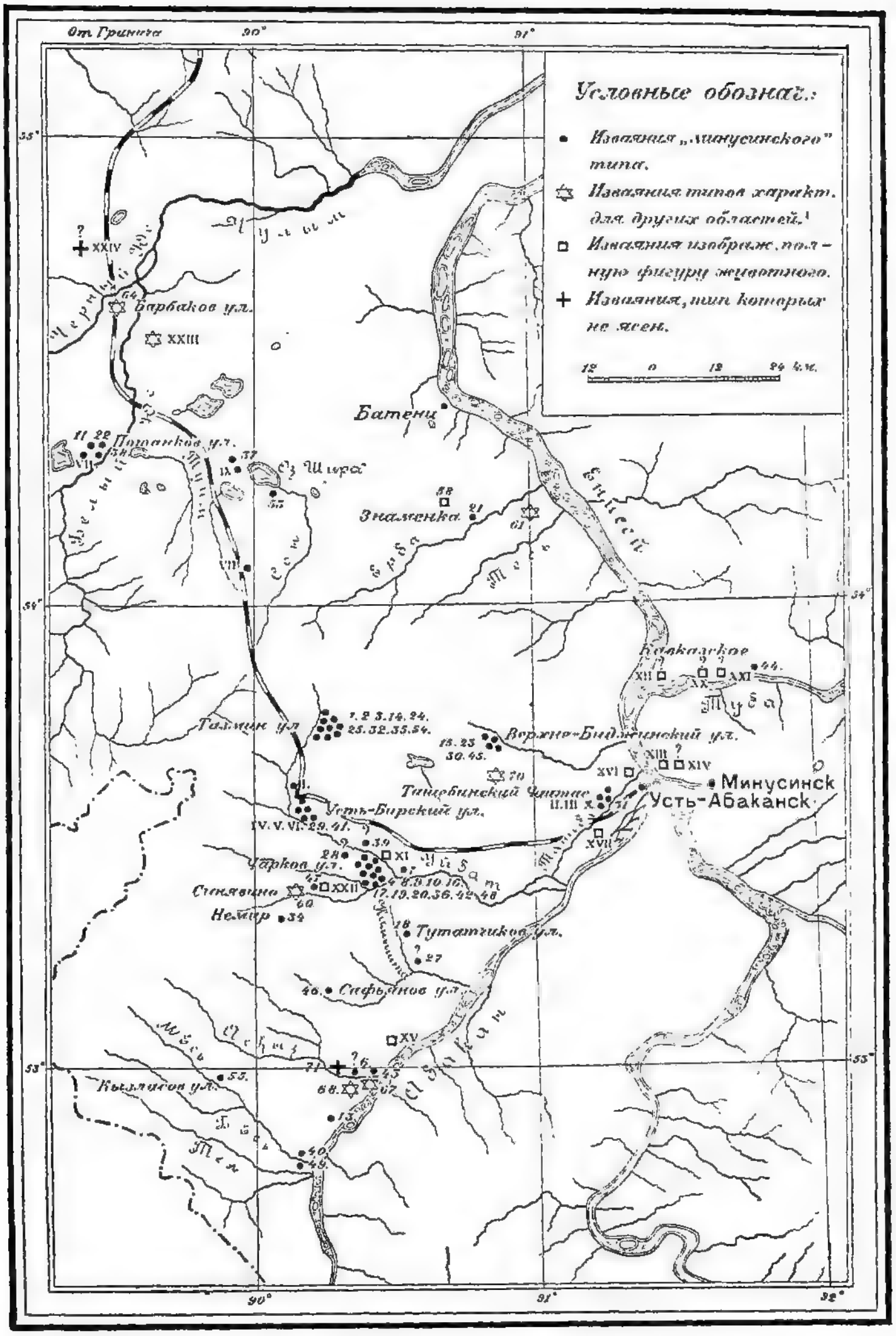
XXIII. „Узун" (2 арш. 4 в). В 3-х верстах от ул. Барбакова на р. Черный Юс. Представлял фигуру женщины с одной рукой. Разбит пополам. *26*, стр. 205. Костров (см. *20*, стр. 82), упоминая об этом памятнике, говорит, что на нем были изображены голова, глаза, нос, рот и одна рука. См. также *28*, стр. 58.

XXIV. В 4-х часах пути к югу от Божьего озера (Тигир-коль). Бурый камень четырехугольной формы, имеющий некоторое сходство с человеческой фигурой. По Радлову (из дневника Мессершмидта) *35*, стр. 12 и 15; *34*, стр. 171.

В литературе имеется еще около 15-ти указаний о местонахождении каменных изваяний в Минусинском крае. Однако, благодаря краткости описания или неточности указания места, не представляется возможным решить, идет ли речь о каких то новых, неизвестных нам, памятниках или о некоторых из тех, которые уже указаны в списке, последнее, повидимому, более правильно. См. *9*, том III, стр. 284; *16*, стр. 33; *17*, стр. 27; *20*, стр. 80 и 82; *21*, табл. XV, рис. 2. *26*, стр. 205; *28*, стр. 59, 62; *31*, стр. 575 — 6; *35*, стр. 17, 93 и 144, *37*, том III, стр. 507 — 8.

(судя по рисунку, приведенному у Радлова) мужское лицо с усами и руки, держащие сосуд.

Если оба приведенных изваяния в таких же разновидностях в большом количестве известны в Танну-Тувинской республике (Урянхай) (рис. 62 и 63), Монголии, Киргизских степях, Семиречьи и Алтае, то для Минусинского края они являются единственными



Карта распространения каменных изваяний в Минусинском крае.

Салбыхский „камень-старик“ (рис. 70) имеет вид длинного прямоугольного в сечении бруса, на верхнем конце которого изображено лицо. Глаза, брови и черта над ними сделаны врезанной линией. Щеки—в виде кружков, нос и сосуд, помещающийся непосредственно под ним, слегка рельефны.

Это изображение не имеет аналогий в Минусинском крае, зато такие встречаются в других местах, напр. на Алтае.

Фигура 73 без очертаний лица с изображением только глаз, носа в виде петли и небольшого рта известна также на Алтае. Подобное, но еще более примитивное, изображение, где отсутствует даже рот, имеется в Монголии.

На фигурах 71 и 72 мы не будем останавливаться, так как первую видеть не удалось, а ее некоторые особенности, трудно устанавливаемые по фотографии, заставляют воздержаться от безусловного отнесения ее к группе типично минусинских; вторая же представляет обломок, не дающий ничего определенного. Зато особенно привлекают внимание последние два памятника (рис. 67 и 68), рисунки которых дает Спасский. Изваяния изображают мужчину и женщину. Когда то они стояли в степи, недалеко от Аскыза, но потом были перевезены в село, и какова их судьба в настоящее время неизвестно. Они несомненно принадлежат к группе тех изваяний, где фигура человека изображена со сложенными „калачиком“ ногами и руками, держащими сосуд. Этот тип очень немногочислен, но распространен широко. Такие памятники известны на Алтае, в Семиречьи и в Танну-Тувинской республике (рис. 69). Последний особенно интересен рисунками сосудов, изображающих так называемые „скифские котлы“ или копирующие их глиняные сосуды. Подобные сосуды, найденные, например, Аспелином в Тесинском кургане, относятся ко времени не позднее III—IV вв. нашей эры [1]. Это позволяет думать, что и изваяния описанного типа относятся приблизительно к тому же времени.

Главная масса минусинских изваяний представляет собой обособленную группу памятников, не встречающихся за пределами края. Древне-турецкие надгробные надписи, делавшиеся на первом попавшемся в степи камне, никакого отношения к изваяниям не имеют и датировать их не могут. На курганы различных эпох конца бронзовой и железной культур изваяния попадали просто в качестве материала. Они древнее этих курганов. Время сооружения изваяний относится, вероятнее всего, к средней бронзе, т. е. к карасукской культуре (по Теплоухову приблизительно 1000 г. до н. э.).

Встречающиеся в Минусинских степях изваяния полной фигуры человека—„каменные бабы“—для края не характерны, они свойственны другим областям. Так, мужская фигура с сосудом в правой руке и мечом в левой, широко распространенная на Алтае, в Туркестане и Киргизских степях, в Минусинском крае представлена одним изваянием. Изваяния с сосудом, находящимся в обеих руках, характерны для других областей. а именно Танну-Тувинской республики и Монголии с прилегающими к ней частями Алтая и Киргизских степей. О различных типах монгольских, туркестанских и южносибирских изваяний мы надеемся говорить особо.

В своей работе мы часто пользовались советами и указаниями С. А. Теплоухова и С. Е. Малова, за что и приносим им искреннюю благодарность.

Ленинград, 1926 г.

М. Грязнов, Е. Шнейдер.

---

[1] Tallgren, Trouvailles tombales en 1889.

Использованная литература.

1. (Адрианов, А. В.). Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г, командированным Комитетом А. В. Адриановым. Изв. Русск. Ком. для изуч. Средн. и Восточн. Азии за 1904 г.

2. Адрианов, А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. Р. Г. О. по общей географии, т. X, 1888.

3. Aspelin, S. R. Antiquités du nord Finnoougrien. Helsingfors, 1877 — 1884.

4. Bayer, Th. S. Vertus inscriptio Prussica Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus II. Petropoli, 1729. (Использовано по Радлову—35).

5. Боголюбский, И. С. Исследование древностей Минусинского округа, Енисейской губ. в 1881 г. И. В. С. О. Р. Г. О. XIII, № 3, 1882.

6. Chantre, E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris — Lion, 1885.

7. Гейкель, Г. К. Из финляндской археологической литературы. Изв. Археол. Ком. Вып. 38, 1911.

8. Falk, I. P. Beiträge zur topographischen Kenntniss der Russ. Reichs. Petersb. 1785.

9. Gmelin, I. G. Reise durch Sibirien. Göttingen, 1752. (Использовано по Радлову — 35).

10. H(eikel), A. Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Enissei. Finskt Museum, I, I. 1894.

11. Heikel, A. O. Die Grabunterscuhungen und Funde bei Tascheba. Journal de la Société Finl. d'Archéol. XXVI, 1912.

12. Inscriptions de l'Enissei recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors, 1889.

13. Gastrén, M. A. Reisenberichte und Briefe. St.-Petersb. 1856.

14. Klaproth, M. I. Mémoires, relatifs à l'Asie, contennants des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les Peuples de l'Orient. Paris, 1826.

15. Klaproth, M. I. Sur quelques antiquités trouvées en Sibérie. Journal Asiatique. Paris, 1823, T. II. (Использовано по Попову—28).

16. Клеменц, Д. Древности Минусинского Музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886.

17. Клеменц. Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсии в верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Зап. З. С. О. Р. Г. О. XI, 1890.

18. К(леменц), Д. Минусинская Швейцария и боги пустыни (Из дневника путешественника). „Восточное Обозрение". 1884. №№ 5, 7, 9 и 12.

19. Костров. Очерки быта минусинских татар. Труды IV Арх. Съезда в Казани в 1877 г., т. I, 1884.

20. Он же. Список каменных изваяний, находящихся в Минусинском округе Енисейской губ. Зап. С. О. Р. Г. О. VII, 1864. См. также Вестник Географ. Об-ва, ч. X, 1854.

21. Кузнецов, Инс. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889.

22. (Мартьянов, М. Н.). Изваяния и изображения животных в Минусинском крае. (Из письма г. Мартьянова). Изв. В. С. О. Р. Г. О. XII, № 4—5, 1885.

23. Pallas, P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.-Petersb. 1776 (см. также Voyages du professeur Pallas dans plusieurs provinces de l'Emp. de Russie et dans l'Asie septentr.).

24. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства, ч. III, половина I. Петербург, 1788.

25. Пестов. Записки об Енисейской губ. Москва, 1833.

26. Пискарев, А. И. О месте нахождения каменных баб в России. Зап. С.П.Б. Археол. Об-ва. III, 1851.

27. Попов. Н. И. Общий взгляд на писаницы Минусинского края. Изв. С. О. Р. Г. О. VI, 1875 и VII. 1876.

28. Он же. О каменных бабах в Минусинском крае. Изв. С. О. Р. Г. О., II, № 4, 1871.

29. Он же. О писаницах Минусинского края. Изв. С. О. Р. Г. О. III, 1872.
30. Он же. О рунических письменах Минусинского края. Изв. С. О. Р. Г. О. V, 1874.
31. Он же. Татищев и его время. (Использовано по Попову—28).
32. Radloff, W. Aus Sibirien. II Band. Leipzig, 1893.
33. Он же. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Petersb. 1894—95.
34. Радлов, В. В. Сибирские древности (из путевых записок). Зап. Русск. Арх. Об-ва. VII, 1895. (Извлечение из „Aus Sibirien").
35. Он же. Сибирские древности. „Материалы по археол. России", № 3, 1888; № 5, 1891 и № 15, 1894
36. Он же. Труды Орхонской Экспедиции. Атлас древностей Монголии. СПБ. 1892 — 1899.
37. Риттер. К. Землеведение Азии. СПБ. 1879.
38. Савенков, И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV Археол. Съезда в Чернигове. Москва, 1910.
39. Скороговоров. Описание Енисейской губернии. Зап. С. О. Р. Г. О. кн. 8. II (смесь). Иркутск, 1865.
40. Спасский, Гр. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими. Зап. Р. Г. О. XII, 1857.
41. Он же. О Сибирских древних курганах. „Сыны Отечества", 1817, № 39. См. также „Сибирский Вестник", 1818, ч. 41.
42. Спицын, А. Археологический альбом. Зап. Отд. Русск. и Слав. археол. Русск. Археол. Об-ва XI, 1915.
43. Степанов, А. Енисейская губерния, ч. I, СПБ. 1835.
44. Stralenberg, F. I. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. (Использовано по Радлову № 35).
45. Tallgren, A. M. Collections Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman à Vasa. Helsingfors, 1917.
46. Он же. Minoussinskin arohaudat. Finskt Museum XXII, 1915.
47. Теплоухов, С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. Сборник „Этнографические экспедиции 1924—25 гг." Ленинград, 1926 г. Изд. Русского Музея.
48. Уваров, А. С. Сведения о каменных бабах. Труды I Археол. Съезда в Москве в 1869 г. Москва, 1871.
49. Эйхвальд, Э. И. О чудских копях. Труды Восточн. Отд. Имп. Археол. Об-ва. III, 1856.
50. Ядринцев, Н. Древние памятники и письмена в Сибири. „Литературный Сборник", издав. редакцией „Восточн. Обозрение", 1885.

M. GRIASNOV ET E. SCHNEIDER. SCULPTURES ANCIENNES DES STEPPES DE MINOUSSINSK.

La grande partie des sculptures de Minoussinsk forme un groupe isolé de monuments, que l'on ne rencontre point au delà des frontières de ce pays. Elles représentent des dalles, plus ou moins bien taillées, ayant un dessin stylisé de la face humaine et une ornementation symbolique (fig. 1 – 55). Les inscriptions en ancien turc que l'on trouve sur certaines d'entre elles, à en juger par leur texte, leur disposition et l'état relatif de leur conservation n'ont aucun rapport direct avec les sculptures et étaient gravées sur ces dalles postérieurement. L'on se servait de ces sculptures en guise de simple matérial de construction pour l'érection des kourganes de la fin de l'âge de bronze et de l'age de fer, conséquamment elles doivent être plus anciennes que les kourganes mêmes. Ces sculptures furent probablement taillées à l'âge de bronze moyen, c. à d. au temps de la civilisation de Karassouk (d'après Teploouhow environ 1000 ans avant notre ère).

Les statues d'hommes en pied, — les „babas en pierre", que l'on rencontre dans les steppes de Minoussinsk, ne sont pas caractéristiques pour ce pays. Elles sont originaires d'autres localités. La statue masculine tenant un vase dans la main droite et un glaive dans la gauche est très répandue dans l'Altaï, au Turkestan et dans les steppes Kirghises. Il n'y en a qu'une seule à Minoussinsk (fig. 64). Les sculptures à vases tenus des deux mains sont caractéristiques pour la république Tannou-Touva, la Mongolie et les parties adjacentes de l'Altaï et des steppes Kirghises. Nous ne connaissons que deux exemplaires de ce genre à Minoussinsk (fig. 60 et 61).

Explication des figures.

Carte de la répartition des sculptures à Minoussinsk. Phot. 1. Sculpture en grès rouge aux bords de la Birya près de l'oulousse Tasemine. Phot. 2. Sculpture en granit. Minoussinsk. Phot. 3. Sculpture en granit aux bords de la Birya, près de l'oulousse Tasemine. Phot. 4. Sculpture en grès rouge près de l'oulousse Verhne-Bidjinsk. Phot. 5 — 6. Sculpture en grès rouge au „tchaatasse" d'Ouybat (près de l'oulousse Verhne-Bidjinsk). Phot. 9. Estampage

d'une inscription „pissannitza" — Académie des Sciences de l'U. R. S. S. Phot. 10. Sculpture en grès rouge du v. Snamenka. Phot. 11. Sculpture en granit du v. Sinyavino.

Pl. I. Sculptures en pierre de Minoussinsk. 1 — 3 oulousse Tasemine, 4. „tchaatasse" d'Ouybat, 5. localité inconnue, 6. v. Askiz, 7. r. Ouybat, 8 — 10. „tchaatasse" d' Ouybat. Pl. II. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 11. oulousse Patankov, 12. localité inconnue, 13. près des rivières Askiz et Ess, 14. oulousse Tasemine, 15. oulousse Verhne-Bidjinsk, 16. „tchaatasse" d'Ouybat, 17. oulousse Tcharkov, 18. r. Kamichta entre les oulousses Toutatchikov et Kataév, 19. „tchaatasse" d'Ouybat, 20. oulousse Tcharkov. Pl. III. Sculptures en pierre de Minoussinsk. 21. v. Snamenka, 22. oulousse Patankov. 23. oulousse Verhne-Bidjinsk, 24. et 25. oulousse Tasemine, 26. localité inconnue, 27. r. Kamichta, 28. oulousse Tcharkov, 29. oulousse Oust-Birya, 30. oulousse Verhne-Bidjinsk. Pl. IV. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 31. „tchaatasse" de Tachebine, 32. oulousse Tasemine, 33. localité inconnue, 34. oulousse Aptichev, 35. oulousse Tasemine, 36. oulousse Tcharkov, 37. lac Chira. Pl. V. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 38. oulousse Patankov, 39. r. Ouybat, 40. v. Oust-Ess, 41. oulousse Oust-Birya, 42. „tchaatasse" d'Ouybat, 43. v. Askyz, 44. v. Kavkasskoye, 45. oulousse Verhne-Bidjinsk. Pl. VI. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 46. oulousse Safianov, 47. v. Sinyavino, 48. oulousse Tcharkov, 49. v. Oust-Ess, 50 — 52. localités inconnues, 53. lac Chira, 54. oulousse Tasemine, 55. oulousse Kiselassov. Pl. VII. Sculptures en pierre de différentes localités. 56. Minoussinsk emplacement précis inconnu, 57. Minoussinsk, r. Abakane, 58. Minoussinsk, v. Snamenka, 59. localité inconnue, 60. Minoussinsk, v. Sinyavino, 61. Minoussinsk, v. Snamenka, 62. république Tannou-Touva, emplacement précis inconnu. 63. république Tannou-Touva, r. Djidane, 64. Minoussinsk, embouchure de la Sarali, 65. province de Semiretchensk, la gorge de Kagatine, 66. l'Irtiche-noire, „saimka" Shterbakov, 67 — 68. Minoussinsk, embouchures de l'Askyz, 69. république Tannou-Touva. Pl. VIII. Sculptures en pierre de Minoussinsk, 70. oulousse Salbih, 71. oulousse Assatchakov, 72 et 73. localités inconnues.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТРАН.
С. И. Руденко. Перевес	1—12
С. И. Руденко. Графическое искусство остяков и вогулов . . .	13—40
С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края	41—62
М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей	63—93